О ТОМЪ,

КАКЪ РОСЛО МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

И

СДѢЛАЛОСЬ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ

К. Бестужева-Рюмина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.
1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 ноября 1866 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

О ТОМЪ, КАКЪ РОСЛО МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО И СДѢЛАЛОСЬ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ.

—

Шесть сотъ лѣтъ тому назадъ страшная бѣда постигла Русь, тогда подѣленную на мелкія княжества—пришли татары; князья не соединились; татары разбили ихъ по одиночкѣ, разорили Русь изъ конца въ конецъ и стали владѣть ею. Пришлось русскимъ князьямъ ѣздить въ орду и вымаливать у хановъ татарскихъ и жизнь свою, и власть. Такъ прошло около ста лѣтъ. Татары поразбогатѣли и стали ссориться между собою; тогда начала отдыхать Русская Земля. Московскій князь Иванъ Даниловичъ, одинъ изъ самыхъ слабыхъ, добился званія великаго князя и потихоньку сталъ скоплять богатства и покупать вотчины другихъ князей; татаръ онъ старался не обижать для того, чтобы до времени они не опомнились и опять не задавили Руси. То же дѣлали и его наслѣдники. Имъ помогали святые митрополиты Петръ и Алексѣй, которые и переѣхали жить въ Москву. Москва такъ усилилась, что внуку Ивана Даниловича, Димитрію Ивановичу Донскому удалось разбить татарскія силы Мамая на полѣ Куликовомъ и тѣмъ показать, что и татаръ можно бить *).

*) Кто хочетъ знать все это подробнѣе, тотъ читай книжку: «О злыхъ временахъ татарщины».

*

. Бѣжалъ Мамай съ поля Куликовскаго, а въ *Кафѣ* (теперь Θеодосія въ Крыму) убилъ его татаринъ же, *Тохтамышъ*, который сталъ съ тѣхъ поръ ханомъ и началъ грозить Землѣ Русской, хотѣлъ опять заставить князей русскихъ платить себѣ дань. Русская Земля тогда еще не оправилась отъ погрома мамаева: дорого стоила ей побѣда надъ татарами, много и князей, и бояръ, и простыхъ воиновъ осталось на полѣ Куликовомъ. Послѣ такой натуги надо было бы отдохнуть нѣсколько лѣтъ; а татары собрались на Русь ровно черезъ годъ послѣ мамаева побоища.

Перешелъ Тохтамышъ черезъ Волгу и шелъ къ рязанскимъ предѣламъ: этимъ путемъ всегда въ то время вступали татары въ Русскую Землю. Услыхалъ объ его походѣ князь нижегородскій Дмитрій Константиновичъ, тесть великаго князя Димитрія Ивановича, испугался бѣды и послалъ сыновей своихъ, *князя Василья*, да *князя Семена*, догнать Тохтамыша и смирить его своею покорностью. Едва удалось имъ догнать татаръ на межѣ рязанской. Услыхалъ о походѣ татарскомъ и князь Олегъ рязанскій, и вышелъ на встрѣчу Тохтамышу, поклонился ему, поднесъ дары и указалъ броды черезъ Оку.

Когда же услыхалъ о томъ великій князь Димитрій Ивановичъ, задумалъ онъ сначала выйдти биться съ татарами, но увидалъ, что войска у него мало и не остался въ Москвѣ, а пошелъ черезъ Переяславль и Ростовъ въ Кострому.

Перешелъ Тохтамышъ Оку, взялъ Серпуховъ и пошелъ къ Москвѣ; а въ Москвѣ народъ волновался: кто собирался бѣжать, кто хотѣлъ остаться въ городѣ.

Кто хотѣлъ остаться, тѣ стали съ мечами въ воротахъ и не пускали никого изъ города; другіе влѣзали на стѣны и камнями бросали въ убѣгающихъ. Никто не слушался ни великой княгини *Евдокіи*, ни митрополита *Кипріяна*, ни большихъ бояръ, и даже великую княгиню и митрополита едва выпустили изъ города. При такомъ волненіи нашлись и злые люди, которые убивали своихъ, чтобы ограбить. Изо всѣхъ воеводъ, которые оставались въ городѣ, одинъ только князь *Остей*, родомъ литвинъ, который служилъ великому князю, нашелъ, что̀ надо дѣлать: онъ уговорилъ москвичей защищаться и принялъ надъ ними начальство.

Въ полдень 23-го августа (1381 г.) подступилъ Тохтамышъ къ Москвѣ. Сталъ онъ сначала въ полѣ на разстояніи двухъ выстрѣловъ отъ города. Увидали его москвичи со стѣны и затрубили въ трубы. Потомъ подъѣхали татары къ стѣнамъ и стали спрашивать: «Здѣсь ли князь Димитрій?» — «Его здѣсь нѣтъ», отвѣчали горожане. Осмотрѣлись вокругъ татары и отъѣхали: они замѣтили, что москвичи сожгли посадъ, не оставили ни деревца, ни кола, чтобы нечего было татарамъ приметать къ стѣнамъ, какъ въ то время дѣлывали для того, чтобы зажечь городъ. Обрадовались этому отходу горожане и возгордились; стали говорить: «Не боимся мы татаръ, городъ у насъ каменный, твердый, ворота желѣзныя, не долго постоятъ татары подъ городомъ, — уйдутъ скоро: и насъ испугаются, да и вспомнятъ, что князь великій можетъ прійдти съ войскомъ и напасть на нихъ сзади». Ободрились многіе такими мыслями, выка-

тили на площадь бочки меда изъ барскихъ погребовъ и пьяные влѣзали на стѣну и ругались надъ татарами, а татары ѣздили, грозили имъ саблями, потомъ отошли; еще больше приободрились москвичи и стали пировать на радости.

На другой день поутру, самъ ханъ подступилъ къ городу, татары не стрѣляли, а только осматривали городъ; горожане первые начали стрѣлять изъ луковъ и метать камни. Разъярились татары и посыпались стрѣлы ихъ какъ дождь на городъ; стрѣлы тучею застилали небо и убивали многихъ москвичей на стѣнѣ потому, что татары стрѣляли искуснѣе русскихъ: были у нихъ такіе искусники, что безъ промаха стрѣляли па скаку. Пока одни стрѣляли, другіе принесли лѣстницы и полѣзли на стѣну; горожане же обливали ихъ со стѣнъ горячею водою. Утомились татары и отступили; скоро вмѣсто усталой толпы пришла другая, свѣжая, и стала приступать еще свирѣпѣе. Москвичи храбро отбивались отъ нихъ стрѣлами и камнями.

Три дня стоялъ Тохтамышъ подъ городомъ, а на четвертый обманулъ князя Остея и москвичей. Въ полдень по слову цареву, подъѣхали къ стѣнамъ нѣсколько знатныхъ татаръ, и князья нижегородскіе. Дали знать городу, что пришли для мирнаго дѣла. Стали они говорить народу, который собрался на стѣнахъ: «Царь хочетъ васъ, своихъ людей, жаловать: вы ни въ чемъ не виноваты и не на васъ онъ пришелъ, а на князя Димитрія; вамъ же онъ ничего не сдѣлаетъ, если выйдете къ нему съ дарами и пустите его въ городъ: хочется ему видѣть вашъ городъ».

Князья нижегородскіе клялись москвичамъ, что все это правда и что имъ нечего бояться татаръ. Повѣрили этому москвичи и вышли изъ города съ крестами и дарами. Татары заманили къ себѣ князя Остея и убили его, потомъ ворвались въ городъ и стали бить людей или уводить въ полонъ; стали жечь и грабить имѣніе горожанъ и церкви.

Взявши Москву, пошли татары грабить другіе города: Владиміръ, Переяславль, Звенигородъ, Можайскъ и другіе. Князь тверской Михаилъ послалъ къ татарамъ пословъ съ дарами и тѣмъ спасся отъ нападенія. На возвратномъ пути татары ограбили землю Рязанскую, хоть и думалъ князь Олегъ спастись отъ нихъ тѣмъ, что прежде указалъ имъ броды, но не помнили татары никакихъ услугъ.

Когда ушелъ Тохтамышъ, великій князь вернулся въ Москву и велѣлъ хоронить убитыхъ и платить по рублю за восемьдесять убитыхъ, —выдано было триста рублей; стало быть всѣхъ убитыхъ было *двадцать четыре тысячи*; уведено въ орду было такъ много, что и счесть нельзя.

Врагъ московскаго князя *Михаилъ Александровичъ* тверской увидавъ, что орда опять стала сильна, поѣхалъ къ Тохтамышу хлопотать о томъ, чтобы его сдѣлали великимъ княземъ; но Димитрій послалъ въ орду сына своего *Василія* и дѣло уладилось. Василій заплатилъ въ ордѣ 8,000 рублей. Не сразу можно было освободиться отъ татаръ.

Прошло пять лѣтъ, отдохнуло московское княжество отъ двухъ татарскихъ погромовъ, тогда великій князь вспомнилъ, что новгородцы перестали

платить дань ему, великому князю, и грабили области и его, и тѣхъ князей, которые были съ нимъ заодно. Собралъ онъ сильную рать и пошелъ войною на Новгородъ.

Новгородъ и Псковъ, который звался меньшимъ братомъ Новгорода и который иногда зависѣлъ отъ него, а иногда бралъ себѣ особаго князя, были тогда богаты и сильны. Богатъ былъ Новгородъ тѣмъ, что велъ большую торговлю: сюда нѣмцы привозили свои товары, для чего завели свой гостиный дворъ, а отсюда получали мѣха сибирскіе. За тѣми мѣхами ходили новгородцы за Печору и въ Пермь и давно уже завладѣли нынѣшней Архангельской губерніей. Тамъ, по Двинѣ, были богатыя владѣнія новгородскихъ бояръ. Много денегъ накопилось въ Новгородѣ отъ этой торговли и обстроился Новгородъ лучше другихъ тогдашнихъ городовъ; много было въ немъ церквей богатыхъ, были и каменныя палаты—тогда еще рѣдкость па Руси. Богатъ былъ Новгородъ и завидно было его богатство сосѣдямъ иноплеменнымъ: шведамъ и нѣмцамъ, и не разъ приходили: шведы — на Новгородъ, а нѣмцы больше на Псковъ и приходилось новгородцамъ и псковичамъ отбиваться отъ нихъ. У шведовъ съ новгородцами ссора велась больше всего за устье Невы: за то мѣсто, гдѣ теперь *Петербургъ.* Хотѣлось новгородцамъ пробиться къ морю, чтобы легче торговать съ заморскими нѣмцами, а шведамъ, которые владѣли тогда Финляндіею, сильно не хотѣлось пускать ихъ къ морю.

Въ 1240 г., въ тотъ самый годъ, какъ татары

брали Кіевъ, собралъ воевода шведскій Биргеръ большое войско, посадилъ его на лодки, пришелъ въ рѣку Неву и всталъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее Ижора. Высадившись на берегъ и разбивши свой станъ, послалъ Биргеръ сказать тогдашнему новгородскому князю Александру Ярославичу: «Противься мнѣ, если можешь; а я пришелъ плѣнить твою землю, и будешь рабъ мнѣ и дѣти твои». Пошелъ Александръ въ храмъ св. Софіи, помолился Богу, благословился у архіепископа и сталъ укрѣплять свое войско. «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», сказалъ онъ новгородцамъ и, сѣвши на коня, повелъ рать на встрѣчу шведамъ. Былъ нѣкто *Пелгусій*, въ крещеніи Филиппъ, старѣйшина земли ижорской, которому поручилъ Александръ стеречь берегъ морской. Пошелъ онъ повѣстить князя о приходѣ шведовъ. На пути было ему видѣніе: видѣлъ онъ, что по морю плыветъ лодка, а посреди нея, обнявшись, стоятъ святые Борисъ и Глѣбъ въ алыхъ одеждахъ и говоритъ Борисъ Глѣбу: «вели грести скорѣе, чтобы успѣли мы помочь сроднику нашему Александру». Пелгусій разсказалъ это Александру.

Пришелъ Александръ на Ижору и билися крѣпко. Одинъ изъ богатырей новгородскихъ *Гаврило Олексичъ* въѣхалъ съ конемъ въ лодку шведскую по той доскѣ, по которой всходили въ лодку и сходили съ нея; спихнули его въ воду съ конемъ; выплылъ онъ, и началъ рубиться и много пало отъ руки его. Другой *Сбыславъ Якуновичъ*, бился съ топоромъ въ рукѣ и побилъ многихъ. Самъ Александръ мечомъ положилъ печать на лицѣ воеводы Биргера.

Побѣжали шведы и только трупы самыхъ знатныхъ своихъ людей захватили съ собою; наложили этими трупами три лодки и лодки тѣ потонули въ морѣ; а прочія тѣла закопали въ одну большую яму. Воротился Александръ со славою въ Новгородъ и за ту побѣду прозванъ *Невскимъ*.

Но война со шведами этимъ не кончилась; нѣсколько разъ она опять возобновлялась.

Въ 1323 году когда новгородцы на истокѣ Невы построили городъ *Орѣшекъ* (теперь *Шлиссельбургъ*), шведы заключили было съ ними вѣчный миръ, да не на долго. Въ Швеціи воцарился король *Магнусъ*. Магнусъ былъ ревностный католикъ; а папа незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ воззванія ко всѣмъ католикамъ, чтобы шли они обращать подъ власть папскую всѣ народы, которые ей не подчиняются. Послушался этого воззванія Магнусъ и въ 1348 году послалъ сказать новгородцамъ: «Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пошлю своихъ, пусть поспорятъ о вѣрѣ: я хочу знать, которая вѣра лучше, наша или ваша. Если ваша вѣра лучше, я пойду въ вашу; если наша вѣра лучше, вы ступайте въ нашу. Хочу быть съ вами за одинъ. Не пойдете на споръ, то иду на васъ со всею своею силою». — «Если хочешь знать — отвѣчали новгородцы — которая вѣра лучше, то пошли въ Грецію: мы оттуда приняли вѣру; а мы съ тобой о вѣрѣ спорить не станемъ. Посылаемъ къ тебѣ пословъ, чтобы разобрать, нѣтъ-ли какихъ обидъ между нами». — «Обиды нѣтъ никакой — сказалъ Магнусъ — а хочу, чтобы вы шли въ мою вѣру. Не пойдете, буду съ вами воевать».

Сталъ тогда Магнусъ на *Березовомъ островѣ* (близъ Выборга), откуда и пошелъ Невою къ Орѣшку, гдѣ затворились новгородцы и сталъ онъ осаждать Орѣшекъ, а жившихъ вблизи Ижорцевъ (чухонъ) принуждать креститься въ свою вѣру: кто не крестился, того убивали. Послали новгородцы войско противъ тѣхъ шведовъ, которые насильничали надъ ижорцами и разбили ихъ, а Магнусъ тѣмъ временемъ обманомъ взялъ Орѣшекъ, гдѣ посадилъ 800 человѣкъ своихъ. Призвали новгородцы псковичей и пошли съ ними къ Орѣшку. Простояли они подъ городомъ отъ успеньева поста до великаго и хотя псковичи ушли отъ нихъ потому, что нѣмцы напали на Землю Псковскую, все-таки взяли городъ: стали на *ѳедоровой* недѣлѣ кидать *приметъ* и зажигать, загорѣлся и городъ, Шведы убѣжали въ башню, а новгородцы взяли городъ.

Кромѣ шведовъ, у новгородцевъ, и особенно псковичей, врагами были нѣмцы ливонскіе (теперешнія губерніи *Эстляндская*, *Лифляндская* и *Курляндская*). Нѣмцы пришли въ тотъ край незадолго передъ тѣмъ, какъ Русь покорили татары. Коренные тамошніе жители *Эсты*, *Ливы*, *Латыши* и другіе, съ давнихъ поръ, платили дань Новгороду и русскимъ князьямъ полоцкимъ; еще русскій великій князь *Ярославъ*, сынъ *Владиміра Св.* построилъ въ этой землѣ городъ Юрьевъ (теперъ Дерптъ); жители оставались язычниками и крестился только тотъ, кто хотѣлъ. Спокойно жили эти племена въ своихъ лѣсахъ, какъ разъ къ устью Двины прибитъ былъ корабль нѣмецкихъ купцовъ изъ города Бремена. Жи-

тели сначала не хотѣли пускать нѣмцевъ на берегъ и начали драку: нѣмцы одолѣли и тогда стали уговаривать ливовъ мѣняться съ ними товарами: у бѣдныхъ ливовъ глаза разбѣжались на заморскіе товары. Нѣмцы стали возвращаться и скоро на берегу Двины построили для пріюта себѣ городокъ *Укскуль*. Какъ только нѣмцы утвердились, они стали уговаривать ливовъ креститься; ливы ихъ не слушались и они задумали обратить ихъ силою и привели войско: въ то время въ Европѣ считали самымъ богоугоднымъ дѣломъ силою обращать язычниковъ въ христіанство; папа обыкновенно благословлялъ на такой подвигъ. Такіе воины назывались *крестоносцами*, а походы ихъ крестовыми походами. Сначала они ходили на завоеваніе Іерусалима, а потомъ обратились на разныхъ языческихъ народовъ.

Пришли крестоносцы и разбили ливовъ: гдѣ было бѣдному народу, незнавшему войны, бороться съ нѣмецкими воинами, закованными въ желѣзо, съ отличными мечами и копьями! Ливы покорились. Чтобы остаться навсегда въ Ливоніи, нѣмцы съ разрѣшенія папы устроили *орденъ Меченосцевъ*: такъ называли рыцарей (воиновъ), которые съ тѣмъ вмѣстѣ были и монахами; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, цѣломудрія и послушанія, они давали обѣтъ воевать съ невѣрными. Такихъ орденовъ было уже нѣсколько прежде и по ихъ-то образцу устроился и *орденъ Меченосцевъ*.

Нѣмцы раздѣлили между собою землю Ливонскую, а жителей крестили и обратили въ рабовъ. Ливонцы стали христіанами только по имени, пото-

му что самая служба, по обычаю всѣхъ католиковъ (а нѣмцы были тогда католиками), совершалась на латинскомъ языкѣ; священнаго писанія они не знали потому, что у католиковъ тогда позволялось знать священное писаніе только духовнымъ. Чтобы больше укрѣпить за собою землю Ливонскую, нѣмцы настроили городовъ, изъ которыхъ самый важный *Рига* и перезвали туда жителей изъ Германіи. По деревнямъ они настроили *замковъ* (большіе каменные дома со стѣнами и башнями, какъ крѣпости). Въ замкахъ жили нѣмцы, а кругомъ замковъ, въ лачугахъ и землянкахъ жили ливонцы — рабы.

Покоривши Ливонію, задумали нѣмцы крестовый походъ на Русь: русскихъ они тогда не считали христіанами, потому что русскіе папѣ не повиновались и молились Богу не по-латини, а по-славянски. Войны между русскими и нѣмцами тянулись болѣе трехъ сотъ лѣтъ и кончились тогда только, когда царь Иванъ Васильевичъ такъ стѣснилъ орденъ, что онъ долженъ былъ уничтожиться. Ливонія переходила отъ Польши къ Швеціи и, наконецъ, при Петрѣ Великомъ завоевана Россіей.

Псковъ былъ смеженъ съ Нѣмецкою землею; оттого псковичамъ чаще всего приходилось бороться съ нѣмцами.

Въ 1242 году взяли нѣмцы Псковъ и посадили въ немъ своихъ намѣстниковъ; многіе псковичи бѣжали въ Новгородъ. Новгородскій князь Александръ Ярославичъ Невскій пошелъ ко Пскову, выгналъ нѣмцевъ изъ города, намѣстниковъ ихъ заковалъ и послалъ въ Новгородъ; а самъ пошелъ на землю

Ливонскую. Сталъ онъ разсылать своихъ людей по землѣ Ливонской за вѣстями; напали на нихъ нѣмцы: кого избили, кого захватили, а иные бѣжали къ Александру. Александръ сталъ съ своимъ войскомъ на *Чудскомъ* озерѣ (на рубежѣ теперешней Псковской губерніи) на льду; дѣло было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Нѣмцы говорили: «Возьмемъ руками князя Александра», а русскіе говорили: «Князь нашъ честный и дорогой! настало время положить намъ свои головы за тебя». Князь же Александръ, поднявъ руки къ небу, сказалъ: «Разсуди, Господи, споръ мой съ этимъ народомъ велерѣчивымъ и помоги мнѣ, какъ помогъ прадѣду моему Ярославу на окаяннаго Святополка». Въ день Похвалы Богородицы была битва. Взошло солнце; нѣмцы поставили войска свои *свиньей*, то есть клиномъ, острый конецъ котораго былъ обращенъ къ непріятелю, и ворвались въ русское войско; отъ треска копій и звука мечей былъ такой шумъ, будто ломается замерзшее море; ледъ покраснѣлъ отъ крови. Побѣдилъ Александръ нѣмцевъ и гналъ ихъ озеромъ семь верстъ; пятьсотъ нѣмцевъ было убито, много было взято въ плѣнъ. Когда Александръ въѣзжалъ во Псковъ, его встрѣтили священники въ ризахъ и со крестами и толпа народа; онъ ѣхалъ верхомъ, а плѣнныхъ рыцарей вели подлѣ коня его. Изо Пскова поѣхалъ Александръ въ Новгородъ. Сюда нѣмцы прислали просить мира и возвратили все, что̀ недавно отняли у русскихъ; но война кончилась только на время.

Въ этой войнѣ особенно прославился псковскій князь *Довмонтъ*, родомъ литвинъ. Довмонтъ былъ

родственникъ великаго князя литовскаго, *Миндовга.* Литовское племя (т. е. *Литва* и *Жмудь*) очень бѣдное: жило въ лѣсахъ (въ теперешнихъ губерніяхъ Ковенской, частію Виленской, Гродненской и Минской); бѣдно оно было до того, что платило русскимъ князьямъ дань лыками и вѣниками. Управлялась Литва мелкими князьями, которые всѣ больше или меньше слушались своего старшаго жреца. Когда русскіе князья слабѣли въ своихъ ссорахъ, Литва стала дѣлать нападеніе на ихъ области, особенно послѣ того какъ другое племя литовское—Пруссы было покорено нѣмцами, а тѣ, кто не хотѣлъ покориться, бѣжалъ въ Литву. Тогда-то одинъ изъ князей литовскихъ, *Миндовгъ,* задумалъ одинъ владѣть Литвою; перебилъ многихъ изъ своихъ родственниковъ и другихъ князей. За то тѣ, которые остались, положили убить его самого. Въ числѣ убійцъ былъ и Довмонтъ. Убили Миндовга, а сынъ его *Войшелгъ,* который крестился въ православную вѣру и пошелъ въ монахи, скинулъ съ себя на время рясу и пошелъ въ Литву мстить за отца. Кого онъ не успѣлъ захватить, тѣ бѣжали; бѣжалъ и Довмонтъ и пришелъ во Псковъ. Псковичи назвали его своимъ княземъ; онъ крестился, опустошалъ со псковичами Литву и женился на дочери тогдашняго новгородскаго князя *Димитрія Александровича,* сына Невскаго. Новгородцы позволили псковичамъ держать своего особаго князя, что прежде было рѣдко. Не разъ ходили псковичи съ Довмонтомъ, котораго въ крещеніи назвали Тимоѳеемъ, и на нѣмцевъ, и на литовцевъ. Любили псковичи своего князя и было за что: онъ былъ

милостивъ паче мѣры, любилъ священниковъ, украшалъ церкви, заступался за сиротъ, за вдовъ и за всѣхъ, кого обижали сильные. Когда же онъ умеръ отъ мора, горько плакали по немъ псковичи.

Такъ боролись новгородцы и псковичи со врагами иноплеменными и оберегали съ своей стороны Русскую Землю; а новгородцы, какъ уже сказано, и расширяли ее: приходили въ какую-нибудь землю сначала торговать, а потомъ селились, строили свои города и села, пахали землю, а тамошнихъ жителей заставляли платить себѣ дань. Такіе походы были часты: новгородцы—хоть и былъ у нихъ князь—управлялись по старому сходкою (вѣчемъ); на этомъ вѣчѣ всѣ новгородцы были съ голосомъ и дѣла обсуждались по общему рѣшенію; только то и можно было сдѣлать, на чтò всѣ были согласны. Бывало и такъ, что несогласныхъ били или даже топили; сходились иногда два вѣча: одно по одну сторону рѣки, другое по другую, и шли черезъ мостъ, каждое думало заставить другое сдѣлать по-своему; на мосту они сталкивались и начиналась битва; часто только архіепископъ новгородскій, пришедши на мѣсто съ св. крестомъ въ рукѣ, мирилъ спорщиковъ. Вотъ послѣ какой-нибудь такой ссоры, а иногда и такъ, набиралась толпа удальцовъ: набиралъ ихъ больше какой-нибудь богатый, да удалый человѣкъ, и всѣ кому тѣсно было отъ горлановъ и кто надѣялся поживиться въ чужой землѣ, а можетъ и добыть себѣ земли, шли за ними охотно. Выходила толпа эта въ ушкуяхъ (лодки по старому) изъ Новгорода; оттого и звали ихъ ушкуйниками: шли онѣ къ Сѣвер-

ной Двинѣ, которая пала въ Бѣлое озеро и на которой теперь Архангельскъ; около этой рѣки и сложилась мало-по-малу новгородская область Двинская, иногда шли они на Волгу. Какъ завладѣвали новгородцы разными землями, всего лучше увидимъ па примѣрѣ земли Вятской.

Еще до татаръ (въ 1147 г.) пошли такіе удальцы на Волгу; Волгою вышли въ Каму, гдѣ тогда еще русскіе не владѣли, и построили тутъ городокъ. Кама рѣка большая, путь для всѣхъ открытый, могутъ придти люди изъ иныхъ мѣстъ, тѣ или другіе удальцы изъ Новгорода, и прогнать ихъ, или пошлетъ войско князь суздальскій, тогда сильный на Волгѣ или болгары (народъ татарскій, владѣвшій тогда около Казани) прогонятъ ихъ. Потому отрядили удальцы часть своихъ смотрѣть дальше, нѣтъ ли побезопаснѣе мѣста. Вошли посланные въ рѣку Чепецъ, нашли здѣсь трусливыхъ вотяковъ и пошли жечь и разорять ихъ имѣнія; взяли и городъ ихъ на рѣкѣ Вяткѣ, который звался Болванскимъ: городъ былъ крѣпокъ; помолились новгородцы святымъ Борису и Глѣбу и взяли городъ. Русскіе назвали этотъ городъ *Никулицынымъ* (теперь село въ Вятской губерніи). Услыхали остальные (что оставались на Камѣ), о томъ, какъ удалось имъ, пришли и завладѣли другимъ городкомъ, который назвали *Котельничемъ* (теперь городъ въ Вятской губерніи). Потомъ на рѣкѣ *Хлыновицѣ* построили Хлыновъ (теперь Вятка). Мѣсто выбрали отличное: съ двухъ сторонъ обведенъ былъ городъ глубокимъ рвомъ, а съ одной прилегалъ къ рѣкѣ Вят-

кѣ. Вмѣсто стѣны служили дома, плотно построенные одинъ подлѣ другаго: внутрь города были ихъ окна и двери, а съ наружной стороны глухая стѣна. Въ этомъ городѣ отбивались вятчане отъ всѣхъ окружныхъ народцевъ и долго съумѣли держаться, не поддаваясь никому: ни Новгороду, ни великому князю; только великій князь Иванъ Васильевичъ, который соединилъ подъ рукой своей почти всѣ русскія земли, покорилъ и Новгородъ, покорилъ и Вятку.

Не всегда ходили новгородцы противъ чужихъ народовъ, доставалось отъ нихъ иногда и своимъ: такъ въ 1366 году ходили новгородцы въ ушкуяхъ съ воеводою *Осипомъ Варѳоломеевичемъ* и другими на Волгу и около Нижняго разграбили купцовъ и московскихъ, и татарскихъ. Разсердился великій князь Димитрій, и послалъ сказать новгородцамъ: «Зачѣмъ ходили на Волгу и пограбили моихъ купцовъ?» Отвѣчали новгородцы: «Ходили люди молодые, безъ позволенія Новгорода, и только побили басурмановъ, а твоихъ купцовъ не трогали; прости намъ», и князь великій простилъ.

Въ 1375 году, въ то время какъ Димитрій Иванöичъ смирилъ главнаго недруга своего, князя тверскаго, вышло изъ Новгорода. 70 ушкуевъ съ воеводою Прокопомъ. Черезъ Волгу прошли онѣ въ рѣку Кострому и стали у города Костромы. Вышли костромичи изъ города съ воеводою великокняжескимъ *Плещеевымъ*; увидѣли новгородцы, что ихъ много: болѣе 5,000, а у нихъ только 1,500 и пошли на хитрость: послали одну половину зайти за лѣсъ, чтобы ударить костромичамъ въ тылъ въ то время, какъ

другая половина ударитъ имъ въ лицо. Дрогнули костромичи и побѣжали, а новгородцы взяли городъ; грабили его и жгли цѣлую недѣлю: что могли взять, взяли съ собою на лодки, а что было потяжеле—побросали въ рѣку; захватили также съ собою много полону. То же сдѣлали и съ Нижнимъ; и все награбленное и плѣнниковъ продали татарамъ въ Казани: потомъ опять пошли на Волгу и стали грабить и своихъ, и чужихъ. Когда же дошли до Астрахани, то здѣсь избилъ ихъ князь татарскій Солчій.

Много и еще такого дѣлали новгородцы; но терпѣлъ князь Димитрій, пока не покончилъ съ татарами; но когда новгородцы отказали платить ему дань, то онъ собралъ войско на Новгородъ. Много войска было съ нимъ и послали новгородцы пословъ къ нему просить мира, но отказался дать миръ великій князь и сталъ въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода въ полѣ. Пришелъ къ нему владыка новгородскій Алексѣй и сказалъ ему: «Князь! я тебя благословляю, а Великій-Новгородъ челомъ бьетъ о мирѣ; а за вину свою даютъ тебѣ люди 8,000 р.» (тогда 8,000 р. были большія деньги). Отказалъ князь и ему; перепугались новгородцы и стали готовиться защищать городъ, а для того зажгли всѣ монастыри около города и всѣ посады, хоть и было оттого много убытка и чернецамъ и людямъ новгородскимъ. Увидалъ князь, что трудно взять Новгородъ, гдѣ люди приготовились биться до конца, и согласился взять съ Новгорода окупъ.

Черезъ три года послѣ того (въ 1389 г.) умеръ князь Димитрій, оставивъ послѣ себя великимъ кня-

земъ сына своего Василія, а двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, которому по старому порядку приходилось быть великимъ княземъ, заставилъ особымъ договоромъ отказаться отъ наслѣдства и покориться Василью. Съ тѣхъ поръ пошло въ царскомъ родѣ наслѣдство отъ отца къ сыну.

Много было дѣла молодому князю Василію: приходилось ему ладить и съ татарами, и съ Литвою, которая стала очень сильна потому, что правилъ при немъ Литвою умный и хитрый Витовтъ. Объ немъ разскажемъ дальше, а теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ ордѣ.

Въ ордѣ царемъ былъ Тохтамышъ тотъ самый, что такъ сильно разорилъ Москву. Понялъ великій князь, что хоть и можно бить татаръ, нельзя однако совсѣмъ отъ нихъ отдѣлаться и поѣхалъ въ орду, обдарилъ тамъ всѣхъ и получилъ отъ Тохтамыша ярлыкъ (грамату) на княжество нижегородское: въ Нижнемъ княжилъ тогда Борисъ. Зналъ Борисъ, что нечего ждать ему отъ Москвы, гдѣ его не любили, чувствовалъ онъ, что московскимъ князьямъ нужно собрать всѣ княжества, потому что только тогда Русь будетъ сильна и потому созвалъ своихъ бояръ и заставилъ ихъ присягнуть, что они будутъ ему вѣрны. Бояре присягнули; а старшій изъ нихъ, Румянецъ, сказалъ князю: «Князь! не скорби и не плачься, мы всѣ за тебя стоимъ и готовы за тебя и кровь пролить, и головы сложить.» Все это было притворство, а самъ онъ переписывался съ великимъ княземъ московскимъ. Тѣмъ временемъ пришли къ Нижнему бояре московскіе и послы татарскіе. Борисъ не хотѣлъ пустить

ихъ въ городъ и тутъ Румянецъ сталъ уговаривать его и сказалъ: «Пришли послы отъ царя и бояре московскіе, хотятъ съ тобою миръ подкрѣпить, а ты начинаешь брань; пусти ихъ: мы всѣ за тебя.» Послушался Борисъ и пустилъ ихъ. Когда они вошли въ городъ, то стали звонить въ колокола; сошелся народъ. Князь испугался, но послалъ сказать своимъ боярамъ: «Друзья и братья! вспомните, что вы цѣловали крестъ не выдавать меня».—«Не надѣйся на насъ, отвѣчалъ Румянецъ — мы не съ тобою, а противъ тебя.» Такъ Борисъ долженъ былъ уйти. Пріѣхалъ великій князь и городъ присягнулъ ему,

Скоро въ самой ордѣ начались ссоры и едва-было новое Батыево нашествіе не постигло Русь. Случилось это такъ: въ теперешней Бухарѣ, въ городѣ Самаркандѣ, правилъ царь *Тамерланъ*. Тамерланъ или Тимуръ былъ сынъ одного небогатаго татарскаго князя, кочевавшаго въ степяхъ около Аральскаго моря. Здѣсь когда-то было сильное татарское царство, названное *Джагатайскимъ* и владѣло имъ потомство одного изъ сыновей того Чингисхана, при которомъ татары въ первый разъ пришли на Русь Распадалось царство Джагатайское: подручные князья ссорились между собою, не слушались хана и часто мѣняли хановъ. Въ это-то время вблизи Самарканда, столицы хана джагатайскаго, родился Тимуръ, мать котораго была изъ царскаго рода Чингисъхана. Бѣденъ былъ отецъ Тимура и оставилъ ему въ наслѣдство только старую лошадь, да стараго верблюда. Собралъ около себя Тимуръ шайку разбойковъ и скоро кругомъ начали его бояться; тогда онъ

сдѣлался царемъ джагатайскимъ и пошелъ съ своею ратью воевать окрестные народы. Горько приходилось тѣмъ, кто не покорялся Тимуру: жегъ онъ большіе города до тла и до сихъ поръ стоятъ тамъ развалины, гдѣ прежде жили богато и гдѣ шла торговая дорога.

Чтобы дольше помнили объ немъ, Тамерланъ, гдѣ проходилъ, оставлялъ кучи, сложенныя изъ череповъ людей, убитыхъ его воинами. Этотъ-то Тамерланъ очень любилъ Тохтамыша, которому и помогъ сдѣлаться ханомъ; Тохтамышъ когда-то ходилъ съ нимъ въ походы. Да не слушался его Тохтамышъ. Собрался Тамерланъ наказать его и разбилъ на рѣкѣ *Терекѣ*. Посадилъ Тамерланъ своего хана въ Сараѣ, а самъ пошелъ на русскія земли (въ 1395 г.). Ужаснулись въ Москвѣ, когда узнали, что Тимуръ перешелъ черезъ саратовскія степи, подошелъ къ Ельцу, взялъ городъ и полонилъ князя елецкаго; со страхомъ ждали, какъ новый Батый подойдетъ къ Москвѣ и боялись, что опять потекутъ рѣки кровью. Вспомнилъ тогда великій князь объ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, писанной, по преданію, Евангелистомъ *Лукою*, и стоявшей во Владимірѣ, и вздумалъ онъ, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Кипріаномъ, перенести её въ Москву на утѣшеніе народу, а самъ поѣхалъ въ другіе города собирать войска. Въ самый праздникъ Успенія взяли икону изъ владимірскаго собора и понесли въ Москву. Когда подошли къ городу, митрополитъ Кипріанъ вышелъ за городъ съ епископами, священниками, князьями и боярами, которые собрались въ Москву, чтобы здѣсь отсиживаться

отъ татаръ. Съ пѣніемъ псалмовъ внесли икону въ Успенскій соборъ. Потомъ узнали, что въ тотъ же день какъ чудотворную икону принесли въ Москву, Тамерланъ вышелъ изъ Ельца и пошелъ назадъ. Благочестивые люди разсказывали потомъ, что заснулъ ханъ въ ночь на этотъ день и видѣлъ страшный сонъ: видѣлъ онъ гору и шли съ горы святители съ золотыми жезлами въ рукахъ и грозили ему; а надъ ними на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ съ силою несмѣтною и тоже грозила ему. Проснулся Тамерланъ и сталъ просить растолковать ему и никто растолковать не могъ. Тогда-то велѣлъ онъ своему войску идти назадъ. Узналъ князь великій о томъ, что Тамерланъ поворотилъ назадъ, вернулся въ Москву; на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили икону, велѣлъ построить монастырь Срѣтенскій, который и надѣлилъ многими богатствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ уставилъ на вѣчныя времена праздновать тотъ день, когда внесли икону въ Москву 26-го августа.

Долго послѣ того тихо было со стороны орды; нескоро оправились татары послѣ тимурова погрома, пока не явился у нихъ второй Мамай, *Эдигей*, да и тому сначала было не до Москвы. Врагъ его, Тохтамышъ, бѣжалъ къ литовскому князю Витовту и шелъ Витовтъ на Эдигея, чтобы опять посадить Тохтамыша въ Сараѣ. Силенъ былъ Витовтъ, а почему силенъ, объ этомъ надо намъ теперь поговорить.

Было уже сказано, какъ, пользуясь невзгодами русскихъ князей и ихъ притѣсненіями отъ татаръ, стали захватывать русскія земли князья литовскіе. Первымъ сильнымъ княземъ литовскимъ былъ *Мин-*

довгъ (какъ его убили, мы уже знаемъ). Изъ князей, бывшихъ послѣ него, особенно силенъ сталъ *Гедиминъ*. Разбилъ онъ князей русскихъ при рѣкѣ Ирпени и завладѣлъ Кіевомъ, который уже не былъ тогда такъ богатъ и великъ, какъ былъ прежде до татаръ: вскорѣ послѣ нашествія Батыя, проѣзжалъ подъ Кіевомъ одинъ католическій монахъ и говоритъ, что въ Кіевѣ осталось всего только домовъ съ двѣсти; а кругомъ города валялись неприбранные черепа и кости человѣческія. Съ тѣхъ поръ прошло 80 лѣтъ, а все-таки Кіевъ уже не могъ быть по старому. Однако Гедимину пришлось простоять подъ нимъ два мѣсяца. Не хотѣлось русскимъ людямъ покориться язычнику-литовцу, да помощи не было ни откуда. Покорилъ Гедиминъ Кіевъ; затѣмъ женилъ онъ своего сына на княжнѣ волынской; а такъ какъ у княжны не было братьевъ, то сталъ этотъ сынъ гедиминовъ, Любартъ, княземъ волынскимъ. Полоцкъ еще прежде покоренъ былъ литовцами и стала Литва сильна послѣ того, какъ завладѣла почти всею Русью южною (теперешными Бѣлоруссіею и Малороссіею). Только Черниговъ и Галичъ оставались еще подъ рукою русскихъ князей; скоро и Галичъ, послѣ того какъ пресѣкся родъ законныхъ князей, перешелъ къ Польшѣ.

Съ тѣхъ поръ Гедиминъ сталъ называться великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, поселился въ городѣ Вильнѣ, который самъ построилъ. Говорятъ, будто охотился онъ въ лѣсахъ надъ р. Виліею; усталъ на охотѣ и легъ заснуть; видитъ онъ во снѣ большаго желѣзнаго волка; воетъ тотъ волкъ такъ

сильно, какъ будто въ немъ сидитъ сотня другихъ волковъ; испугался Гедиминъ, проснулся и, позвавъ къ себѣ жреца, велитъ ему растолковать себѣ тотъ сонъ. «Желѣзный волкъ (сказалъ жрецъ) крѣпкій городъ; а волки въ немъ — множество жителей». Задумалъ послѣ того князь построить городъ и поселился въ томъ городѣ. Былъ онъ уменъ и хоть самъ не крестился, но христіанъ не гналъ: онъ зналъ, что ихъ больше въ его землѣ, чѣмъ язычниковъ и даже не мѣшалъ своимъ дѣтямъ креститься; одинъ изъ нихъ правилъ даже одно время въ Новгородѣ. Всѣ они и самъ Гедиминъ, были женаты на русскихъ княжнахъ. Скоро въ Вильнѣ половина жителей были православные. Говорили при дворѣ и въ городѣ по-русски и такъ какъ у литовцевъ не было своей грамоты, то и писали на русскомъ языкѣ. По примѣру русскихъ князей, и Гедиминъ насажалъ сыновей своихъ по разнымъ городамъ и одного изъ нихъ, князя виленскаго, назначилъ старшимъ надъ другими и назвалъ великимъ княземъ.

По смерти Гедимина (1340 г.), князь *Евнутій* — по завѣщанію отца — сѣлъ въ Вильнѣ. Евнутій былъ младшій изъ сыновей Гедимина. Старшимъ показалось обидно подчиниться младшему, да еще не самому умному изъ братьевъ. Двое изъ гедиминовичей, *Ольгердъ* и *Кейстутій*, сговорились между собою, напали на Вильну, выгнали Евнутія, но не убили его, а только перевели въ другое княжество. Въ Вильнѣ же сѣлъ Ольгердъ. Ольгердъ безустанный въ трудахъ и всегда трезвый (онъ не пилъ ни вина, ни меда, что тогда было рѣдкостью), былъ

храбрый воинъ и много приходилось ему биться: то вмѣстѣ съ братомъ Кейстутомъ отстаивалъ онъ свою землю отъ нѣмецкихъ рыцарей, то завоевывалъ русскія земли у мелкихъ князей. Три раза онъ ходилъ къ самой Москвѣ и много труда стоило великому князю Дмитрію Ивановичу отбиться отъ него. При немъ и русскій языкъ и православная вѣра еще болѣе усилились въ Литвѣ: онъ былъ женатъ два раза и оба раза на русскихъ княжнахъ. Сначала онъ былъ язычникъ и даже позволилъ своимъ литовцамъ-язычникамъ замучить трехъ православныхъ. Вотъ какъ это случилось: были у князя два любимца Кунецъ и Нежила. Оба они крестились и назвали одного Антоніемъ, другаго Іоанномъ; крестившись, перестали они приносить жертвы идоламъ и въ постъ не ѣли скоромнаго. Жрецы пожаловались на нихъ Ольгерду, и добились того, что ихъ посадили въ темницу; сидѣли они годъ; одинъ изъ нихъ ослабѣлъ и отрекся отъ Христа. Тогда ихъ выпустили, но другой остался твердымъ; раскаялся и ослабѣвшій и объявилъ самому князю, что онъ христіанинъ и, какъ его ни били, оставался твердымъ. Опять посадили обоихъ въ тюрьму и послѣ разныхъ мукъ повѣсили на дубѣ. Родственникъ мучениковъ, по имени Круглецъ, узнавъ объ ихъ кончинѣ праведной, сдѣлался христіаниномъ и назвался Евстафіемъ. Его страшно мучили: били по ногамъ желѣзными прутьями, содрали съ головы кожу и волосы, и, когда онъ не отступился отъ вѣры, повѣсили на томъ же дубѣ. Съ тѣхъ поръ церковь православная чтитъ память трехъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и

Евстафія. Ольгердъ послѣ того пересталъ преслѣдовать христіанъ и даже, по внушенію второй своей жены Іуліаніи, крестился самъ передъ смертью и еще до того построилъ въ Вильнѣ церковь Пресвятой Богородицѣ.

Въ 1377 году умеръ Ольгердъ и раздѣлилъ свою землю между своими двѣнадцатью сыновьями, а въ Вильнѣ великимъ княземъ поставилъ младшаго сына своего, *Ягайлу*, крещеннаго въ православную вѣру и названнаго Яковомъ. Старикъ Кейстутій, братъ Ольгерда и вѣрный товарищъ всѣхъ его походовъ, поклялся брату передъ смертью его помогать его сыну и считать великимъ княземъ, какъ считалъ и покойнаго брата. Свято исполнялъ старикъ свою клятву, но племянникъ отблагодарилъ его за добро зломъ, и поссорилъ ихъ между собою любимецъ молодаго князя, Войдилло. Войдилло этотъ былъ слугой у Ольгерда: изъ хлѣбопековъ Ольгердъ сдѣлалъ его стольникомъ и такъ сильно полюбилъ, что послалъ управлять городомъ.

Когда Ольгердъ умеръ, Войдилло поддѣлался къ Ягайлѣ, который задумалъ отдать за него сестру свою, Марію. Обидѣло это намѣреніе старика Кейстутія и сталъ онъ попрекать за это племянника. Узналъ объ этомъ Войдилло и началъ накликать на Кейстутія, который княжилъ на Жмуди (въ теперешной Ковенской губерніи), сосѣдей его нѣмецкихъ рыцарей. Хотѣлъ онъ, чтобы нѣмцы убили Кейстутія; а земли бы Ягайло отдалъ ему. Узналъ объ этомъ Кейстутій, пошелъ на Вильну, захватилъ тамъ Ягайлу, забралъ и грамоты, которыя тотъ пи-

салъ къ Нѣмцамъ. Сѣлъ Кейстутій въ Вильнѣ, повѣсилъ Войдиллу, а Ягайло поклялся не подыматься противъ него. Тѣмъ временемъ пришли на помощь Ягайлѣ нѣмцы. Кейстутій уступилъ; поклялся Ягайло не трогать его, да не сдержалъ клятвы, а посадилъ его въ тюрьму и тамъ велѣлъ удавить. Сына кейстутіева *Витовта* также посадилъ въ тюрьму. Узнавши, что̀ было съ отцомъ, Витовтъ задумалъ бѣжать. Онъ сидѣлъ съ женою въ башнѣ и сюда ходили служить имъ двѣ женщины. Витовтъ перемѣнился платьемъ съ одною изъ этихъ женщинъ и, переодѣвшись, бѣжалъ къ нѣмцамъ. Испугался Ягайло того, чтобы Витовтъ не привелъ на него нѣмцевъ, вызвалъ его въ Литву и далъ ему княженіе (1384).

Въ то время въ сосѣдней Польшѣ по смерти короля *Людовика* осталась дочь Ядвига. Въ Польшѣ тогда всѣмъ правило дворянство и только дворянамъ и хорошо было жить въ Польшѣ. Дворяне польскіе подумали, что если съ Польшею соединится сильная Литва (а Польша была государствомъ небольшимъ, чуть-ли не меньше теперешняго царства Польскаго), то Польшѣ легче будетъ отбиваться отъ сосѣдей нѣмцевъ; латинское духовенство, тоже сильное въ Польшѣ, очень радо было случаю обратить въ латинство великаго князя литовскаго, а съ нимъ и его подданныхъ, литовцевъ и русскихъ. Потому, когда Ягайло прислалъ сватовъ къ Ядвигѣ, то стали уговаривать ее выйдти за него замужъ. Ядвига была вѣры латинской, считала православныхъ язычниками и боялась Ягайлы, который къ тому же былъ не молодъ. Но шляхта (т. е. дворян-

ство) уговорила ее; имъ помогъ папа и Ядвига согласилась. Пріѣхалъ Ягайло и прежде всего перемѣнилъ вѣру; съ нимъ перемѣнили вѣру и нѣкоторые изъ его братьевъ; другіе же ни за что не хотѣли отказаться отъ православія.

Послѣ вѣнчанія короною королевскою, поѣхалъ Ягайло въ Литву и сталъ крестить въ латинство тѣхъ, которые были еще язычниками. Изъ Вильны поѣхалъ по другимъ городамъ и тоже крестилъ язычниковъ: крестили, говорятъ, толпами, въ одной называли всѣхъ Петрами, въ другой Павлами, и такъ далѣе. Каждому, который крестился изъ язычниковъ, Ягайло давалъ бѣлый суконный кафтанъ и язычники, бóльшая часть которыхъ до того ходила въ звѣриныхъ кожахъ, охотно шли на приманку. Но латинскому духовенству мало было обратить только однихъ язычниковъ; православныхъ они считали хуже язычниковъ и противъ православныхъ Ягайло выдалъ строгій указъ: принявшимъ латинскую вѣру запрещено было жениться на православныхъ, а если кто-нибудь женится, то требовать, чтобы православный мужъ или православная жена обратились въ латинство; если же не обратится, то можно было принуждать къ тому тѣлеснымъ наказаніемъ. Вотъ какъ наученный ксендзами (такъ зовутъ латинскихъ священниковъ въ Польшѣ) вздумалъ дѣйствовать противъ своихъ православныхъ подданныхъ великій князь литовскій Ягайло.

Послѣ крещенія язычниковъ Ягайло уѣхалъ изъ Литвы и оставилъ намѣстникомъ по себѣ брата своего *Скиргайло*. Умнаго Витовта онъ боялся. Витовтъ

былъ этимъ обиженъ и сталъ искать союзниковъ себѣ на сторонѣ: онъ сговорилъ дочь свою, Софью, за *Василія Дмитріевича*, который тогда еще не былъ великимъ княземъ, потому что отецъ его *Дмитрій Донской* еще былъ живъ. Узналъ объ этомъ Ягайло, испугался союза Витовта съ великимъ княземъ русскимъ и перевелъ его въ другой городъ. Витовтъ бѣжалъ къ нѣмцамъ; съ ихъ помощью явился въ Литву и взялъ Вильну. Русскіе люди, недовольные Ягайломъ за союзъ съ Польшею и принятіе латинской вѣры, всюду приставали къ Витовту. Испугался этого Ягайло, уговорилъ Витовта отказаться отъ союза съ нѣмцами и назвалъ его великимъ княземъ литовскимъ. Съ тѣхъ поръ сталъ Витовтъ владѣть Литвою и только по имени признавалъ Ягайло своимъ государемъ. Чтобы еще больше усилиться и совсѣмъ развязаться съ Ягайлою, онъ выгналъ послѣдняго князя смоленскаго Юрія; покушался и на Новгородъ. Великій князь московскій Василій Дмитріевичъ принималъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кого выгналъ Витовтъ; но явно противъ него не возставалъ; онъ зналъ какъ трудно было бороться съ такимъ сильнымъ княземъ. Вздумалъ Витовтъ подчинить себѣ и татаръ и принялъ къ себѣ Тохтамыша, который бѣжалъ изъ Золотой Орды и собрался возвратить его въ Сарай, чтобы самому владѣть отъ его имени.

Въ 1399 г. собралъ Витовтъ силу многую: однихъ князей съ нимъ было 50 человѣкъ и пошелъ съ Тохтамышемъ на татарскую орду. «Я посажу тебя въ Сараѣ—сказалъ онъ Тохтамышу,—а ты отдай мнѣ

Москву!» До того, что за княземъ московскимъ была его родная дочь, Софья Витовтовна, ему не было никакого дѣла, лишь бы только усилиться. Въ Ордѣ въ то время всѣми дѣлами правилъ Эдигей; онъ, какъ и Мамай, хоть и не назывался царемъ, но царь отъ него зависѣлъ. Услыхалъ Эдигей, что Витовтъ идетъ противъ татаръ и пошелъ къ нему навстрѣчу; сошлись они 12-го августа на рѣкѣ Ворсклѣ (въ Полтавской губерніи). Долго бились обѣ рати; подъ конецъ татары одолѣли; бѣжалъ Витовтъ съ малою дружиною и оставилъ Тохтамыша, а Тохтамышъ ограбилъ землю Витовта; ограбилъ ее и Эдигей и съ одного Кіева взяли окупа 3,000 руб. Присмирѣлъ на время Витовтъ и пересталъ уже быть такъ страшенъ Московскому княжеству. Василій однако не хотѣлъ съ нимъ биться, а если случалось ссориться за пограничныя области, то онъ старался уладить дѣло мирно. За то отъ Орды онъ задумалъ отдѣлиться: самъ не ѣздилъ, дань посылалъ не всегда, и когда можно было — оттягивалъ.

Въ 1408 г. задумалъ Эдигей напомнить великому князю старыя времена и собралъ большую рать; но чтобы тотъ не успѣлъ приготовиться, послалъ ему сказать: «Иду на Витовта мстить за все зло, которое онъ сдѣлалъ твоей землѣ; пошли кого-нибудь изъ своихъ поклониться царю». Изумился этой вѣсти Василій Дмитріевичъ, почуялъ что-то недоброе; однако послалъ въ Орду своего боярина. Эдигей задержалъ этого боярина у себя и только тогда узналъ великій князь, что татары идутъ на него, когда они вошли въ Русскую Землю. Въ Москвѣ никто не былъ

готовъ встрѣтить ихъ. Великій князь оставилъ въ городѣ дядю своего, Владиміра Андреевича, того самаго, что такъ храбро бился на Куликовомъ полѣ, а самъ поѣхалъ въ Кострому собирать войско. Эдигей тѣмъ временемъ подошелъ къ Москвѣ. Сожгли москвичи посадъ и заперлись въ городѣ; а Эдигей къ городу не подступалъ: такъ крѣпокъ былъ городъ и такъ много было въ немъ хорошихъ стрѣлковъ; а у Эдигея не было пушекъ. Послалъ онъ звать на помощь князя тверскаго; тотъ вышелъ изъ Твери, но не торопился подойти къ Москвѣ, выжидая кто побѣдитъ. Татары тѣмъ временемъ жгли и грабили города окружные: *Переяславль*, *Ростовъ*, *Серпуховъ*, даже *Нижній*. Эдигей думалъ зимовать подъ Москвою, но получилъ вѣсть изъ Орды, что тамъ хотятъ прогнать царя, котораго онъ поставилъ. Поторопился Эдигей воротиться въ Сарай; взялъ окупъ съ Москвы три тысячи рублей, написалъ гордое письмо къ Василію, и ушелъ.

Еще семнадцать лѣтъ послѣ того Василій Дмитріевичъ княжилъ въ Москвѣ и, умирая, оставилъ наслѣдникамъ десятилѣтняго сына. Съ братьевъ онъ еще до смерти взялъ обѣщаніе, что они признаютъ государемъ его сына: не послушался одинъ Константинъ Дмитріевичъ: «дѣло это не бывалое» — отвѣчалъ онъ брату и уѣхалъ въ Новгородъ. Опеку надъ сыномъ поручилъ Василій своей женѣ княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ и просилъ Витовта защищать внука. Думалъ Василій, что онъ все-таки не обидитъ внука, хоть и зналъ какъ мало Витовтъ хочетъ добра Москвѣ, а не знать того онъ не могъ, потому, что всю

жизнь свою Витовтъ старался вредить сколько могъ, и Василію приходилось улаживать всячески, чтобы дѣло не доходило до войны. Еще за десять лѣтъ до смерти Василія, Витовтъ, боясь того, что его православные подданные слушаются московскаго митрополита, а московскій митрополитъ хочетъ добра московскому князю, задумалъ поставить особаго митрополита въ Кіевѣ. Собралъ архіереевъ, чтобы поставили своего особаго митрополита; архіереи сначала-было не хотѣли дѣлать этого, но подъ конецъ послушались Витовта и выбрали въ митрополиты *Григорія Цамвлака.* Съ тѣхъ поръ стали на Руси два митрополита: одинъ въ Москвѣ, другой въ *Кіевѣ.* Зналъ все это Василій, да такъ боялся братьевъ, особенно старшаго, Юрія, что положился на Витовта.

Не ошибся Василій Дмитріевичъ въ своемъ братѣ: Юрій хотѣлъ, какъ водилось въ старину, сѣсть по смерти брата на великомъ княженіи и, едва умеръ Василій, какъ онъ прислалъ къ племяннику съ угрозами, а самъ сталъ у себя въ Галичѣ (Костромской губерніи), собирать сильную рать. Князь Василій былъ еще малъ: было ему всего десять лѣтъ и потому за него распоряжались мать его и бояре. Собрали они большую рать, къ которой пристали и другіе дяди великаго князя и съ тою ратью пошли къ Костромѣ, чтобы оттуда идти на Галичъ. Испугался Юрій и ушелъ къ Нижнему. Московское войско пошло за нимъ. Юрій ушелъ за Суру. Черезъ рѣку нельзя было перейдти, потому и битвы не было. Постояли, постояли и разошлись. Юрій опять

воротился въ Галичъ и послалъ въ Москву съ мирными словами.

Великая княгиня и бояре послали къ нему въ Галичъ для переговоровъ митрополита Фотія. Когда Фотій пріѣхалъ, князь Юрій собралъ на горѣ у города весь народъ изъ города и селъ, чтобы показать митрополиту, какъ много у него народа, но Фотій только посмѣялся: «Никогда не видалъ я — сказалъ онъ князю—столько людей въ овечьей шерсти». Онъ сказалъ такъ потому, что тѣ люди были одѣты въ сермяги. Стали говорить о мирѣ; митрополитъ хотѣлъ заключить прочный миръ, а князь хотѣлъ только перемирія. Не сговорились они: пошелъ Фотій изъ города, не благословивъ народа. Въ городѣ сдѣлался моръ: смутился Юрій и подумалъ, не отъ того ли сдѣлался моръ, что митрополитъ уѣхалъ, не благословивши. Сѣлъ на коня и поскакалъ догонять Фотія; вернулся митрополитъ и благословилъ народъ. Князь же послалъ вслѣдъ за нимъ бояръ въ Москву, чтобы заключить миръ. Кончили на томъ, чтобы положиться на волю царя татарскаго: кого царь сдѣлаетъ великимъ княземъ, тому и быть.

Прошло пять лѣтъ, а князья все еще не ѣхали въ Орду; тѣмъ временемъ умеръ и Витовтъ. Умеръ онъ съ-горя; затѣялъ онъ быть не просто великимъ княземъ, а королемъ, и послалъ просить вѣнца у папы. Совсѣмъ ужъ онъ думалъ, что дѣло сдѣлано и созвалъ къ себѣ сосѣднихъ государей на коронованіе; пріѣхали государи, пріѣхалъ и Василій Васильевичъ изъ Москвы. Однако дѣло не состоялось: папа, котораго уговаривали поляки не присылать вѣнца,

обманулъ Витовта, а поляки боялись, что Витовтъ тогда совсѣмъ разойдется съ Польшею. По смерти Витовта въ Литвѣ великимъ княземъ сдѣланъ былъ Свидригайло.

Наконецъ собрались князья въ Орду (1432 года). Первымъ поѣхалъ Василій Васильевичъ; за нимъ отправился Юрій. У каждаго въ Ордѣ были свои пріятели изъ князей ордынскихъ; у этихъ-то пріятелей въ кибиткахъ останавливались наши князья: пріятель Юрьевъ мурза Тягиня на зиму откочевалъ въ Крымъ: съ собою онъ взялъ и Юрія. Съ Василіемъ Васильевичемъ пріѣхалъ въ Орду старый и умный бояринъ московскій Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Боярамъ московскимъ всѣмъ не хотѣлось попустить Юрія завладѣть Москвою: они знали, что имъ первымъ придется тогда плохо: навезетъ Юрій съ собою бояръ изъ Галича и раздастъ имъ всѣ важныя мѣста и должности; а бояринъ Иванъ Дмитріевичъ еще задумалъ выдать дочь свою за великаго князя. Тогда это водилось: князья не разъ женились на боярскихъ дочеряхъ. Мы увидимъ, какъ это не удалось боярину и сколько горя отъ того случилось. Этотъ-то бояринъ задумалъ, пока Юрія нѣтъ въ Ордѣ, уладить дѣло такъ, чтобы великое княженіе отдали Василію и сталъ онъ говорить князьямъ ордынскимъ: «Такъ-то много у васъ силы у царя и такъ-то вы радѣете князю Василію, что не можете добиться, чтобы царь не слушалъ Тягиню и не отдавалъ великаго княженія Юрію. Помяните мое слово: если Юрій будетъ великимъ княземъ, то станетъ Тягиня сильнѣе васъ всѣхъ». Такъ испугало это

слово князей ордынскихъ, что стали они приставать къ царю и добились того, что царь обѣщалъ дать великое княженіе Василію и сказалъ: «Станетъ Тягиня говорить за князя Юрія, я велю его убить.» Весной воротился Тягиня изъ Крыма, а съ нимъ и князь Юрій. Пересказали Тягинѣ рѣчи царскія, и не посмѣлъ онъ говорить за Юрія.

Тогда велѣлъ царь Махметъ своимъ князьямъ разсудить, кому слѣдуетъ великое княженіе. Князь Василій ссылался на то, что онъ наслѣдуетъ отцу и дѣду; а князь Юрій вспоминалъ о старыхъ порядкахъ, когда братъ наслѣдовалъ брату. Тогда всталъ бояринъ Иванъ Дмитріевичъ и сказалъ царю: «Государь вольный царь! дозволь мнѣ, холопу великаго князя, молвить тебѣ слово: государь нашъ великій князь ищетъ великаго княженія по твоимъ грамамъ, какъ и отецъ его владѣлъ по твоему жалованью, а князь Юрій хочетъ взять великое княженіе по завѣщанію отца своего, а не по твоей волѣ; а ты воленъ жаловать кого захочешь.» Полюбилась рѣчь эта царю Махмету и далъ онъ власть князю Василію, а Юрію — по татарскому обычаю — велѣлъ вести коня его подъ устцы. Только Василій не захотѣлъ обезчестить дядю и не сдѣлалъ по волѣ ханской.

Воротился великій князь въ Москву. Сталъ тогда Всеволожскій требовать, чтобы великій князь женился — по обѣщанію — на его дочери. Не угодно это было великой княгинѣ Софьѣ, матери великаго князя и нашла она ему невѣсту княжну Боровскую. Обидѣлся этимъ бояринъ Всеволожскій, уѣхалъ къ

князю Юрію и сталъ подговаривать его на великаго князя.

На свадьбѣ великаго князя, на сынѣ Юрія, князѣ *Василіѣ Косомъ*, замѣтили дорогой поясъ, который когда-то былъ данъ въ приданое женѣ Дмитрія Ивановича Донскаго. Тогда поясà, которыми опоясывался кафтанъ, носили очень дорогими и передавали изъ рода въ родъ. Этотъ поясъ былъ на свадьбѣ князя Дмитрія подмѣненъ, переходилъ изъ рукъ въ руки и достался въ приданое женѣ князя Василія. Когда узнала объ этомъ великая княгиня Софья, она тутъ же на пиру сорвала поясъ съ князя Василія. Обидѣлся князь Василій и уѣхалъ къ отцу въ Галичъ.

Тогда князь Юрій собралъ рать и пошелъ на племянника войной. Великій князь ничего не ожидалъ и вóйска собрать не успѣлъ. Тогда войскà распускались послѣ войны по деревнямъ и когда была нужда, собирались опять. Потому и послалъ князь Василій къ Юрію попытаться уговорить его на миръ; не пошелъ князь Юрій на миръ и великому князю пришлось собирать рать. Собралъ онъ тѣхъ, кто былъ около Москвы, да московскихъ купцовъ (по тогдашнему гостей) и встрѣтилъ Юрія на рѣкѣ *Клязьмѣ*. Разбилъ Юрій племянника, и вступилъ въ Москву; Василій ушелъ въ *Кострому*. Юрій пошелъ-было на *Кострому*, только бояринъ его Морозовъ уговорилъ оставить племянника въ покоѣ и дать ему Кострому во владѣніе. Москвичи, которые любили своего князя, стали сходиться къ нему въ Кострому: шли и бояре, и дворяне, и всякіе люди. Сы-

новья князя Юрія, Василій-Косой, Дмитрій-Шемяка, да Дмитрій-Красный разсердились на боярина Морозова за то, что уговорилъ онъ отца пощадить князя Василія. Подстерегли они боярина: «Ты злодѣй, крамольникъ,—сказали ему князья—навелъ ты бѣду на отца нашего; всегдашній ты нашъ злодѣй!» Тутъ же они и убили его, а сами пошли на Кострому. Разсердился князь Юрій на дѣтей за такое своевольство, и позвалъ Василія Васильевича въ Москву. Сѣлъ опять Василій на свой престолъ и послалъ воеводъ наказать дѣтей юрьевыхъ. Князья эти были разбиты. На другой годъ (1434) собрался онъ войною на самаго Юрія, потому что, какъ онъ узналъ, воеводы его были въ рати у его дѣтей. Совокупился Юрій съ дѣтьми и опять засѣлъ въ Москвѣ, а дѣтей послалъ на князя Василія, который былъ тогда въ Нижнемъ. Тѣмъ временемъ Юрій умеръ и вокняжился сынъ его, *Василій-Косой*. Обидѣлись братья тѣмъ, что вокняжился онъ безъ ихъ совѣта и позвали въ Москву Василія Васильевича. Князь Василій Юрьевичъ не хотѣлъ покориться; великій князь разбилъ его, взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ.

Весною слѣдующаго года (1437) пріѣхалъ въ Москву новый митрополитъ Исидоръ изъ Греціи. Митрополитъ русскій, которому подчинены были всѣ русскіе епископы, самъ зависѣлъ въ то время отъ греческаго патріарха. Иногда патріархъ ставилъ въ митрополиты того, кого выбиралъ великій князь, а иногда выбиралъ кого-нибудь изъ грековъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Исидоръ былъ выбранъ патріархомъ. Въ церкви греческой было тогда тя-

желое время: все почти царство греческое заняли турки; оставался за царемъ только Цареградъ. Царь Іоаннъ, чтобы какъ-нибудь спасти свое царство, задумалъ соединить церковь православную съ латинскою. Ему казалось, что тогда другіе государи: нѣмецкій, французскій и др., которые всѣ держали латинскую вѣру, охотно помогутъ, послушавши своего папы. Соединить церкви въ то время значило подчинить себя папѣ, потому что латинская Церковь была горда уже тѣмъ, что въ то время столько сильныхъ народовъ держались ее, а православная тогда (по волѣ Божіей) была почти вездѣ подчинена невѣрнымъ: въ Греціи — туркамъ, въ Россіи—татарамъ, а въ другой половинѣ Россіи—Литвѣ. Приходилось православнымъ бороться съ латинщиками, которые стали появляться послѣ того, какъ великій князь Ягайло принялъ латинскую вѣру. Подумалъ объ этомъ Царь греческій и согласился созвать православное духовенство на соборъ съ латинскимъ. Онъ забылъ только одно, что въ то время въ самой латинской Церкви былъ соборъ, на которомъ разсуждали, не много ли уже власти присвоивали себѣ папы, да разсматривали всѣ беззаконія, которыя дѣлали папы. Не подумалъ объ этомъ хорошенько царь и далъ папѣ обмануть себя. Соборъ собрался. На этотъ соборъ поѣхалъ и Исидоръ. Долго не пускалъ его князь великій, наконецъ согласился, только сказалъ: «Отче! мы не повелѣваемъ тебѣ идти на соборъ въ Латинскую Землю; ты же не слушаешь насъ, хочешь идти, такъ знай: воротишься, приноси къ намъ ту же вѣру, которую прадѣды наши приняли отъ

грековъ». Поклялся Исидоръ и поѣхалъ. Соборъ сошелся сначала въ Феррарѣ, городѣ итальянскомъ (Римъ — столица папская въ Италіи), оттуда перенесенъ былъ во Флоренцію, тоже итальянскій городъ. Бóльшую часть греческихъ духовныхъ, которые пришли на соборъ, выбралъ царь изъ самыхъ податливыхъ, но и то споры велись очень долго; греки не хотѣли отступить отъ православія; больше всѣхъ говорилъ Маркъ эфесскій, который не уступалъ до конца. Остальныхъ почти всѣхъ удалось папѣ уломать: онъ пересталъ давать имъ денегъ на содержаніе; греки, тогда уже обѣднѣвшіе, жили на счетъ папы; императоръ съ своей стороны понуждалъ; нашлись и изъ грековъ такіе, которые хлопотали; больше всѣхъ хлопоталъ нашъ Исидоръ. Наконецъ соборъ разошелся и порѣшили признать власть папы, признать тó въ ученіи, въ чемъ была разница между церквами, только и осталось, что служба по-гречески и по-русски. Такъ и разошлись. Немного получилъ отъ этого собора императоръ: въ Царьградѣ породилъ онъ расколъ и споры, а изъ другихъ государей только польскій король *Владиславъ*, сынъ Ягайлы, пошелъ къ нему на помощь противъ турокъ и былъ разбитъ и убитъ въ сраженіи (1444).

Вернулся Исидоръ въ Москву (1441) и привезъ съ собою грамату отъ папы Евгенія. Подивились въ Москвѣ и ужаснулись, когда за службою въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто православныхъ патріарховъ помянулъ онъ папу. Кончилась служба, велѣлъ онъ протодьякону съ амвона прочесть грамату о соеди-

нёніи церквей. Ужаснулись всѣ и не знали что дѣлать; не потерялся только великій князь: «Не было этого — сказалъ онъ — ни при прадѣдахъ, ни при отцахъ, ни при братьи нашей великихъ князьяхъ, и я не допущу этого.» Потомъ велѣлъ посадить Исидора подъ стражу въ Чудовскій монастырь, пока онъ не покается. Годъ сидѣлъ Исидоръ и удалось ему убѣжать изъ подъ стражи. Великій князь не велѣлъ искать его и такъ удалось ему пробраться къ папѣ; а на Руси править церковью поручено было рязанскому архіерею Іонѣ, который потомъ былъ поставленъ въ митрополиты.

Тѣмъ временемъ царь ордынскій Улу-Махметъ бѣжалъ изъ Орды отъ брата своего. Это тотъ самый царь, который далъ Василію Васильевичу старшинство надъ дядей Юріемъ. Царь, когда бѣжалъ изъ Орды, остановился въ Бѣлевѣ (Тульской губерніи), укрѣпилъ городъ: обвелъ плетнемъ, плетень полилъ водою, пока онъ не замерзъ и хотѣлъ тутъ зимовать. Великій князь боялся вмѣшиваться въ татарскія ссоры, чтобы не пришли татары на Москву, и послалъ войско выгнать его изъ Бѣлева. Съ этимъ войскомъ пошли изъ Москвы два сына юрьева: Дмитрій-Шемяка и Дмитрій-Красный. Когда князья пришли къ Бѣлеву, царь Улу-Махметъ, увидавши какое большое войско пришло съ ними, сталъ просить мира; князья не хотѣли съ нимъ мириться, но воевода (по тогдашнему какъ-бы губернаторъ) *Григорій Протасьевъ* сказалъ имъ: «Великій князь прислалъ ко мнѣ; биться съ татарами не велѣлъ, а велѣлъ мириться.» Послушались его воеводы и пере-

стали готовиться къ бою; а онъ стакнулся съ татарами и послалъ сказать царю: «Выходи утромъ на рать великаго князя». Такъ и случилось: русскіе воины были не готовы къ бою, напали на нихъ татары и перебили многихъ, а другіе бѣжали; едва спаслись сами князья.

Перезимовавъ въ Бѣлевѣ, Улу-Махметъ въ 1439 году приходилъ къ самой Москвѣ. Увидалъ великій князь, что у него много войска и ушелъ за Волгу, а городъ поручилъ князю *Юрію* Патрикѣевичу, изъ литовцевъ. Десять дней стоялъ царь подъ городомъ, не могъ взять и только сжегъ посадъ, а самъ пошелъ на Коломну, сжегъ ее и прошелъ до Нижняго-Новгорода, гдѣ и поселился. Отсюда ходилъ онъ па другіе русскіе города, особенно па Муромъ. Въ 1445 году великій князь ходилъ на него самъ и передовые полки русскіе разбили татаръ у Гороховца (Владимірской губерніи) и Мурома. Тогда князь Василій воротился въ Москву; здѣсь узналъ, что Улу-Махметъ выслалъ къ Суздалю сыновей своихъ. Собралъ великій князь войско небольшое, человѣкъ съ тысячу, пошелъ къ Суздалю и сталъ станомъ на рѣкѣ *Каменкѣ;* сюда собрались къ нему и другіе князья, только Шемяка ни самъ не пришелъ, ни рати не послалъ. На полѣ близъ Ефимьева монастыря сошлись русскіе съ татарами, которыхъ было почти четыре тысячи. Сперва наши начали-было одолѣвать, но вмѣсто того, чтобы гнать татаръ, которые побѣжали, пустились грабить татарскій обозъ; татары тѣмъ временемъ оправились и пошли бить нашихъ; многихъ перебили, а великаго князя израненнаго

(крѣпко бился онъ) взяли въ полонъ. Оттуда татары воротились въ Нижній и князя великаго захватили съ собой; а въ Москву послали къ матери и женѣ крестъ его, *тѣльникъ*, чтобы показать, что онъ въ плѣну и чтобы княгини спѣшили его выкупить. Въ Москвѣ посланцы татарскіе не нашли великихъ княгинь, потому что тѣмъ временемъ въ Москвѣ случилось великое горе: загорѣлось внутри Кремля и сгорѣлъ весь городъ: дома тогда строили деревянные и слишкомъ близко одинъ отъ другаго, пожарныхъ командъ и въ заводѣ не было: оттого пожары были сильны. На этотъ разъ не только сгорѣли деревянные дома, но и церкви каменныя трескались и разваливались, а также и стѣны. Княгини уѣхали въ Ростовъ; жители, которые по богаче, хотѣли бѣжать, но бѣдные не пустили ихъ и начали укрѣплять городъ, чтобы не пришли татары. Оттого долго не выкупали великаго князя. Тѣмъ временемъ татары послали сказать Шемякѣ, не хочетъ ли онъ быть великимъ княземъ, тогда — разумѣется — задержали бы или убили Василія Васильевича. Обрадовался этому Шемяка и послалъ къ царю своего посла съ разными наговорами на великаго князя; но покамѣстъ посолъ его ѣхалъ къ царю, который былъ тогда въ *Курмышѣ* (Симбирской губерніи), великаго князя успѣли выкупить. Съ дороги послалъ онъ къ матери въ Москву вѣсть о томъ, что онъ идетъ изъ полона; посланный его перехватилъ на Окѣ посланнаго отъ Шемяки къ царю и скованнымъ привезъ въ Москву. Испугался Шемяка, что узнали его злой умыселъ и ушелъ въ Угличъ. Тѣмъ временемъ Василій Василье-

вичъ воротился въ Москву. Всюду по дорогѣ встрѣчали его съ радостью; радостно встрѣтили его и въ Москвѣ. Задумалъ онъ поѣхать къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, чтобы помолиться Богу и поблагодарить Его за свое избавленіе у гроба чудотворца Сергія.

Узналъ объ этомъ Шемяка; онъ зналъ, что для него добромъ не кончится, что великому князю все извѣстно и подговорилъ онъ брата своего двоюроднаго, князя Ивана Андреевича можайскаго, чтобы занять имъ вдвоемъ Москву покамѣстъ князь великій ходитъ къ Троицѣ. Такъ они и сдѣлали: вошли въ городъ, гдѣ подговорили кое-кого и подговоренные отворили имъ ворота. Вошедши, захватили они великихъ княгинь, забрали казну, ограбили тѣхъ бояръ и горожанъ, которые стояли за Василія Васильевича и задумали захватить самого великаго князя. Ночью поѣхалъ къ Троицѣ князь Иванъ. Къ Василію Васильевичу пріѣхалъ сказать о томъ нѣкто Бунко, но не повѣрилъ ему Василій Васильевичъ. «Можетъ ли это быть?—сказалъ онъ,—развѣ братья не цѣловали мнѣ крестъ.» Князь Иванъ посадилъ своихъ воиновъ въ сани, которые покрыли рогожами, какъ будто возы: такъ онъ обманулъ сторожей, стоявшихъ на дорогѣ, и подъѣхалъ къ монастырю. Узналъ объ ихъ приходѣ князь великій, хотѣлъ бѣжать, да поздно: коня не нашлось. Тогда онъ заперся въ церкви Троицы. Князь Иванъ пошелъ по монастырю и началъ искать его всюду; увидалъ Василій Васильевичъ, что не укрыться ему и сталъ онъ молить князя Ивана: «Братъ!—говорилъ онъ—не отнимай

у меня зрѣнія; я здѣсь останусь и постригусь!» И, взявши образъ, отперъ дверь. Князь Иванъ обѣщалъ ничего ему не сдѣлать, а самъ велѣлъ его захватить. Потомъ свезли его въ Москву и ослѣпили. Княгинь-же разослали по разнымъ городамъ; а боярамъ, которые были за Василія: князьямъ Ряполовскимъ и Ѳедору Басенку удалось бѣжать. Князья Ряполовскіе ушли въ Муромъ, куда взяли съ собою и дѣтей великаго князя. Басенокъ ушелъ въ Литву. Задумался князь Дмитрій Шемяка надъ тѣмъ, что дѣти великаго князя ушли отъ него, призвалъ къ себѣ рязанскаго архіерея Іону и сказалъ ему: «Пойди въ Муромъ, возьми на епатрихиль свою дѣтей великаго князя; я готовъ пожаловать ихъ, и отца отпущу, и дамъ ему вотчину.« Повѣрилъ Іона и поѣхалъ въ Муромъ. Пріѣхавши, сталъ онъ уговаривать бояръ. Подумали бояре: «если не послушаемъ святителя и не пойдемъ къ князю Дмитрію съ дѣтьми великаго князя, то онъ придетъ къ городу съ ратью; возьметъ ихъ и сдѣлаетъ и съ ними, и съ отцомъ ихъ, и съ нами все, что захочетъ». Подумавши такъ, сказали Іонѣ: «Возьми ихъ; только заручи намъ чѣмъ нибудь, что они будутъ невредимы; возьми ихъ на свою епитрахиль.» Іона такъ и сдѣлалъ. Когда они пріѣхали въ Москву, Шемяка послалъ ихъ къ отцу въ заточенье, въ Угличъ. Увидали тогда бояре, что обманулъ ихъ князь Дмитрій и ушли въ Литву, гдѣ жилъ шуринъ великаго князя, князь Василій Ярославичъ. Іона сталъ говорить Шемякѣ: «Учинилъ ты неправду и меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; обѣщалъ выпустить великаго князя, но и дѣтей посадилъ съ нимъ; освободи

меня отъ грѣха: выпусти великаго князя; самъ онъ слѣпой, а дѣти его малы, чего тебѣ бояться?» Поѣхалъ тогда Дмитрій въ Угличъ, выпустилъ Василія Васильевича изъ заточенія; помирился съ нимъ, угостилъ обѣдомъ и далъ ему въ вотчину далекую Вологду.

Побывъ недолго въ Вологдѣ, поѣхалъ великій князь въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, гдѣ игуменъ Трифонъ разрѣшилъ его отъ клятвы Шемякѣ. Въ Вологду онъ уже не возвратился, а отправился въ Тверь и тамъ помолвилъ за своего сына Ивана дочь тверскаго князя Бориса Александровича, княжну Марію. Такъ добылъ онъ себѣ сильнаго пособника, а тѣмъ временемъ стали къ нему сходиться бояре и дѣти боярскіе (боярскими дѣтьми звали въ старину незнатныхъ помѣщиковъ; а помѣщикомъ былъ тотъ, у кого было *помѣстье*, т. е. земля, данная за службу вмѣсто жалованья деньгами; приходила война — каждый помѣщикъ долженъ былъ выставить столько ратниковъ, сколько положено съ каждой десятины и кормить ихъ на свой счетъ). Стали собираться и тѣ, которые бѣжали въ Литву; собрались они у князя Василія Ярославича боровскаго (Боровскъ, Калужской губерніи), жившаго тогда во Мстиславлѣ (Могилевской губерніи), городѣ тогда принадлежавшемъ Литвѣ. Во Мстиславлѣ еще незнали, что великій князь выпущенъ изъ заточенія и собрались идти освободить его изъ Углича. Когда же узнали, что Василій Васильевичъ въ Твери, то пошли туда; на пути у Ельни (Смоленской губерніи) встрѣтили они какихъ-то татаръ и начали сначала стрѣлять въ нихъ, а потомъ разговорились и узнали,

что и татары, царевичи Касимъ и Ягупъ, идутъ тоже на службу великаго князя Василія и пошли вмѣстѣ. Когда князь Василій узналъ, что силъ у него довольно, то послалъ онъ своего воеводу съ малымъ отрядомъ въ Москву, гдѣ въ то время князя Дмитрія не было. Когда великокняжескій воевода подошелъ къ Кремлю, то ворота по случаю были отворены: ѣхала къ заутренѣ одна изъ княгинь. Этими воротами вошелъ воевода и перековалъ людей князя Дмитрія, а москвичей привелъ къ присягѣ. Узналъ Шемяка, что Москва взята и что идутъ на него, съ одной стороны князь великій, а съ другой бояре, которые были въ Литвѣ и татарскіе царевичи, и ушелъ въ Галичъ, а оттуда въ Чухлому (оба города Костромской губерніи); съ собою увезъ онъ въ полонъ княгиню — мать Василія Васильевича. Погнался за нимъ князь великій и изъ Ярославля послалъ сказать ему: «Братъ, князь Дмитрій Юрьевичъ! Какая тебѣ честь отъ того, что держишь мать мою и свою тетку въ полону; мстить ты мнѣ не можешь: я сижу на своемъ столѣ.» Собралъ князь Дмитрій своихъ бояръ и сказалъ: «Зачѣмъ томить мнѣ свою тетку; самъ я бѣгаю, люди мои истомлены, стеречь ее не могу; пущу ее лучше». И пустилъ, а потомъ поцѣловалъ крестъ великому князю и помирились.

Не долго жили они въ ладу: на другой годъ (1449) опять пришлось великому князю усмирять Шемяку; а на слѣдующій годъ (1450) опять узнали въ Москвѣ, что князь Дмитрій въ Вологдѣ. Пошелъ на него великій князь, настигъ его, когда тотъ воротился къ Галичу и здѣсь разбилъ. Тогда князь Дмитрій бѣ-

жалъ въ Новгородъ, гдѣ и умеръ въ 1453 г., а Василій Васильевичъ выгналъ всѣхъ тѣхъ князей, которые стояли за Шемяку и стали тогда переводиться удѣльные князья. Тверскаго-же и рязанскаго, которые были посильнѣе, удалось Василію подчинить себѣ. Еще мало слушались новгородцы и принимали къ себѣ всѣхъ враговъ великаго князя и пошелъ онъ на Новгородъ (1456 г.).

Когда великій князь былъ на Волокѣ (теперь Волоколамскъ, Московской губерніи) стали собираться къ нему князья и бояре; изъ Новгорода пришелъ съ челобитьемъ посадникъ, но не принялъ его челобитья великій князь и пошелъ на Новгородъ. Когда вступилъ въ предѣлы новгородскіе, онъ послалъ князя Оболенскаго да Басенка на Старую-Русу. Тамошніе жители еще не успѣли бѣжать, а воеводы московскіе собрали въ городѣ много добычи и съ нею распустили своихъ людей; осталось у нихъ не болѣе 200. Здѣсь услыхали они, что идетъ на нихъ 5,000 новгородцевъ и стали говорить между собою: «Что дѣлать? если не пойдемъ биться, то разгнѣваемъ великаго князя: распустили мы людей своихъ съ добычею; лучше умремъ за своего князя». Дѣло было зимою. На Новгородъ лѣтомъ ходили только въ засуху, потому что болота мѣшали пройдти, и стали воеводы великаго князя за снѣжными сугробами и начали стрѣлять; стрѣляли они не по людямъ: на людяхъ доспѣхи были крѣпки: тогда надѣвали на грудь и на руки и на ноги желѣзные доспѣхи, а на голову желѣзный шишакъ — стрѣляли по лошадямъ. Лошади понесли: и Новгородцы не могли справить-

ся съ своими длинными копьями; много ихъ было убито; другіе побѣжали, а плѣнныхъ взято мало: брать было не кому. Прибѣжали остальные въ Новгородъ и разсказали какъ было дѣло. Закручинились новгородцы и положили послать владыку (архіерея) просить милости у великаго князя. Смиловался великій князь и ушелъ отъ Новгорода, взявши окупъ въ 14,000 рублей.

Послѣ того еще шесть лѣтъ мирно правилъ Василій Васильевичъ, прозванный *Темнымъ*, съ тѣхъ поръ какъ ослѣпилъ его Шемяка. Заболѣлъ онъ сухоткою и велѣлъ—по тогдашнему обычаю—прижигать себѣ трутъ на спинѣ; сдѣлались оттого у него раны, пошелъ отъ нихъ гной и болѣзнь усилилась. Умирая, отдалъ онъ великое княженіе старшему сыну своему, Ивану, а остальнымъ далъ—по старому обычаю—удѣлы, только небольшіе, чтобы не могли они смутить Русскую Землю.

Сильную землю завѣщалъ Василій Васильевичъ своему сыну: князей удѣльныхъ оставалось мало, да и тѣ, которые оставались, слушались и боялись Москвы: рязанскій князь Василій даже воспитывался въ Москвѣ, а Рязанью правили московскіе бояре. Великій князь Иванъ Васильевичъ женилъ Василія на своей сестрѣ и отпустилъ въ Рязань и Василій не выступалъ изъ его воли. Новгородъ былъ не страшенъ: новгородцы то и дѣлали, что ссорились между собою и великому князю нужно было только поджидать случая, чтобы совсѣмъ покорить его. Татары были тогда уже не тѣ, что прежде: мы видѣли, какъ часто смѣнялись у нихъ ханы; смѣнен-

ные или дѣти ихъ селились въ какомъ нибудь дальнемъ городѣ, завладѣвали краемъ вокругъ этого города и такъ являлось новое царство; нѣсколько татарскихъ царствъ, которыя всѣ были въ ссорѣ между собою, не то уже были, что одно сильное и грозное царство. Ссорами татаръ давно ужъ умѣли пользоваться князья московскіе; теперь же они стали принимать на свою службу татарскихъ царевичей и давать имъ города; такъ Василій Темный далъ царевичу Касиму городокъ Мещерскій (по народу мещеряки одного рода съ мордвою), и назвали тотъ городокъ *Касимовымъ* (теперь уѣздный городъ Рязанской губерніи).

Въ то время кромѣ сарайскаго царя было еще два царя татарскихъ: въ *Крыму—крымскій* и въ *Казани—казанскій*: первымъ казанскимъ царемъ былъ *Мамутекъ*, сынъ того Улу-Махмета, который плѣнилъ Василія Васильевича. Царевичъ Касимъ былъ братъ этого Мамутека. Когда по Мамутекѣ сталъ править Казанью сынъ его, Ибрагимъ, тогда нѣкоторые князья казанскіе прислали звать къ себѣ Касима. Пошелъ Касимъ въ Казань (1467) и взялъ съ собою рать великаго князя. Воротился назадъ съ неудачею: шли осенью, было и холодно и дождливо; кони умирали отъ того, что не было корма; люди впрочемъ пришли цѣлы. Татары, чтобы отомстить, кинулись на Галичъ (Костромской губерніи), но города не взяли потому, что люди приготовились отбить ихъ; только пограбили села. Той же зимой послалъ великій князь рать на *черемисъ*, подданныхъ казанскаго царя; а весною (1468) другую рать на

Казань. Рать эта собралась въ Вяткѣ и только-что они вышли изъ Вятки, какъ пришли на Вятку татары и вятчане покорились имъ. Пограбили воеводы землю татарскую и возвратились; приступать къ Казани и не думали—такъ мало было у нихъ войска.

Весною другаго года (1469) велѣлъ великій князь собираться большой рати въ Нижнемъ-Новгородѣ и идти на судахъ къ Казани; изъ Москвы пошли не только дворяне великаго князя, но и купцы московскіе. Изъ Москвы рать шла Москвой рѣкою въ Оку; изъ *Коломны* и *Мурома* — Окою; изъ *Владиміра* и *Суздаля* — *Клязьмою*; изъ *Ярославля*, *Костромы* и другихъ городовъ волжскихъ — Волгою; а другую рать послалъ великій князь съ *Устюга* и *Вологды* въ Вятку. Стали воеводы звать съ собою вятчанъ. А вятчане привыкли не слушаться никого и жить на своей волѣ: «Изневолилъ насъ царь — сказали вятчане воеводамъ—обѣщали мы не помогать ни царю на великаго князя, ни великому князю на царя.» Былъ въ то время на Вяткѣ казанскій посолъ, вернулся онъ въ Казань и сказалъ тамъ, что идетъ на Казань рать московская. Сошлась тѣмъ временемъ вся судовая рать въ Нижнемъ; а воеводою надъ ними поставленъ былъ *Константинъ Беззубцевъ*. Здѣсь въ Нижнемъ получена грамата съ Москвы, чтобы Константинъ послалъ охотниковъ грабить казанскія мѣста, а самъ бы оставался въ Нижнемъ. Собралъ онъ всѣхъ воеводъ, что были съ нимъ, прочелъ имъ грамату и спросилъ, кто хочетъ идти воевать татаръ, пусть идетъ, только къ Казани не ходить. «Всѣ пойдемъ на окаянныхъ татаръ за святыя церкви и

за государя нашего!» закричали собравшіеся; всѣ и пошли, а воевода Беззубцевъ остался въ Нижнемъ. Отслужили молебенъ, выбрали воеводу себѣ и въ двое сутокъ приплыли къ Казани, на ранней зарѣ и тотчасъ кинулись на посадъ. Затрубили въ трубы; татары еще не опомнились со сна, какъ наши кинулись на нихъ, стали бить и брать въ полонъ, а дома жечь. Много татаръ съ женами и дѣтьми заперлись со всѣмъ имѣніемъ въ мечетяхъ и тамъ сгорѣли. Наши, высвободивъ русскихъ полоняниковъ, отошли на островъ. Семь дней они отдыхали тутъ, а сюда пришелъ къ нимъ изъ Казани русскій плѣнникъ и сказалъ, что идетъ на нихъ царь Ибрагимъ со всею своею ратью. Распорядились воеводы отослать большія суда съ молодыми людьми къ острову на Волгѣ, только не велѣли имъ ходить въ узкое мѣсто, чтобы не доставали ихъ стрѣлы конныхъ татаръ съ берега. Не послушались молодые люди и удалось имъ отбиться отъ татарскихъ стрѣлъ; отбились и остальные воеводы, прогнали татаръ до самой Казани и стали на островѣ въ 30-ти верстахъ отъ города. Сюда пришелъ къ нимъ изъ Нижняго *Беззубцевъ* и тотчасъ послалъ звать на помощь вятчанъ. Отказали вятчане: «Коли пойдутъ братья великаго князя, такъ и мы пойдемъ!» отвѣчали они. Простоялъ Беззубцевъ подъ Казанью почти мѣсяцъ, стало ему недоставать корма и пошелъ онъ назадъ въ Нижній. Дорогой встрѣтилась имъ вдова царя Касима, который тогда уже умеръ. Прежде она была за царемъ Мамутекомъ (у татаръ можно вдовѣ одного брата выходить за другаго) и царь Ибрагимъ былъ ея сынъ. «Отпустилъ меня великій князь къ

сыну — говорила царица воеводамъ — съ добрымъ словомъ; теперь не будетъ между ними лиха.» Повѣрили воеводы и поѣхали безъ опасенія вверхъ и остались ночевать въ 40-ка верстахъ отъ Казани. Поутру (день былъ воскресный) отслужили обѣдню; вдругъ пришли татары и едва отбились отъ нихъ русскіе воеводы. Осенью послалъ великій князь братьевъ на Казань. Заняла русская рать всю рѣку и отрѣзала городъ отъ воды. Смирился царь Ибрагимъ и подчинился великому князю. Тогда рать русская ушла съ миромъ.

Только что уладились дѣла казанскіе, какъ великому князю пришлось смирять Новгородъ. Новгородцы издавна привыкли выбирать себѣ князей. Покуда въ Русской Землѣ князей было много, новгородцамъ легко было всегда найти такого, который бы пошелъ къ нимъ въ князья и когда были недовольны одни, легко было на его мѣсто найти другаго. Такъ какъ по одиночкѣ каждый князь былъ слабѣе богатаго и сильнаго Новгорода, то имъ легко было отбиваться отъ великаго князя. Только тѣмъ и смиряли ихъ встарину князья володимірскіе, самые сильные изъ сосѣдей Новгорода, что запрутъ подвозъ хлѣба: хлѣбъ въ неплодородныя мѣста новгородскія шелъ съ низу по Волгѣ, а на волжскихъ притокахъ и на верховьѣ самой Волги владѣли князья володимірскіе. Въ такой невзгодѣ искали новгородцы какого-нибудь храбраго князя, который оборонялъ бы ихъ отъ сильнаго сосѣда и опять все шло по старому. Такъ и привыкли новгородцы владѣть сами собою и всѣ свои дѣла рѣшать на вѣчѣ

(сходкѣ). На томъ вѣчѣ кто побогаче, наберетъ себѣ тѣхъ, кто побѣднѣе: кто̀ ему долженъ, того и подкупитъ и станутъ они кричать, что̀ ему угодно. И такъ дѣло доходило до драки, потому что для всякаго дѣла нужно было общее согласіе; оттого несогласныхъ били, а иногда и убивали. Плохо приходилось жить бѣднымъ; зато богатымъ было хорошо, и ссорились они между собою и смотрѣли только какъ бы имъ было хорошо. Увидали теперь новгородскіе бояре бѣду себѣ неминучую: московскіе великіе князья усиливаются, подчиняютъ себѣ удѣльныхъ и никакъ ужъ недадутъ новгородцамъ жить по прежнему. Задумались бояре и рѣшили поддаться великому князу литовскому Казимиру, который былъ и королемъ польскимъ. Думали они, что Казимиръ за то, что они сами подчинились ему, сохранитъ то, что̀ они напишутъ въ граматѣ и имъ будетъ хорошо жить съ нимъ; а если и станетъ не хорошо, то еще можно будетъ поторговаться съ Москвою. Къ тому же Казимиръ силенъ и потому думали они, что онъ оборонитъ ихъ отъ Москвы. Была въ то время въ Новгородѣ Мареа, вдова посадника *Борецкаго* (посадникъ въ Новгородѣ выбирался изъ людей богатыхъ: онъ вмѣстѣ съ княземъ судилъ, велъ рать на войну, и безъ князя правилъ народомъ: стало-бытъ былъ самымъ важнымъ человѣкомъ). Въ домѣ этой Мареы собирались всѣ тѣ, кто боялся силы московскаго государя и толковали, какъ бы избавиться отъ его власти. Тѣмъ временемъ умеръ въ Новгородѣ архіепископъ; новгородцы положили по старому обычаю три жребія на престолѣ въ соборной церкви св. Со-

фіи: чей жребій останется, того и считали выбраннымъ. На этотъ разъ остался жребій *Θеофила*. Послали въ Москву просить позволенія пріѣхать Θеофилу ставиться къ митрополиту, великій князь позволилъ, хотя и сердитъ былъ на Новгородъ. Новгородцы захватили тѣ земли, которыя по старымъ граматамъ считались княжескими, приходили толпою на дворъ великокняжескаго намѣстника, безчестили его и дѣлали другія безчинства. Когда пріѣзжалъ въ Москву посадникъ новгородскій по разнымъ дѣламъ, великій князь говорилъ ему объ этихъ непорядкахъ; «Мнѣ объ этомъ Великій Новгородъ не наказывалъ», угрюмо отвѣчалъ посадникъ. Разсердило это Ивана Васильевича, только рѣшился онъ посмотрѣть, что̀ будетъ, и потому позволилъ Θеофилу пріѣхать въ Москву.

Когда пріѣхали назадъ послы отъ великаго князя, въ Новгородѣ началось волненіе. Марθа и друзья ея наняли крикуновъ, которые пошли кричать на вѣчѣ: «Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ зваться его отчиною! Мы вольные люди: хотимъ за Казимира!» Другіе же въ то время кричали: «Хотимъ за великаго князя!» И стали марθины наемники кидать каменьями въ тѣхъ, кто былъ за великаго князя. Напрасно многіе старики и самъ нареченный архіепископъ уговаривали новгородцевъ не начинать новаго дѣла; ихъ не послушали и послали пословъ къ Казимиру сказать: «Мы, вольные люди новгородцы, челомъ бьемъ тебѣ, честному королю. Будь государемъ Великому Новгороду и намъ господиномъ; пришли намъ князя отъ себя и дозволь

поставиться нашему архіепископу у кіевскаго митрополита»; а въ Кіевѣ былъ—какъ уже сказано—въ то время особый митрополитъ. Радъ былъ Казиміръ, написалъ грамату, въ которой наобѣщалъ новгородцамъ всѣхъ льготъ, какихъ они хотѣли, и прислалъ къ нимъ намѣстникомъ князя *Михаила* Олельковича. Не долго князь Михаилъ пробылъ въ Новгородѣ; скоро умеръ братъ его князь кіевскій и онъ уѣхалъ въ Литву искать кіевскаго княженія, да еще по дорогѣ ограбилъ Русу; но пока былъ онъ въ Новгородѣ, только и видѣли отъ него новгородцы, что должны были кормить и поить его и его людей, да готовить имъ дары. Другой помощи новгородцы отъ короля не дождались и пришлось имъ однимъ отбиваться отъ великаго князя.

Тѣмъ временемъ великій князь, выжидая, что́ сдѣлаютъ новгородцы, послалъ къ нимъ сначала грамату увѣщательную отъ митрополита, а потомъ отправилъ своего посла сказать: «Къ латинству не приставайте, покайтесь передо мною; а я готовъ держать васъ по старинѣ». Не послушали новгородцы увѣщаній. Наступило лѣто: лѣтомъ обыкновенно къ Новгороду не было прохода отъ болотъ. Новгородцы это знали и оттого, можетъ быть, особенно упрямились; но па бѣду ихъ начались такія засухи, что болота пересохли и путь открылся. Тогда великій князь самъ двинулся съ ратью къ Новгороду, а другую свою рать послалъ въ богатую новгородскую область, *Двинскую*, куда новгородцы еще прежде послали своего воеводу князя Шуйскаго. За Двинскую область они потому стояли, что здѣсь

были большія земли у всѣхъ богатыхъ бояръ и черезъ эту землю получалъ Новгородъ сибирскіе мѣха и серебро. Жаль было новгородцамъ разстаться съ такимъ *золотымъ дномъ*. Снарядивъ рать, послалъ великій князь и во Псковъ; онъ зналъ, что псковичи не любятъ новгородцевъ, которые все хотѣли совсѣмъ подчинить себѣ Псковъ. Псковичи хотѣли-было помирить новгородцевъ съ великимъ княземъ и просили новгородцевъ пропустить ихъ посла черезъ свою землю. Не согласились новгородцы и псковичи повѣстили ихъ, что идутъ съ великимъ княземъ.

Помолился великій князь въ московскихъ соборахъ, благословился у митрополита, и пошелъ изъ Москвы, а впередъ себя послалъ воеводу своего, князя Холмскаго, и велѣлъ ему воевать новгородскія мѣста около Русы по сю сторону озера Ильменя. Воеводы сожгли Русу и двинулись дальше по берегу озера. У деревни Корыстыни пришла на нихъ судовая рать новгородская и тихо высадилась на берегъ. Воеводы не ждали нападенія; но сторожа замѣтили новгородцевъ; поднялась тревога и началась битва. Москвичи разбили новгородцевъ: много ихъ было побито, много утонуло въ рѣкѣ. Снарядили новгородцы другую рать и послали ее съ дѣтьми мареиными къ Шелони, чтобы встрѣтить тамъ псковичей, а сами, чтобы отвести глаза москвичамъ, послали къ великому князю просить *опаса* (граматы для безопаснаго проѣзда) своимъ посламъ; но имъ не удалось обмануть. Великій князь велѣлъ Холмскому, возвратившемуся-было къ Русѣ, идти на р. Шелонь для встрѣчи со псков-

чами. Пошелъ Холмскій, — пришли и новгородцы; ихъ было 40,000, а москвичей всего 4,000 человѣкъ; остальные разошлись по окольнымъ мѣстамъ за добычею. «Братья! пришло намъ время послужить великому государю! Хоть бы ихъ было 300,000, все же намъ нужно биться съ ними за правду своего государя», сказалъ Холмскій своей рати, когда узналъ о приходѣ новгородцевъ. Новгородцы вышли изъ судовъ и стали за рѣкою. По утру на другой день москвичи вплавь перешли рѣку и перешли счастливо: какъ ни крутъ берегъ, какъ ни быстра рѣка, но никто не утонулъ. Когда началась битва, изъ новгородцевъ бились только пѣшіе, которые пришли на судахъ, а конная рать не билась: полкъ архіепископа (новгородскій архіепископъ былъ такъ богатъ, что изъ его людей собирался цѣлый полкъ) отказался биться и говорилъ: «Владыка послалъ насъ противъ псковичей, а на великаго князя не велѣлъ подымать рукъ»; не бились многіе и изъ богатыхъ, которые были въ конной рати, ссылаясь на усталость коней. Все-таки новгородцы чуть не прогнали москвичей за рѣку, если бы не подоспѣли татары, служившіе въ рати московской, и стоявшіе въ засадѣ. Сильно побиты были новгородцы и много ихъ попало въ полонъ; плѣнены и сыновья Марѳы. Перепугались въ Новгородѣ и послали сказать королю Казимиру: «Садись на коня!» да не доѣхалъ до короля ихъ посланный: поѣхалъ онъ чрезъ землю нѣмецкую и задержали его нѣмцы. Узналъ о томъ великій князь, распалился гнѣвомъ и велѣлъ переказнить плѣнныхъ новгородцевъ. Еще сильнѣе перепугались въ Новгородѣ: раз-

ставили сторожей по стѣнамъ и башнямъ, сожгли посады; но въ городѣ сдѣлался голодъ; ржи и не вывозили на торгъ; былъ только пшеничный хлѣбъ, который могли покупать одни богатые, да и того было мало; тогда начали роптать бѣдные на богатыхъ: «Это вы привели великаго князя на Новгородъ». А тѣмъ временемъ узнали, что и на Двинѣ новгородцы разбиты. Пришлось мириться: послали къ великому князю владыку Ѳеофила. Помиловалъ ихъ великій князь, взялъ съ нихъ 15,000 руб. окупа, оставилъ имъ до времени старые порядки, а самъ возвратился въ Москву. Послѣ смиренія Новгорода великій князь послалъ свое войско въ землю Пермскую, которая платила дань Новгороду и подчинилъ ее себѣ.

Въ концѣ 1472 года пышно праздновали въ Москвѣ вторую свадьбу великаго князя. Невѣстою была греческая царевна *Софья Ѳоминишна*. Турки взяли Цареградъ и убили дядю ея, императора Константина. Послѣ того Турки кинулись на владѣніе ея отца въ нынѣшнемъ греческомъ королевствѣ. Отецъ ея, Ѳома, бѣжалъ въ Италію и нашелъ убѣжище въ Римѣ, у папы: мы уже знаемъ, что по флорентинскому собору, греки соединили церкви. Когда княжна выросла, папа сталъ ей искать жениха. Тогда-то вспомнили въ Римѣ, что русскій государь становится все сильнѣе и сильнѣе; подумалъ папа, что если онъ женится на княжнѣ греческой, то пойдетъ вмѣстѣ съ другими государями выгонять турокъ, которыхъ тогда сильно боялись въ Европѣ, боялся и папа. Султанъ турецкій обѣщалъ придти въ Римъ и кор-

мить коня въ церкви св. Петра. Къ тому же подумалъ папа, что княжна можетъ уговорить своего мужа принять — какъ приняли всѣ ея родные — соединеніе съ латинскою церковью; онъ не зналъ только того, что въ душѣ княжна оставалась православною. Подумалъ все это папа и въ Москвѣ явились послы, которые предложили великому князю руку царевны. Это было въ 1469 году. Обрадовался великій князь, созвалъ на совѣтъ митрополита и бояръ, и всѣ совѣтовали ему призвать невѣсту. Князь великій не хотѣлъ однако рѣшиться, пока не узнаетъ черезъ своего посла о невѣстѣ и послалъ въ Римъ Ивана Фрязина (итальянца). Этотъ Фрязинъ привезъ съ собою портретъ княжны. Тогда уже великій князь отправилъ за нею посольство. Съ княжною поѣхалъ папскій посолъ (легатъ), передъ которымъ — по обычаю римскому — несли литой серебряный крестъ. Изъ Рима княжна ѣхала сухимъ путемъ до Любека (въ Германіи), здѣсь сѣла на корабль и пріѣхала въ Ревель, которымъ тогда владѣли нѣмецкіе рыцари. Нѣмцы, постоянно торговавшіе съ Новгородомъ, пышно угостили будущую государыню русскую. Отсюда посланъ гонецъ въ Москву, съ извѣстіемъ объ ея благополучномъ прибытіи; а въ Дерптѣ (Юрьевѣ) привѣтствовалъ ее русскій посолъ. Первымъ русскимъ городомъ, гдѣ она остановилась, былъ Псковъ. Псковичи заранѣе знали объ ея пріѣздѣ и готовились къ пріему: сытили меды, собирали кормъ и выслали на озеро Чудское на встрѣчу княжнѣ нѣсколько лодокъ. Когда пріѣхала Софья Ѳоминишна, то псковичи налили меду и вина въ кубки и золоченные роги, подошли къ ней и уда-

рили челомъ. Княжна приняла ихъ ласково и, сѣвши съ ними въ лодку, поѣхала по озеру. Во псковскомъ Печерскомъ монастырѣ остановилась она отдохнуть и отсюда, переодѣвшись въ царское платье, поѣхала во Псковъ. Передъ городомъ встрѣтили ее священники съ крестами и горожане. Въ городѣ пошла она по церквамъ. Пять дней пробыла она во Псковѣ и, прощаясь, сказала: «Хочу ѣхать теперь къ государю своему и вашему, а васъ всѣхъ благодарю за честный пріемъ, за хлѣбъ, за вино и за медъ. Когда дастъ Богъ буду въ Москвѣ, и вамъ что̀ будетъ нужно, всегда готова просить за васъ государя». Съ честью проводили ее псковичи до своего рубежа. Изъ Пскова выѣхала она октября 17-го, а только 12-го ноября пріѣхала въ Москву; всюду по дорогѣ ее принимали съ честію. Когда стала княжна подъѣзжать къ Москвѣ, услыхалъ великій князь, что передъ посломъ несутъ литой крестъ латинскій и сталъ онъ совѣтоваться съ боярами и митрополитомъ, и сказалъ ему митрополитъ: «если это позволишь, то онъ войдетъ въ одни ворота, а я, отецъ твой, выйду въ другія». Послушался его великій князь и запретилъ послу нести передъ собою крестъ. Съ честью въѣхала царевна въ Москву, а скоро была и свадьба.

Когда Иванъ Васильевичъ началъ государствовать, Москва была еще городъ небольшой и весь деревянный, даже государь жилъ въ деревянныхъ палатахъ. Каменныя стѣны кремлевскія, которыя построены при Дмитріѣ Донскомъ, обвалились: такъ неискусны были каменщики, строившіе ихъ; пробова-

ли строить каменную церковь Успенія, да только что довели до-верха, какъ и она повалилась. Потому-то когда царевна пріѣхала изъ Италіи, вызвалъ оттуда великій князь архитекторовъ и разныхъ другихъ мастеровъ: Италія была тогда самою богатою землею и были тамъ самые искусные архитекторы. Изо всѣхъ пріѣхавшихъ самый лучшій былъ *Аристотель* (онъ построилъ *Успенскій соборъ*). Самъ онъ училъ нашихъ каменьщиковъ, какъ обжигать кирпичъ, какъ приготовлять известку; образцомъ для этой церкви велѣлъ ему князь великій взять церковь во Владимірѣ. Тогда же выстроены были и другіе два собора московскіе: *Архангельскій* и *Благовѣщенскій;* выстроены были стѣны кремлевскія и дворецъ великаго князя (это начало теперешняго теремнаго дворца); выстроена была славная грановитая палата, гдѣ до сихъ поръ государи наши кушаютъ послѣ коронаціи. Пошли строить каменныя хоромы и прочіе москвичи и скоро *Москва золотоверхая* сдѣлалась лучшимъ городомъ въ Русской Землѣ. Государь сильный и богатый, Иванъ Васильевичъ потомъ завелъ и пышный дворъ, и великолѣпные пріемы пословъ, когда онъ сидѣлъ на тронѣ въ парчевомъ платьѣ, усыпанномъ драгоцѣнными каменьями, въ коронѣ мономаховой (о которой говорятъ, что она прислана греческимъ царемъ великому князю Владиміру Мономаху). Кругомъ комнаты, на лавкахъ, покрытыхъ шелковыми наволочниками, сидѣли бояре въ дорогихъ нарядахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, а у трона стояли *рынды* (молодые дворяне) въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ съ серебряными топорами въ

рукахъ. Иванъ же Васильевичъ первый вырѣзалъ на печати двуглаваго орла, тенерешній гербъ Россіи; этимъ гербомъ печатали свои граматы цари греческіе. Все это было сдѣлано по совѣту съ великою княгинею, которая знала какъ все дѣлалось въ Цареградѣ въ то время, когда тамъ владѣли еще православные цари. Понятно, все это заводилось мало по малу. Когда же царевна пріѣхала въ Москву, царь татарскій могъ считать Ивана Васильевича своимъ данникомъ: еще не совсѣмъ онъ отрекся отъ дани и въ Москву пріѣзжали послы и привозили *басму* (т. е. болвана ханскаго вмѣсто портрета), и эту басму должно было встрѣчать съ поклономъ за городомъ (на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчали эту басму, построили при Иванѣ Васильевичѣ церковь Спаса на Болвановкѣ). Говорятъ, что Софья Ѳоминишна все скорбѣла о томъ, что послы татарскіе живутъ въ Кремлѣ и писала къ ханшѣ, что видѣла сонъ и хочетъ по этому сну воздвигнуть церковь па томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живутъ послы. Ханша согласилась; пословъ вывели, и съ тѣхъ поръ не пускали въ Кремль. Думать совсѣмъ освободиться отъ татаръ еще было не время, надо было прежде окончательно смирить Новгородъ, и потому Иванъ Васильевичъ вошелъ въ союзъ съ царемъ крымскимъ Менгли-Гиреемъ, врагомъ царя сарайскаго, Ахмата. Этотъ Менгли-Гирей много помогалъ потомъ ему въ войнахъ и съ татарами, и съ поляками; а чтобы онъ не подумалъ измѣнить, Иванъ Васильевичъ принялъ къ себѣ брата его Нордулата, котораго Менгли-Гирей выгналъ изъ Крыма. Онъ пе отпускалъ отъ себя этого Нордулата

и тѣмъ дѣлалъ удовольствіе своему союзнику; а въ случаѣ измѣны съ его стороны, готовъ былъ пустить Нордулата въ Крымъ. Такъ уменъ и остороженъ былъ Иванъ Васильевичъ.

Въ 1475 году поѣхалъ великій князь въ Новгородъ. Ѣхалъ онъ цѣлый мѣсяцъ, останавливаясь въ Твери и въ разныхъ станахъ на пути, куда приходили къ нему съ поклономъ знатные новгородцы; архіепископъ Ѳеофилъ встрѣтилъ его за 90 верстъ отъ города. Еще до въѣзда въ городъ стали приходить къ нему черные люди новгородскіе, съ жалобою на своихъ бояръ. Жалобъ еще было больше въ самомъ городѣ: богатые бояре новгородскіе сильно притѣсняли черныхъ людей, живя на своей волѣ, и оттого черные люди искали прибѣжища въ великомъ князѣ. Такъ двѣ улицы новгородскія пришли жаловаться на посадника Василья Онаньина и нѣсколькихъ бояръ въ томъ, что они наѣхали съ своими людьми на эти двѣ улицы, убили нѣсколько человѣкъ и пограбили имѣнія на тысячу рублей. Великій князь назначилъ жалобщикамъ судъ при архіепископѣ и посадникахъ и велѣлъ обидчиковъ всѣхъ захватить, а награбленное на нихъ доправить. Стали просить владыка и посадники помиловать тѣхъ обидчиковъ и сказалъ имъ великій князь: «Вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду, сколько лиха дѣлалось и прежде отъ этихъ бояръ, и теперь дѣлается; могу ли я ихъ за это лихо жаловать», и велѣлъ отправить ихъ въ Москву, а съ ними и тѣхъ, которые прежде приставали къ королю. Стали еще просить новгородцы: и великій князь смиловался, обидчиковъ имъ отдалъ,

а измѣнниковъ своихъ не отпустилъ. Прожилъ онъ въ Новгородѣ больше двухъ мѣсяцевъ и пировалъ у владыки и бояръ, а тѣ посадники и тысячскіе и всякіе новгородскіе люди, которые не успѣли устроить пира для великаго князя, давали ему дары и великій князь принималъ ихъ милостиво. Послѣ этой поѣздки стали новгородцы пріѣзжать съ жалобами въ Москву, чего прежде никогда не бывало. До сихъ поръ новгородцы во всѣхъ своихъ уговорахъ съ великими князьями писали, чтобы князь великій судилъ въ Новгородѣ, потому что при судѣ всегда долженъ быть посадникъ; новгородцы находили, что свой человѣкъ лучше разберетъ, чѣмъ московскіе; но теперь очень ужъ сильно тѣснили ихъ свои бояре и стали они искать правды въ Москвѣ.

Въ томъ же году (1477 г.) пришли изъ Новгорода послы Назаръ, да Захаръ, и назвали они великаго князя, по ошибкѣ или въ самомъ дѣлѣ имъ было такъ поручено, не господиномъ (какъ водилось прежде), а государемъ. По-новгородски, въ этихъ словахъ разница была большая: назвать государемъ значило отдаться въ полную волю великому князю; а новгородскимъ боярамъ сильно не хотѣлось разставаться съ своею властью. Послѣ этихъ словъ послалъ Иванъ Васильевичъ спросить у новгородцевъ: «Какого государства они хотятъ?» Новгородцы отвѣчали: «Не посылали мы съ тѣмъ; все это ложь.» Сильный мятежъ начался въ Новгородѣ; стали убивать тѣхъ, кои думали, что они радѣютъ великому князю. Услыхалъ объ этомъ великій князь, пошелъ къ митрополиту и сказалъ ему: «Не хотѣлъ я у нихъ государства,

сами же они присылали ко мнѣ, а теперь запираются.» Благословилъ его митрополитъ идти па Новгородъ войною; то же посовѣтовали и бояре. Тогда сталъ великій князь собирать рать. Испугались новгородцы и послали просить позволенія пріѣхать къ нему архіепископу. Великій князь не отвѣчалъ ничего, а только велѣлъ задержать посланнаго въ Торжкѣ. Осенью онъ самъ пошелъ съ ратью къ Новгороду и стали на дорогѣ приходить къ нему новгородцы проситься въ службу. Явились посланные отъ архіепископа и просили позволенія пріѣхать самому владыкѣ. Далъ это позволеніе великій князь; а тѣмъ временемъ самъ все шелъ впередъ и посладъ ко псковичамъ сказать, чтобы и они выходили на рѣку Шелонь. Въ *Сытинѣ* (въ 30 верстахъ отъ Новгорода) архіепископъ встрѣтилъ великаго князя. «Государь! — сказалъ ему Ѳеофилъ — бьемъ тебѣ челомъ. Положилъ ты гнѣвъ на свою отчину, мечъ твой и огонь ходятъ по Новгородской землѣ и льется кровь христіанская. Смилуйся, государь, пощади! Бьемъ тебѣ челомъ со слезами». То же говорили и посадники; велѣлъ государь переговорить съ пими своимъ боярамъ. Стали новгородцы просить оставить ихъ волю по старинѣ и отвѣчали имъ на то бояре, по приказанію государеву: «Сами вѣдаете, что пришли въ Москву нослы и назвали великаго князя государемъ, а потомъ вы оттого отреклись и много другихъ неправдъ причинили вы, и не могъ болѣе терпѣть великій государь и пошелъ па васъ». Съ тѣмъ и ушли новгородцы обратно. А тѣмъ временемъ послалъ великій князь рать свою подъ городъ, чтобы

не допустить новгородцевъ жечь подгородныя слободы и монастыри; они хотѣли-было сдѣлать это, чтобы не было гдѣ остановиться московской рати. Вслѣдъ за ратью и самъ великій князь подошелъ къ Новгороду. Затужили новгородцы, когда увидали, что городъ ихъ со всѣхъ сторонъ обступила рать великаго князя и собрались они всѣ въ городъ и кромѣ каменныхъ стѣнъ, окружили еще посады свои стѣною деревянною, по обѣ стороны рѣки Волхова и на судахъ черезъ рѣку. Воеводою былъ у нихъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Увидалъ великій князь, что городъ огражденъ крѣпко и что пойдти брать—много надо пролить крови и положилъ обступить его своею силою московскою, тверскою и псковскою: псковичи тоже подошли къ Новгороду. Стоять войска должны были до тѣхъ поръ, пока не сдастся городъ отъ голода: въ Новгородѣ не было ни кому ни прохода, ни проѣзда, а въ станъ великаго князя возили псковичи и хлѣбъ, и товары. Опять пришли къ нему и владыка, и новгородцы, просить о помилованіи; велѣлъ отвѣчать имъ великій государь: «Если вы повинились и спрашиваете, какъ мы хотимъ владѣть въ Новгородѣ, то знайте, что мы хотимъ въ Новгородѣ такъ же владѣть, какъ въ Москвѣ». Задумались новгородцы и опять пошли въ городъ и когда вернулись, то спросили: «Какіе порядки въ Москвѣ? мы тѣхъ порядковъ не знаемъ.» Приказалъ государь боярамъ отвѣчать: «Желаемъ, чтобы вѣчеваго колокола не было, посадниковъ не было; чтобы земли княжескія, которыя забрали бояре, воротились къ князю; остальныхъ земель мы не тронемъ, а судъ

будетъ въ Новгородѣ по старинѣ.» Приходили еще разъ новгородцы просить разныхъ льготъ; но великій князь отвѣчалъ, что какъ онъ сказалъ, такъ и будетъ. Сильно замялся Новгородъ: иные хотѣли биться съ великимъ княземъ; другіе хотѣли покориться. Этихъ было больше потому, что въ городѣ отъ тѣсноты сдѣлался голодъ и моръ, да и многимъ надоѣло уже боярское своеволіе. Увидалъ такое настроеніе и смуту воевода ихъ князь Шуйскій, сложилъ съ себя присягу Новгороду и поѣхалъ къ великому князю. Милостиво его принялъ великій князь. Подумали еще новгородцы и 13-го января 1478 г. отворили ворота великому князю. Восемь недѣль стоялъ Иванъ Васильевичъ подъ Новгородомъ. Вѣче уничтожено, посадники и тысяцкіе тоже; вѣчевой колоколъ увезенъ въ Москву; туда же взята и Мареа, а также и тѣ новгородцы, которые были побуйнѣе. Устроилъ великій князь дань и разные порядки въ Новгородѣ и отписалъ къ себѣ нѣкоторыя изъ селъ монастырскихъ: въ то время у монастырей были свои села и были монастыри самыми богатыми помѣщиками. Устроивши все въ Новгородѣ, вернулся великій князь въ Москву. Въ 1480 г. попробовали-было новгородцы, узнавши, что на Русь собирается царь Ахматъ и что братья государевы недовольны имъ, опять завести у себя все по старому и владыка былъ съ ними въ умыслѣ. Узналъ это великій князь и пошелъ къ Новгороду, опять отмѣнилъ посадниковъ и тысячскихъ, а владыку привезъ съ собою въ Москву. Тѣмъ и кончилось это дѣло.

Тѣмъ временемъ собралъ царь Ахматъ всю свою

силу, списался съ королемъ польскимъ Казимиромъ и обѣщалъ ему король Казимиръ съ другой стороны войдти въ Русь. Повѣрилъ ему Ахматъ и пошелъ; шелъ онъ тихо, поджидая вѣстей отъ короля. Узнали о томъ въ Москвѣ и стали собирать рать и посылать ее къ Окѣ, гдѣ всегда переправлялись татары. У Серпухова ждалъ ихъ *Иванъ Ивановичъ*, старшій сынъ великаго князя и наслѣдникъ его. Услыхалъ Ахматъ, что ждутъ его у Серпухова и повернулъ къ Угрѣ, чтобы пройдти литовскими землями и скорѣе получить помощь отъ короля. Туда же велѣлъ великій князь идти и своей рати съ сыномъ своимъ. Иванъ Васильевичъ тѣмъ временемъ помирился съ братьями и, благословясь у митрополита, посовѣтовавшись съ боярами и распорядясь кому оставаться въ Москвѣ, самъ пошелъ тоже къ Угрѣ (тогда границею была Угра, почти у самой Калуги; потомъ — мы увидимъ — удалось Ивану Васильевичу отодвинуть эту границу).

Ахматъ сталъ въ *Воротынскѣ* (Калужской губерніи), тогда городѣ литовскомъ, ожидая помощи отъ короля; но королю было не до помощи: на землю Подольскую напалъ *Менгли-Гирей* крымскій, вѣрный союзникъ великаго князя. Не получивъ помощи, Ахматъ двинулся дальше и сталъ на берегу Угры противъ русскаго войска. Стали татары стрѣлять изъ-за рѣки и наши отбили ихъ отъ берега. Такъ стояли нѣсколько времени другъ противъ друга. Дѣло было въ октябрѣ, рѣка начала мерзнуть и великій князь велѣлъ войску своему отойти до Кременца, а самъ

пошелъ далѣе къ Боровску. Здѣсь — говорятъ — хотѣлъ онъ ожидать Ахмата, чтобы побить его.

Многіе жаловались на великаго князя, что онъ медлитъ сраженіемъ; ростовскій архіепископъ Вассіанъ писалъ даже посланіе, въ которомъ уговаривалъ его биться. «Слышали мы—писалъ владыка—что твои прежніе развращенные совѣтники шепчутъ тебѣ въ уши льстивыя слова и совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ стадо Христово, въ немъ же тебя духъ святой поставилъ, о, боголюбивый государь! Подумай только отъ какой славы въ какое безчестіе сводятъ они тебя и сколькимъ народамъ должно погибнуть и сколько церквей Божьихъ будетъ разорено и осквернено. Кто, каменосердый, не заплачетъ о такой гибели? Убойся же и ты, пастырь! Куда же ты избѣжишь и гдѣ воцаришься, погубивъ свое стадо? Не слушай, государь, такихъ, которые хотятъ твою честь обратить въ безчестіе, твою славу въ безславіе; подражай преждебывшимъ прародителямъ своимъ, великимъ князьямъ, которые не только обороняли Русскую Землю отъ поганыхъ, но и иныя страны покоряли: я говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, которые и отъ царей греческихъ брали дань и о Владимірѣ Мономахѣ, который много разъ бился съ половцами за Русскую Землю; другихъ ты самъ помнишь лучше меня. А достохвальный великій князь Дмитрій, прадѣдъ твой, какое мужество показалъ онъ за Дономъ надъ этими сыроядцами, что самъ бился напереди и не пощадилъ живота своего ради христіанъ. Подражай прадѣду

своему и потщися избавить стадо Христово отъ мысленнаго волка и Господь, видѣвъ твое мужество, поможетъ тебѣ покорить враги твои подъ ноги и будешь здравъ и невредимъ, потому что Богъ сохранитъ тебя и осѣнитъ главу твою въ день брани».

Какъ писалъ Вассіанъ, такъ думали многіе, и дивились: отчего великій князь не только не вступаетъ въ бой, но еще отходитъ все дальше. Вдругъ всѣ удивились: когда узнали, что Ахматъ бѣжалъ отъ Угры. Но великій князь зналъ, что это должно случиться и только тянулъ время: онъ послалъ Нордулата по Волгѣ на Сарай; Нордулатъ благополучно доплылъ и разорилъ пустой городъ. Узналъ объ этомъ Ахматъ и поспѣшилъ воротиться домой. На дорогѣ онъ былъ убитъ. Сыновья его блуждали по степи и съ тѣхъ поръ не вставало царство сарайское и Россія больше уже не платила дани татарамъ. Такъ заранѣе все предвидѣлъ и устроилъ Иванъ Васильевичъ.

Смиривъ Новгородъ и отдѣлавшись отъ татаръ, великій князь выступилъ въ 1485 г. противъ сосѣдняго княжества тверскаго. Князь тверской Михаилъ Борисовичъ, конечно, не былъ такъ силенъ, какъ нѣкогда сильны были князья тверскіе, но все-таки онъ былъ опасенъ великому князю. Тверскіе князья не могли забыть того времени, когда они спорили съ московскими о томъ, кому владѣть Русскою Землею. Ослушиваться открыто Ивана Васильевича онъ не смѣлъ; однако переписывался съ Казиміромъ польскимъ. За то-то и пошелъ великій князь на него войною. Лишь только онъ обступилъ городъ, тверскіе бояре вышли къ нему на встрѣчу и стали вступать

къ нему на службу, а князь Михаилъ бѣжалъ въ Литву. Иванъ Васильевичъ вступилъ въ городъ. Такъ кончилось тверское княжество.

Еще въ то время, какъ великій князь въ первый разъ ходилъ на Новгородъ, царь казанскій Ибрагимъ получилъ ложную вѣсть, будто новгородцы разбили великаго князя и онъ самъ-четвертъ воротился въ Москву. Обрадовался этой вѣсти царь Ибрагимъ и разорилъ землю Вятскую, за что великій князь послалъ на него войско: онъ помирился и обѣщался поступать какъ великому князю угодно. Когда онъ умеръ, два сына: *Магметъ-Аминъ*, мать котораго, по смерти мужа, вышла за Менгли-Гирея крымскаго, союзника Ивана Васильевича, и *Ильгемъ*, стали спорить между собою о томъ, кому быть царемъ. *Магметъ-Аминя* великій князь принялъ къ себѣ, когда въ Казани одержалъ верхъ Ильгемъ, а за самимъ Ильгемомъ поручилъ присматривать своимъ посламъ. Началъ Ильгемъ владѣть въ Казани, но казанцамъ многимъ сталъ несносенъ и великому князю не угодилъ. Въ 1487 г. пришли къ великому князю казанскіе мурзы (знатные, князья) и сказали ему: «Отпустили мы къ тебѣ нашего царевича съ тѣмъ, что если начнетъ нашъ царь обходиться съ нами лихо, то ты отпустишь къ намъ царевича; а нынче, услыхавъ объ этомъ, зазвалъ царь насъ къ себѣ на обѣдъ и хотѣлъ перебить. Мы бѣжали въ поле, а онъ погнался за нами». Тогда послалъ великій князь съ Магметъ-Аминемъ въ Казань рать свою судовую и конную, а воеводою далъ этой рати князя Холмскаго. Вышелъ противъ нихъ царь Ильгемъ,

но долженъ былъ уйдти назадъ въ городъ; остался только одинъ мурза Алгазый; много вреда онъ сдѣлалъ нашимъ, но и его прогнали за Каму. Три недѣли стояли воеводы подъ Казанью; не разъ царь выходилъ изъ города и всякій разъ прогоняли его. Напослѣдокъ стало тѣсно въ Казани. Вышелъ Ильгемъ и покорился. Посадили въ Казань Магметъ-Аминя, а Ильгема свезли въ Москву. Великій князь послалъ его жить на Вологду. Съ тѣхъ поръ Казань стала зависѣть отъ великаго князя, который началъ называться «государемъ болгарскимъ» (прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ было тогда царство казанское, жили Болгаре).

Тѣмъ временемъ вятчане выгнали намѣстника великокняжескаго и въ 1489 году послалъ Иванъ Васильевичъ къ *Хлынову* (такъ звали тогда городъ Вятку) свою рать; туда же велѣлъ приходить и казанскому царю. Всего войска было 64,000 человѣкъ. Вятчане затворились въ городѣ; видятъ однако, что неотстоять имъ и посылаютъ просить помилованія. «Цѣлуйте крестъ—послали имъ сказать воеводы— и выдайте заводчиковъ измѣны.» Подумали вятчане два дня и отвѣчали, что не выдаютъ заводчиковъ. Тогда стали воеводы приступать къ городу: у города поставили плетень и велѣли воинамъ сносить солому и бересту, чтобы зажечь тотъ плетень и спалить городъ (а городъ былъ, какъ тогда дѣлали, деревянный). Испугались вятчане и вышли ихъ большіе люди бить челомъ и выдали заводчиковъ. Тѣхъ заводчиковъ били кнутомъ и повѣсили, а вятчанъ

многихъ развели по городамъ; съ тѣхъ поръ смирилась и Вятка.

Съ Казиміромъ польскимъ явной войны не было, а только старались оба государя, сколько можно, вредить другъ другу: Иванъ Васильевичъ постоянно посылалъ на землю Литовскую крымскаго царя, которому за то давалъ то деньги, то подарки; а король подучалъ дѣтей ахматовыхъ, но эти очень были слабы и потому не могли вредить. Въ Литвѣ оставалось еще много русскихъ князей православной вѣры; государи литовскіе оставляли владѣть ихъ въ тѣхъ городахъ, которые достались ихъ отцамъ; тяжело было этимъ князьямъ жить подъ властію латинскихъ государей, которые, сколько могли, вредили православію съ тѣхъ поръ, какъ Ягайло женился на Ядвигѣ и принялъ католичество: православнымъ не давалъ никакихъ должностей и даже иногда позволялъ принуждать принять латинство. При королѣ Казимирѣ запрещено было даже строить новыя православныя церкви и починять ветхія. Князья же, особенно тѣ изъ нихъ, у которыхъ владѣнія были близъ границъ московскихъ: *Одоевскіе* (Одоевъ Тульской губерніи), *Бѣлевскіе* (Бѣлевъ тоже), *Воротынскіе* (Воротынскъ, Калужской губерніи) и др., начали другъ за другомъ переходить на службу московскаго государя. Казиміръ жаловался на это Ивану Васильевичу. «Князья племени владимірова — велѣлъ ему отвѣчать великій князь—служили Литвѣ добровольно и потому, когда хотятъ, могутъ возвратиться со своими отчинами въ свое отечество!» Въ 1492 году умеръ Казиміръ и Литва отдѣлилась

отъ Польши: литовцы выбрали своимъ княземъ одного изъ сыновей казимировыхъ, *Александра*, а поляки—другаго, *Яна-Ольбрехта*. Когда такъ отдѣлилась Литва отъ Польши, воевать стало лѣгче и Иванъ Васильевичъ послалъ сказать *Менгли-Гирею*: «Король умеръ, остались послѣ него дѣти, такіе же Москвѣ и Крыму нѐдруги; пусть ханъ не мирится съ ними, а сядетъ на коня; великій князь тоже сядетъ.» Вслѣдъ за тѣмъ русскіе воеводы пошли на литовскіе города. Въ Литвѣ испугались и стали подумывать о мирѣ; а для того, чтобы миръ былъ прочѣнъ, надумались женить великаго князя литовскаго, Александра, на дочери великаго князя Ивана Васильевича. Великій князь требовалъ, чтобы прежде заключенъ былъ миръ, а потомъ говорили о свадьбѣ. Такъ и сдѣлали, и когда заключили миръ, пріѣхали въ Москву послы литовскіе и обручили дочь великаго князя, Елену, съ литовскимъ государемъ. Отпуская дочь въ Литву, Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ зятя, чтобы онъ не принуждалъ свою супругу перемѣнять вѣру, а самой Еленѣ далъ такое наставленіе: «Въ латинскую божницу не ходить; а захочешь посмотрѣть латинскую божницу и на монастырь, посмотрѣть тебѣ одинъ или два раза, а больше не ходить; а когда будетъ въ Вильнѣ королева, свекровь твоя, и пойдетъ въ свою божницу и станетъ звать съ собою, то проводить ее до дверей, а самой вѣжливо отпроситься въ свою церковь.» Кромѣ того посламъ русскимъ наказано было требовать, чтобы во дворцѣ великаго князя литовскаго построена была для Елены православная церковь. Александръ на

первыхъ же порахъ пошелъ противъ воли своего тестя: вѣнчали ихъ въ латинской церкви и вѣнчалъ латинскій епископъ; русскій архимандритъ только присутствовалъ при вѣнчаніи, — служить ему не позволили; изъ православныхъ служилъ только священникъ. Церковь Александръ не построилъ, отговариваясь тѣмъ, что великая княгиня можетъ ходить и въ приходскую; русскихъ, которые были съ нею, выслалъ мало по малу изъ Литвы и старался всячески уговорить ее принять латинство или хоть унію, потому что папа хотя и позволилъ ему жениться на православной, но наказывалъ стараться обращать ее въ латинство. Все это не правилось Ивану Васильевичу и онъ началъ непріятную переписку съ зятемъ и какъ ни старалась Елена помирить ихъ (чтобы не быть причиною ссоры, она старалась увѣрить отца, что ей хорошо, но отецъ не вѣрилъ)—ссора разгоралась все больше и больше, и черезъ шесть лѣтъ послѣ брака началась новая война съ Литвою.

Тѣмъ временемъ Иванъ Васильевичъ старѣлся; старшій сынъ его отъ первой жены, Иванъ Ивановичъ, котораго онъ очень любилъ и при жизни своей объявилъ великимъ княземъ, умеръ еще въ 1490 году. Онъ заболѣлъ какою-то болѣзнію въ ногѣ. Лекарь Леонъ, родомъ изъ жидовъ, взялся его вылѣчить, сталъ давать ему зелія внутрь и прикладывать къ ногѣ стклянки съ горячею водою. Молодому князю сдѣлалось хуже и онъ умеръ. Разгнѣвался великій князь и велѣлъ сжечь лѣкаря. Послѣ Ивана Ивановича осталась молодая жена съ сыномъ Дмитріемъ.

Этого-то Дмитрія захотѣлъ Иванъ Васильевичъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Не понравилось это Софьѣ Ѳоминишнѣ; захотѣла она, чтобы государемъ былъ сынъ ея Василій и видя, что великій князь настаиваетъ на своемъ, стала она собирать у себя бабъ—колдуній (тогда вѣрили въ то, что можно приворожить къ себѣ человѣка); а у сына ея стали собираться недовольные великимъ княземъ и сговариваться погубить Дмитрія. Узналъ все это великій князь, и разгнѣвался. Сына и жену посадилъ подъ стражу, заговорщиковъ казнилъ, а внука задумалъ вѣнчать на царство. 4-го февраля 1498 года увидала Москва небывалое дотолѣ торжество царскаго вѣнчанія. Въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ литургію совершалъ митрополитъ съ пятью епископами, вѣнчанъ былъ Дмитрій на царство: митрополитъ подалъ великому князю *бармы* (оплечіе) и вѣнецъ мономаховъ; Иванъ Васильевичъ самъ надѣлъ ихъ на внука и при этомъ сказалъ ему: «Внукъ Дмитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя великимъ княжествомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость и пекись о всемъ христіанствѣ.»

Не долго Елена съ сыномъ пользовалась милостію великаго князя: въ слѣдующемъ году казнены были нѣкоторые самые знатные бояре, въ числѣ ихъ сынъ того Ряполовскаго, который нѣкогда спасъ великаго князя. Всѣ видѣли казнь и не знали за что казнены бояре. Говорятъ, будто великій князь узналъ, что они оговорили передъ нимъ жену и сына. Вслѣдъ за тѣмъ Софья Ѳоминишна и Василій Ивановичъ были освобождены; сына великій князь назвалъ госу-

царемъ новгородскимъ и псковскимъ. Испугались псковичи, что опять наступятъ времена кровавыхъ браней и прислали въ Москву пословъ бить челомъ великому князю: «Который будетъ великій князь на Москвѣ, тотъ бы былъ и у насъ государемъ.» Разгнѣвался великій князь и сказалъ посламъ: «Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княжество», и велѣлъ посадить псковичей въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ быть ласковымъ ко внуку и въ 1502 году посадилъ и его и мать въ тюрьму, а сына объявилъ великимъ княземъ.

Говорятъ, что гнѣву великаго князя на невѣстку помогло еще дѣло о новгородскихъ еретикахъ, которыхъ звали *жидовствующими*.

Въ то время, какъ Новгородъ собирался отложиться отъ Руси и призвалъ къ себѣ литовскаго князя Михаила Олельковича, съ нимъ пріѣхалъ въ Новгородъ жидъ *Схарія*. Этотъ Схарія поселился въ Новгородѣ и занялся торговлею. Такъ какъ въ то время вѣсами на базарахъ распоряжалось духовенство, то онъ познакомился съ нѣсколькими священниками и діаконами. Онъ былъ очень уменъ, а новые знакомые его были въ вѣрѣ нетверды, и сталъ онъ сбивать ихъ съ толку: говорилъ имъ, что Христосъ былъ человѣкъ, что Троицы Святой нѣтъ и всякія такія ереси. Чтобы больше привлечь къ себѣ народа, еретики съ виду казались благочестивыми и только тѣхъ учили по-своему, въ комъ видѣли склонность. Когда въ 1480 году Иванъ Васильевичъ посѣтилъ Новгородъ, двое еретиковъ, *Діонисій* и *Але-*

ксѣй такъ понравились великому князю, что онъ взялъ ихъ съ собою въ Москву и сдѣлалъ Діонисія священникомъ въ Архангельскомъ соборѣ, а Алексѣя въ Успенскомъ. Въ Москвѣ они нашли новыхъ учениковъ и сама Елена очень полюбила ересь; присталъ также къ ереси симоновскій архимандритъ Зосимъ. Въ Новгородѣ тѣмъ временемъ архіепископомъ сдѣлался *Геннадій.* Нѣкоторые еретики съ-пьяна проболтали о своемъ ученіи. Геннадій написалъ къ митрополиту, а митрополитъ не счелъ этого важнымъ. Умеръ митрополитъ Геронтій, Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ митрополитомъ *Зосиму*, не зная, что и онъ еретикъ, не зналъ этого и Геннадій и написалъ къ нему письмо. Зосима какъ ни хотѣлъ защитить своихъ, но дѣло пошло въ огласку, собрали соборъ, который и проклялъ еретиковъ. Но тайные еретики все-таки оставались и привлекали къ себѣ новыхъ учениковъ. Геннадій не зналъ что̀ дѣлать, сталъ искать помощника и нашелъ преподобнаго *Іосифа Волоцкаго.*

Іосифъ былъ изъ богатаго семейства, но рано возлюбилъ жизнь монастырскую, потому что его на восьмомъ году отдали учиться грамотѣ въ *Крестовоздвиженскій* монастырь, въ Волоколамскѣ. Въ годъ онъ выучился хорошо читать и писать, и прилѣпился къ чтенію. До 20-ти лѣтъ онъ провелъ въ монастырѣ бѣльцомъ и потомъ пошелъ искать монастыря постричься и обратился къ св. *Пафнутію Боровскому*, строгому подвижнику. Здѣсь онъ постригся. Строгому старцу понравился молодой человѣкъ по его ревности къ дѣламъ благочестія. Умирая, Паф-

нутій назначилъ его по себѣ игумномъ. Одно только не нравилось Іосифу въ монастырѣ Боровскомъ: старцы работали вмѣстѣ, но что получали за работу, то каждый берегъ у себя. Задумалъ Іосифъ завести въ монастырѣ общежитіе. Старцамъ это не понравилось. Нашлись только немногіе, которые согласились съ игумномъ. Тогда Іосифъ тайно ушелъ изъ обители и пошелъ по разнымъ монастырямъ, не выдавая своего имени и высматривая какія гдѣ правила общежитія. Тѣ, кто не любилъ его, хотѣли было назвать новаго игумна; но великій князь запретилъ это. Когда Іосифъ воротился, то опять созвалъ монаховъ и опять говорилъ о томъ, что надо ввести общежитіе. Сильно заспорили съ нимъ иноки и онъ, взявши тѣхъ, на которыхъ надѣялся, ушелъ съ ними въ Волоколамскъ, гдѣ и основалъ новый монастырь; въ этомъ монастырѣ завелъ строгое общежитіе. Самъ подавалъ примѣръ во всѣхъ трудахъ, а деньги, которыя были въ монастырѣ, шли на бѣдныхъ.

Строгій старецъ съ любовью поспѣшилъ на призывъ Геннадія. Много онъ говорилъ великому князю объ еретикахъ и Зосима былъ сведенъ съ митрополичьяго престола: но еретики не успокоились; за нихъ сильно стояла Елена. Когда Дмитрій былъ назначенъ наслѣдникомъ, еретики опять подняли голову. Тутъ-то—говорятъ—удалось Іосифу помочь Софьѣ и Василію Ивановичу; но хотя Елену съ сыномъ заточили, и многихъ бояръ казнили, все-таки еретики были такъ сильны, что имъ удалось оклеветать Геннадія и лишить его сана. Только при Васильѣ Ивановичѣ собранъ былъ новый соборъ, на ко-

торомъ еретиковъ опять прокляли и нѣкоторыхъ казнили. Тогда думали, что это лучшее средство противъ ереси; забывали только, что никогда оно не удавалось: еретики скрываются, а не обращаются; только проповѣдью можно заставить человѣка отказаться отъ ереси.

Пока въ Москвѣ творились всѣ эти дѣла, война съ Литвою опять возобновилась. Иванъ Васильевичъ жаловался, что у дочери его небыло церкви, какъ ей обѣщали, и что православнымъ дурно жить въ Литвѣ. И точно, когда татары убили кіевскаго митрополита *Макарія*, Александръ сдѣлалъ митрополитомъ смоленскаго епископа *Іосифа*, который не горячо стоялъ за православіе и, говорятъ, самъ сносился съ папою: «Что дѣлается въ Литвѣ?—писалъ великій князь Иванъ Васильевичъ къ зятю—строятъ латинскія божницы въ русскихъ городахъ; отнимаютъ женъ у мужей, дѣтей у родителей и силою крестятъ въ законъ римскій. Это ли называется не гнать вѣры?» Оттого многіе князья русскіе, которые еще держались за литовскаго великаго князя, переходили къ московскому; перешли даже внуки Шемяки и его вѣрнаго помощника, князя *Ивана Андреевича Можайскаго*. Тогда Иванъ Васильевичъ объявилъ зятю войну и послалъ въ Литву двѣ рати: ко Мценску (Орловской губерніи) и Серпейску (Калужской) съ царемъ казанскимъ Магметъ-Аминемъ; а другую съ бояриномъ *Захарьинымъ* (праотцемъ царя Михаила Ѳедоровича Романова) и княземъ *Даніиломъ Щенею*—къ *Дорогобужу* (Смоленской губерніи). Города одинъ за другимъ сдавались русскимъ воево-

дамъ. Когда князь *Щеня* пришелъ къ Дорогобужу, онъ сталъ на рѣкѣ Ведрошѣ, на широкомъ полѣ. Противъ него большое литовское войско велъ князь *Константинъ Острожскій*. Лишь только пришли литовскія войска, часть войскъ московскихъ отступила за рѣку, чтобы заманить. Началась битва; долго одно войско не уступало другому; вдругъ вышелъ изъ засады московскій отрядъ, стоявшій за лѣсомъ, и кинулся на непріятеля. Литовцы побѣжали; болѣе восьми тысячъ легло на мѣстѣ. Самъ Острожскій съ знатнѣйшими воеводами взятъ въ плѣнъ и свезенъ въ Москву. Радостно отпраздновалъ великій князь такую побѣду и послалъ спросить воеводъ о здоровьѣ (въ старину это было большою наградою).

Тяжко было Александру вести войну съ Иваномъ Васильевичемъ даже и тогда, когда по смерти брата (1501 г.) сдѣлался онъ королемъ польскимъ, и тяжело было потому, что большая часть изъ православныхъ, покоренныхъ Литвою, радѣли московскому православному государю, такъ-какъ епископъ виленскій *Таборъ* выпросилъ себѣ у папы право смертью казнить еретиковъ (такъ они называютъ православныхъ). Сталъ тогда Александръ искать себѣ союзниковъ на сторонѣ: первымъ былъ братъ его *Владиславъ*, король чешскій и венгерскій (обѣ эти земли теперь за австрійскимъ императоромъ), но онъ помогалъ только тѣмъ, что присылалъ пословъ къ Ивану и старался помирить его съ братомъ. Искалъ Александръ помощи у дѣтей Ахмата, бывшаго царя сарайскаго, да Менгли-Гирей разорилъ и послѣдніе остатки Сарая. Больше всего помогли Александру

нѣмцы ливонскіе. Давно, какъ мы видѣли, нѣмцы дрались со псковичами; такъ было и при Иванѣ Васильевичѣ. Попросили псковичи его защиты, онъ послалъ рать и сильно опустошила она Ливонскую Землю. Смирились нѣмцы и заключили миръ. Но этимъ они не унялись и сожгли въ Ревелѣ одного русскаго; а когда русскіе жаловались на это, отвѣчали: «Мы сожгли бы и вашего великаго князя, если бы онъ сдѣлалъ то же» и много другихъ обидъ чинили русскимъ. Разсердился Иванъ Васильевичъ и велѣлъ выгнать изъ Новгорода всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ. Это было въ 1495 году. Поняли нѣмцы, что мстить еще не время: тогда великій князь былъ въ союзѣ съ Литвою и до поры смирились. Когда же началась война съ Литвою, нѣмцы захватили псковскихъ купцовъ и пошли къ *Изборску* (Псковской губерніи). Здѣсь они разбили псковичей, но вдругъ заболѣлъ ихъ *магистръ* (такъ звали главнаго начальника рыцарей, которые были и воинами, и монахами; начальникъ у нихъ былъ выборный пожизненно). Болѣзнь начальника заставила ихъ возвратиться назадъ. Тогда Иванъ Васильевичъ послалъ въ Ливонію князя Даніила Щеню. Князь Данило разорилъ все вокругъ *Дерпта* и близъ *Гельмста* (черновскаго уѣзда, Лифляндской губерніи) и такъ разбилъ нѣмцевъ, что «не осталось и вѣстоноши»—говоритъ лѣтописецъ,— москвичи и татары не саблями свѣтлыми рубили поганыхъ, а били ихъ, какъ вепрей, шестопёрами» (шестопёръ стальная, желѣзная, а иногда золотая или серебряная палка съ такимъ же набалдашникомъ; на нее же опирались и держали ее въ рукахъ).

*

Еще разъ попробовалъ магистръ напасть на Россію, подошелъ къ самому Пскову, но долженъ былъ ни съ чѣмъ воротиться. Пока русскіе били нѣмцевъ, *Стефанъ*, воевода молдавскій, отецъ невѣстки Ивана Васильевича, Елены, разорялъ землю Галичскую, которая тогда была за Польшею и тѣмъ мѣшалъ Александру собрать всѣ войска на русской границѣ.

Война кончилась въ 1503 году и заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, по которому великій князь оставилъ за собою всѣхъ тѣхъ князей, которые ему покорились; а нѣмцы дерптскіе должны были платить дань, которую нѣкогда платилъ Дерптъ. Городъ этотъ былъ построенъ великимъ княземъ Ярославомъ и названъ Юрьевъ; но въ смутное время удѣловъ нѣмцы завладѣли этой изстари Русской Землей.

Сильный передъ Литвою, великій князь Иванъ Васильевичъ распоряжался Казанью по своей волѣ: въ 1496 году, когда казанцы жаловались на Магметъ-Аминя, онъ его вывелъ изъ Казани и на его мѣсто посадилъ брата его Абд-ул-Латифа. Не угодилъ ему Абд-ул-Латифъ и онъ опять призвалъ *Магметъ-Аминя*. Женѣ царя казанскаго было непріятно, что онъ подчинился государю русскому и стала она говорить своему мужу: «Перебей всѣхъ русскихъ, которые въ Казани; сдѣлаешь это,—много лѣтъ процарствуешь; не сдѣлай, — сведутъ тебя съ безчестіемъ въ заточеніе, какъ брата твоего Ильгема». Царь послушалъ ея совѣта: иныхъ купцовъ избилъ, другихъ ограбилъ и отослалъ къ ногайскимъ татарамъ, потомъ пошелъ къ Нижнему и два дня простоялъ подъ городомъ; а въ третій долженъ былъ вернуться назадъ,

потому что воевода Хабаръ Симскій созвалъ на стѣны всѣхъ горожанъ и даже литовскихъ плѣнниковъ и велѣлъ имъ стрѣлять изъ пушекъ и ружей по непріятелю. Великій князь не успѣлъ послать войска на самую Казань, потому что въ октябрѣ 1505 года онъ умеръ послѣ сорокатрехлѣтняго царствованія и оставилъ престолъ сыну своему Василью. Со временъ Ивана Васильевича Россія становится сильною и узнаютъ объ ней и ближнія, и дальнія земли и начинаютъ присылать пословъ и звать въ союзы. При немъ обстроивается городъ Москва. Съ его времени князья удѣльные перестаютъ быть независимыми государями, а скоро и совсѣмъ исчезнутъ. Для народа онъ издалъ *Судебникъ*, т. е. законы, по которымъ слѣдуетъ судить. Уменъ и остороженъ былъ великій князь Иванъ Васильевичъ: ни за какое дѣло не принимался онъ, необдумавъ и неосмотрѣвъ его; зналъ онъ, гдѣ искать себѣ союзниковъ и даромъ не терялъ ни людей, ни денегъ. Конечно тогда были времена суровыя, а потому онъ былъ строгъ въ своихъ дѣлахъ и рѣчахъ, и бояре начали его бояться.

Новому государю, великому князю Василію Ивановичу, прежде всего надо было наказать казанцевъ и послалъ онъ въ Казань свою рать: на судахъ — брата своего *Дмитрія*, а на коняхъ—князя *Александра Владиміровича Ростовскаго*. Первая пришла рать судовая; Дмитрій вышелъ на берегъ и пошелъ къ городу (Волга отъ Казани въ 7 верстахъ); татары вышли къ нему на встрѣчу; а другой татарскій отрядъ сталъ сзади между ними и рѣкою, чтобы они не могли возвратиться къ судамъ. Началась сѣча, татары побѣ-

дили; много нашихъ попалось въ плѣнъ; много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Князь Дмитрій однако не ушелъ отъ Казани, а только послалъ въ Москву сказать о неудачѣ. Великій князь нарядилъ на помощь ему князя *Холмскаго* и велѣлъ сказать, чтобы до прихода его не двигался князь Дмитрій. Тѣмъ временемъ подошелъ къ Казани князь *Ростовскій*. Тогда не сталъ дожидаться князь Дмитрій прихода Холмскаго и опять приступилъ къ городу. Вышли противъ него татары, разбили станъ, и, какъ будто испугавшись русскихъ, побѣжали, а палатки оставили. Пока русскіе грабили палатки, татары кинулись на нихъ и разбили ихъ такъ, что Дмитрій ушелъ къ судамъ, побросавши стѣнобитныя орудія (какія привезъ съ собою). Часть войска пошла берегомъ къ Мурому; погнались за ними татары и были разбиты.

Великій князь собирался отмстить казанцамъ, только Мегметъ-Аминъ прислалъ просить о мирѣ, зная, что невсегда удастся бить русскихъ. Согласился великій князь только съ тѣмъ, чтобы Мегметъ-Аминъ выпустилъ прежде захваченныхъ русскихъ: и когда это сдѣлалъ, миръ былъ заключенъ.

Тѣмъ временемъ (1506 г.) умеръ король Александръ и великій князь послалъ къ сестрѣ своей Еленѣ просить ее похлопотать, чтобы его выбрали въ великіе князья литовскіе. Много бы горя миновала Русская Земля, если бы сдѣлалось такъ, какъ хотѣлось Василію Ивановичу; ранѣе бы соединились подъ одну руку всѣ русскія земли; не успѣли бы поляки надѣлать столько зла нашимъ братьямъ; да что́ дѣлать? поздно хватился великій князь: въ

Литвѣ и въ Польшѣ выбранъ ужъ былъ *Сигизмундъ*, братъ Александра. Еще Александръ хотѣлъ начать войну съ великимъ княземъ русскимъ, чтобы опять отнять все, взятое нашими: онъ надѣялся, что по смерти Ивана Васильевича начнутся въ Москвѣ смуты и многіе пожелаютъ Дмитрія; но смутъ не было. Сигизмундъ также приготовлялся къ войнѣ. Василій зналъ все это и готовился съ своей стороны. Вдругъ нашелся ему союзникъ въ самой Литвѣ: Александръ очень любилъ одного изъ своихъ бояръ, князя *Михаила Львовича Глинскаго*. Этотъ Глинскій, потомокъ татарина, былъ православный и совсѣмъ русскій (въ его владѣніи былъ городъ *Глинскъ*, Полтавской губерніи). Какъ за это, такъ и за гордость многіе не любили его и старались наговорить на него Александру; но Александръ не вѣрилъ наговорамъ. Когда же великимъ княземъ сдѣлали Сигизмунда, онъ повѣрилъ наговорамъ на Глинскаго, повѣрилъ тому, что тотъ хотѣлъ отдѣлить русскія земли и потому отнялъ у его брата воеводство кіевское. Разсердился на это Глинскій и сказавъ королю: «ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ послѣ оба будемъ жалѣть», — уѣхалъ въ свои помѣстья и началъ переписку съ государемъ русскимъ. Послѣ того началъ воевать съ своимъ бывшимъ государемъ; а Василій Ивановичъ прислалъ своихъ воеводъ съ другой стороны. Догадался Сигизмундъ, что дѣло можетъ быть плохо: недовольныхъ было много въ Литвѣ и кромѣ Глинскаго, а помощи ему ждать не отъ кого: правда, что татары крымскіе, послѣ смерти Ивана Васильевича, не были

уже какъ прежде въ услугахъ русскому государю; да толку отъ нихъ было мало: они брали деньги и съ Литвы, и съ Россіи, и поочередно грабили то ту, то другую. А тѣмъ временемъ Глинскій ушелъ въ Москву и могъ съ войскомъ опять придти въ Литву. Подумалъ обо всемъ этомъ Сигизмундъ и спѣшилъ мириться: онъ отдалъ Василію Ивановичу все, что взято Иваномъ Васильевичемъ и обѣщалъ не требовать выдачи Глинскаго (1509 г.). Въ тоже время нѣмцы ливонскіе опять подтвердили миръ, который заключили съ Иваномъ Васильевичемъ и великій князь позволилъ имъ торговать въ Новгородѣ всѣмъ, кромѣ соли.

Заключивши миръ съ королемъ, поѣхалъ великій князь въ сентябрѣ 1509 г. въ Новгородъ. Сюда прислали къ нему псковичи своихъ посадниковъ (у Псковичей сохранилось еще и вѣче, и посадники), сказать: «Обижены мы отъ твоего намѣстника, князя Ивана Михайловича Репни». — «Хочу васъ защищать, какъ защищалъ васъ отецъ и дѣдъ мой» (отвѣчалъ великій князь) и если на намѣстника будутъ еще жалобы, я его обвиню». Псковичи воротились домой, а намѣстникъ какъ только узналъ объ этомъ, самъ поѣхалъ съ жалобой къ великому князю. Посадники тѣмъ временемъ разослали по всей землѣ Псковской грамоты, писали въ нихъ: «У кого есть жалоба на князя Репню, пустѣ ѣдетъ къ великому князю въ Новгородъ.» Стали собираться жалобщики и велѣлъ имъ сказать великій князь: «Пусть ждутъ до Крещенія, тогда дамъ имъ управу, а теперь управы не дамъ». Настало Крещеніе; отправили обрядъ водо-

святія, пришли бояре къ псковичамъ и сказали имъ: «Посадники псковскіе, и бояре, и жалобщики! велѣлъ вамъ государь собираться на государевъ дворъ, а кто не пойдетъ, ждать ему казни; хочетъ государь дать управу». Когда всѣ собрались, бояре посадили посадниковъ подъ стражу въ палатѣ, а остальныхъ жалобщиковъ роздали на поруки новгородцамъ. Стало быть Репня успѣлъ уже наговорить великому князю, да и самъ великій князь задумалъ отмѣнить во Псковѣ вѣче, которое въ Новгородѣ надѣлало столько крамолъ. Ѣхалъ въ то время къ Новгороду псковскій купецъ съ товарами; услыхалъ, что сдѣлалось, бросилъ товаръ и поскакалъ назадъ во Псковъ и повѣстилъ обо всемъ псковичей. Собрали псковичи вѣче и стали совѣтоваться, что имъ дѣлать: не запереться-ли въ городѣ или покориться и послать просить государя помиловать свою отчину и сказать ему: «Мы и теперь не отступаемся отъ тебя и не противимся тебѣ; воленъ въ насъ Богъ, да ты.» Прислалъ къ нимъ великій князь діяка своего Далматова (такъ звали въ старину секретарей; они сидѣли въ *приказахъ* (старинные суды и палаты) и у воеводъ; они были люди грамотные и — можетъ быть — въ началѣ набирались изъ духовныхъ). Пришелъ дьякъ на вѣче и сказалъ отъ великаго князя: «Отчина моя псковичи! Хотите жить по старинѣ, сотворите двѣ мои воли: пусть не будетъ вѣча и колоколъ снимите; пусть будутъ у васъ два моихъ намѣстника. Сдѣлаете это, заживете по старому; не сдѣлаете, готово у меня много силы и падетъ кровопролитіе на тѣхъ, кто пошелъ противъ моей воли». Зарыдали псковичи-

чи. Не плакали только грудные ребята. «Посолъ государевъ! — сказалъ народъ Далматову — подумаемъ мы до завтра, а тамъ сдѣлаемъ, что Богъ на душу положитъ.» На другой день на разсвѣтѣ, сошлось вѣче и сказали псковичи Далматову: «Цѣловали мы крестъ князьямъ нашимъ, не отходить ни къ Литвѣ, ни къ нѣмцамъ, а не исполнимъ той клятвы, будетъ на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, пожаръ и нашествіе вражіе; тотъ же обѣтъ и на князьяхъ нашихъ: а теперь Богъ да государь вольны въ своей отчинѣ, не хотимъ нарушать обѣта». Сняли колоколъ, повезли его въ Новгородъ и со слезами провожали его псковичи. Съ тѣхъ поръ стали жить во Псковѣ, какъ и въ остальныхъ городахъ русскихъ. «Все то зло было на насъ —говоритъ лѣтописецъ-псковичъ — за злые поклёпы и лихія дѣла, за крики на вѣчѣ, когда голова не знала, чтò языкъ говоритъ; когда тѣ, кто домомъ своимъ управлять не умѣетъ, задумали править городомъ, за самоволіе и непокореніе другъ другу.»

Почти черезъ два года послѣ того опять началась война съ королемъ польскимъ; миръ былъ не проченъ; это знали и въ Москвѣ, и въ Вильнѣ, и готовились къ войнѣ. Король нанималъ крымскихъ татаръ, чтобы они пустошили окраины Русской Земли; а великій князь нашелъ себѣ союзника въ другой сторонѣ: въ нынѣшной Пруссіи были въ то время такіе же рыцари, какъ въ Ливоніи. Еще Казимиръ, отецъ Сигизмунда, воевалъ съ рыцарями и побѣдилъ ихъ, отнялъ у нихъ нѣкоторыя земли, а въ остальныхъ оставилъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы они ему покорились. Тогдашній гроссмейстеръ (главный началь-

никъ ордена) не хотѣлъ оставаться подъ рукою короля польскаго. Съ нимъ-то и соединился нашъ великій князь: рыцари были нужны для того, чтобы помѣшать Сигизмунду собрать всѣ силы въ нашей сторонѣ, а кромѣ того за нихъ были всѣ нѣмецкіе государи и рыцари ливонскіе, которые считались въ зависимости отъ прусскихъ, тоже не могли воевать съ нами; стало-быть съ этой стороны мы могли быть совсѣмъ покойны. Тѣмъ временемъ принеслась еще въ Москву вѣсть, что Сигизмундъ тѣснитъ Елену Ивановну, которая и умерла скоро послѣ того, какъ война началась. Въ Москвѣ и вѣрить не хотѣли, что она не отравлена.

Сильно готовился къ войнѣ великій князь и, черезъ Глинскаго, нанялъ ратныхъ людей изъ нѣмцевъ. Когда все было готово, онъ самъ пошелъ къ *Смоленску*, самому близкому изъ важныхъ городовъ, тогда принадлежавшихъ Литвѣ. Два раза ходилъ великій князь къ Смоленску и все неудачно; наконецъ двинулся въ третій разъ (8-го іюля 1514 г.). Съ нимъ были двое его братьевъ: *Юрій* и *Семенъ*; третій *Дмитрій* посланъ былъ на Оку смотрѣть, чтобы не напали крымцы; четвертый *Андрей* остался въ Москвѣ. Великій князь, какъ только пришелъ къ Смоленску, обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ и пищалей (ружей), пускать огненныя ядра и приступы дѣлать безъ отдыха; отъ дыму ничего нельзя было видѣть; отъ шума выстрѣловъ и криковъ людскихъ поднялся такой гулъ, что казалось земля трясется и городъ падаетъ. Случилось главному пуш-

карю Степану такъ удачно выстрѣлить, что ядро, пущенное имъ изъ орудія, ударило въ городскую заряженную пушку; пушку эту тотчасъ разорвало и много людей убило. Задумались горожане: биться нечѣмъ; а отдаться—король придетъ, что будетъ? Тѣмъ временемъ великій князь велѣлъ еще разъ стрѣлять по городу. Владыка смоленскій самъ вышелъ на мостъ и со слезами просилъ срока до завтра; не далъ ему срока великій князь и велѣлъ опять палить. Воротился владыка въ городъ; собралъ весь причетъ церковный и всѣхъ горожанъ и вышли изъ города съ крестами и иконами. Встрѣтилъ ихъ великій князь, ударили они челомъ и сказали: «Государь! много крови христіанской лилось, и земля, твоя отчина, пуста; не погуби города, и возьми его». На другой день послалъ великій князь людей своихъ въ Смоленскъ привести горожанъ къ присягѣ; это было 1-го августа. Великій князь былъ на водосвятіи, потомъ вошелъ въ городъ со крестами и иконами; послѣ молебна въ соборѣ протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе великому князю; а когда онъ подходилъ ко кресту, епископъ сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, царь Василій, великій князь, самодержецъ всея Русіи въ отчинѣ и дѣдинѣ твоей, Смоленскѣ, на многія лѣта.» Воеводѣ королевскому, *Юрію Сологубу* сказалъ великій князь: «Хочешь мнѣ служить, я тебя пожалую, а не хочешь мнѣ служить, иди куда хочешь.» Сологубъ отпросился къ королю. Служилыхъ людей тоже спросилъ великій князь: хотятъ-ли они ему служить? Которые захотѣли, тѣхъ наградилъ и послалъ въ Москву, а

которые не захотѣли, тѣмъ далъ по рублю и отпустилъ къ королю. У кого были помѣстья, тѣ помѣстья не трогалъ. Въ старину у дворянъ кромѣ отчинъ, которыя шли по наслѣдству, были еще помѣстья, которыя давали вмѣсто жалованья. Тогда деньги были дороги и потому жалованье давали землею, а деньги въ придачу; точно также и подати платили часто натурою: хлѣбомъ, припасами, мѣхами или подводы ставили, работы отбывали и т. д. Воеводою въ Смоленскѣ царь поставилъ князя *Василія Васильевича Шуйскаго*.

Отъ Смоленска пошелъ великій князь къ Дорогобужу; а воеводъ своихъ послалъ по разнымъ городамъ. Князь Михаилъ Глинскій былъ посланъ къ *Оршѣ* (Могилевской губерніи). Глинскій былъ недоволенъ великимъ княземъ: говорятъ, будто онъ думалъ, что Смоленскъ слѣдуетъ ему; а тѣмъ временемъ король венгерскій Владиславъ, братъ короля Сигизмунда, обѣщалъ ему, что Сигизмундъ приметъ его милостиво. Соблазнился этимъ Глинскій и задумалъ опять уѣхать въ Литву. Узнали объ этомъ русскіе воеводы, перехватили Глинскаго на дорогѣ и скованнымъ отвезли къ великому князю, который и послалъ его въ Москву, гдѣ его посадили въ тюрьму. Пока наши воеводы шли къ Оршѣ, съ другой стороны къ тому же городу шелъ воевода литовскій князь *Константинъ Острожскій*, успѣвшій еще прежде уйдти изъ плѣна. Князь Острожскій былъ православный, но такъ богатъ и силенъ, что его не трогали за вѣру; ему удавалось иногда отстаивать своихъ единовѣрцевъ; оттого онъ оставался вѣр-

нымъ Сигизмунду, который очень его цѣнилъ. Поживши въ Москвѣ, онъ зналъ, что у короля больше льготы боярамъ, чѣмъ въ Москвѣ; говорили же въ старину: «Польша рай для пановъ, и адъ для крестьянъ!»

8-го сентября 1514 года, постлавъ мостъ черезъ Днѣпръ, близъ Орши, Острожскій переправилъ свою пѣхоту; конница же переправилась въ бродъ черезъ Днѣпръ подъ самою Оршею. Воеводѣ великаго князя Челяднину сказали, что половина войска переправилась: «подождемъ—отвѣтилъ онъ—когда переправится все войско: у насъ такъ много силы, что конечно мы можемъ разбить это войско или окружить его и гнать до Москвы, какъ быковъ!» Войска московскія начали первые биться и долго было нерѣшено, кто побѣдитъ: то войско Василія Ивановича прогоняло войско литовское, то опять литовцы тѣснили нашихъ. Тогда нарочно отступили: московская рать погналась за ними; подведши нашихъ къ своимъ пушкамъ, литовцы дали сильный залпъ. Дрогнуло русское войско и только ночь остановила сѣчу. Недалеко отъ Орши есть судоходная рѣка Крапивка; въ ней потонуло столько бѣжавшихъ, что на время теченіе ея остановилось; всѣ главные воеводы были полонены.

Услыхали объ этомъ бою въ Смоленскѣ и горожане смутились; боялись, чтобы не досталось имъ отъ Литвы; смутился даже владыка и сталъ переписываться съ королемъ: «Если пойдешь теперь къ Смоленску или пошлешь воеводъ своихъ, то легко возьмешь городъ». Узналъ объ измѣнѣ князь Шуйскій и посадилъ измѣнниковъ въ тюрьму, а владыку по-

слалъ въ Москву. Когда же Острожскій подошелъ къ городу, Шуйскій велѣлъ повѣсить измѣнниковъ по стѣнамъ, и на каждаго надѣли то, что подарилъ ему великій князь, когда былъ въ Смоленскѣ. Кто былъ за одно съ измѣнниками, тѣ перепугались, и городъ можно было отстоять.

Послѣ того долго тянулась война; но важнаго ничего не было: то русскіе войдутъ въ Литву и опустошатъ ее почти до самой Вильны, то крымцы, подкупленные великимъ княземъ, нападутъ на Литву и нѣмцы оттянутъ силы сигизмундовы въ другую сторону. Пробовалъ-было императоръ нѣмецкій помирить великаго князя съ королемъ, да не удалось ему: король хотѣлъ Смоленска, а великій князь требовалъ Кіева, какъ стараго русскаго города,—такъ и разошлись. Тѣмъ временемъ Сигизмундъ совладѣлъ съ рыцарями; а у великаго князя явился новый врагъ: Казань соединилась на него съ Крымомъ.

Въ Казани умеръ *Мегметъ-Аминъ* и великій князь назначилъ туда царемъ *Шахъ-Али*, родственника бывшаго царя сарайскаго *Ахмата* и родоваго врага крымскаго царя *Магметъ-Гирея*, который задумалъ собрать въ свои руки всѣ царства татарскія и быть новымъ *Батыемъ*. *Шахъ-Али* не взлюбили въ Казани; Магметъ-Гирей провѣдалъ о томъ и сталъ сноситься съ казанскими мурзами. Въ 1521 г. братъ царя крымскаго Сагипъ-Гирей прошелъ степью и явился съ войскомъ въ Казани; казанцы отворили ему ворота; а Шахъ-Али отпустили въ Москву. Завладѣвъ однимъ царствомъ татарскимъ, Магметъ-Гирей сталъ хлопотать, чтобы привести другое въ

свою волю и послалъ звать астраханскаго царя на помощь, чтобы вмѣстѣ идти къ Москвѣ. Астраханскій царь не хотѣлъ идти съ нимъ вмѣстѣ, опасаясь, чтобы онъ совсѣмъ не подчинилъ его себѣ. Когда получено было извѣстіе обо всемъ этомъ въ Москвѣ, оба брата, и казанскій и крымскій, шли уже съ разныхъ сторонъ къ Москвѣ. Едва успѣли послать изъ Москвы войско навстрѣчу царю Магметъ-Гирею къ Окѣ, гдѣ обыкновенно переправлялись крымцы, когда шли на Москву. Воеводы русскіе князь *Дмитрій Бѣльскій* и князь *Андрей*, братъ великаго князя, стали не тамъ, гдѣ слѣдовало; пропустили хана черезъ Оку и только тогда начали бой, но были разбиты. У Коломны оба царя соединились и вмѣстѣ пошли къ Москвѣ; сильно опустошили они весь путь отъ Коломны до Москвы: убивали и полонили людей, жгли села, сожгли монастырь Угрѣшскій и подступили къ городу. Великаго князя въ то время въ Москвѣ не было, а оставался крещеный татарскій царевичъ Петръ, да бояре. Въ Москвѣ тогда была только одна стѣна кремлевская: потому въ Кремль собрались всѣ жители Москвы и сосѣднихъ селъ, сожженныхъ татарами, и привезли съ собою все свое имѣніе. Въ тѣсной крѣпости стало еще тѣснѣе отъ множества набравшихся туда людей. Оттого стали бояться, чтобы въ городѣ не сдѣлалось заразы; впрочемъ еще можно бы отбиться: въ городѣ были и хорошія пушки и хорошій пушкарь нѣмецъ *Никласъ*, но пороху было мало. Что̀ было тогда дѣлать? знали бояре, что татары любятъ деньги и подарки, и спѣшили откупиться отъ хана. Говорятъ, будто они дали

ему грамату, въ которой обѣщали дарить его ежегодно. Не тронулъ Магметъ-Гирей Москвы и пошелъ назадъ мимо Рязани. Передъ городомъ татары разбили лагерь и стали звать къ себѣ рязанцевъ покупать у нихъ товары, награбленные по дорогѣ. Этою хитростью хотѣли они обмануть рязанцевъ и взять городъ. Тогда въ Рязани князя уже не было: незадолго до этого происшествія великому князю сказали, что князь Иванъ рязанскій переписывается съ Магметъ-Гиреемъ; великій князь позвалъ его къ себѣ и удержалъ его. Хоть и удалось князю Ивану бѣжать въ Литву, но въ Рязань онъ уже больше не возвращался; а здѣсь посаженъ былъ намѣстникомъ *Хабаръ-Симскій*. Ханъ, чтобы обмануть Хабара, послалъ ему посмотрѣть московскую грамату; Хабаръ задержалъ ее у себя, а по татарамъ велѣлъ стрѣлять пушкарю своему, Іордану. Тотъ выстрѣлилъ такъ искусно, что разомъ положилъ много татаръ. Тѣмъ временемъ Магметъ-Гирей узналъ, что на его царство напалъ царь астраханскій и поторопился вернуться домой. Боясь новаго нашествія ханскаго, Василій Ивановичъ заключилъ съ королемъ польскимъ перемиріе на пять лѣтъ, по которому Смоленскъ остался за нами; потомъ это перемиріе еще продолжили.

Ушедши отъ Рязани, пошелъ Магметъ-Гирей на Астрахань и завоевалъ это царство, такъ удалось ему наконецъ собрать подъ свою руку всѣ тогдашнія татарскія царства; но недолго онъ владѣлъ Астраханью: его убили тамошніе татары и пошли изъ Астрахани воевать Крымъ. Безъ Магметъ-Гирея можно было справиться съ Сагипомъ, который въ то

время избивалъ христіанъ и даже убилъ русскаго посланника. Василій Ивановичъ самъ пошелъ; дошелъ до Суры; построилъ здѣсь городъ *Васильсурскъ* на самой границѣ татарской; а къ Казани послалъ воеводъ съ царемъ Шахъ-Али, который и опустошилъ Казанскую область. На слѣдующій годъ (1525) послалъ опять великій князь новую рать (говорятъ до 150,000 человѣкъ) на Казань, съ княземъ Иваномъ Бѣльскимъ. Сагипъ-Гирей ушелъ изъ Казани, оставя здѣсь царемъ малолѣтняго племянника своего Сафи-Гирея. Воеводы наши подошли къ Казани; но двадцать дней ничего не дѣлали, даже не напали на городъ; когда загорѣлась деревянная стѣна, позволили гасить и строить новую стѣну. Думали, что воеводы взяли деньги съ казанцевъ и оттого ничего не дѣлали; на дѣлѣ же было иначе: Бѣльскій ожидалъ подхода конницы; которую велъ Хабаръ Симскій и судовой рати, плывшей съ *Палецкимъ*, которая должна была подвезти съѣстные припасы. Ни тотъ, ни другой не шли: въ войскѣ начался голодъ; вдругъ разнесся слухъ, что конница побита. Думали уже бросать суда и воротиться черезъ Вятку. Тутъ только узнали, что слухъ вздорный и что Хабаръ разбилъ черемисовъ и спѣшитъ къ Казани; но запасовъ не подошло: между волжскими островами черемисы запрудили рѣку каменьями и деревомъ; суда русскія разбивались одно объ другое, а черемисы съ берега обсыпали ихъ стрѣлами и бревнами. Палецкій пришелъ къ Казани съ немногими судами и воеводы должны были согласиться на миръ, по которому Сафи-Гирей оставался царемъ въ Казани. Разсердил-

ся на нихъ Василій Ивановичъ и едва митрополитъ уговорилъ его помиловать Бѣльскаго. Въ то же время, чтобы не дать казанцамъ грабить и убивать русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Казань на ярмарку, Василій Ивановичъ запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань, а учредилъ новый торгъ на Волгѣ, ниже Нижняго-Новгорода, гдѣ былъ тогда монастырь *Макарія Унженскаго*, называемый Желтоводскимъ (этотъ монастырь былъ возобновленъ послѣ). Такъ началась знаменитая макарьевская ярмарка, потомъ перенесенная въ Нижній.

Въ томъ же году Василій Ивановичъ развелся съ своею великою княгинею *Соломіею*, изъ рода Сабуровыхъ, съ которою онъ жилъ двадцать лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было; а тотъ братъ его, которому должно было перейдти наслѣдство, Юрій, былъ человѣкъ слабый. Не хотѣлось Василію Ивановичу, чтобы государемъ былъ человѣкъ, который не поддержалъ бы государства такимъ сильнымъ, какимъ сдѣлалъ его онъ и отецъ его Иванъ Васильевичъ. Разсказываютъ, что разъ поѣхалъ онъ въ объѣздъ по разнымъ городамъ. По пути въѣхали они въ лѣсъ; увидалъ великій князь гнѣздо птичье на деревѣ, и сказалъ: «Горе мое! птицы небесныя и звѣри лѣсные плодовиты, а я неплоденъ». Сказавши, заплакалъ. Когда пріѣхалъ въ Москву и сталъ говорить боярамъ: «Кому послѣ меня царствовать въ Русской Землѣ: братьямъ моимъ?— такъ они и своими княжествами править не умѣютъ», и опять плакалъ, говоривши это. «Государь—отвѣчали бояре—неплодную-то смоковницу срубаютъ и выкидываютъ вонъ изъ вертограда». То же сталъ го-

ворить и митрополитъ. Послушался ихъ великій князь и развелся съ своею супругою, которую тогда же постригли въ монахини.

На слѣдующій годъ великій князь выбралъ себѣ новую супругу, княжну *Елену Васильевну Глинскую*, племянницу князя Михаила, который все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ. Такъ обѣ супруги Василія Ивановича были не царскаго рода. Онъ первый выбралъ себѣ невѣсту изъ боярышень и съ тѣхъ поръ долго цари наши держались этого обычая. Обыкновенно дѣлали такъ: когда царю придетъ время жениться, собираютъ молодыхъ дѣвушекъ изо всѣхъ городовъ и, которая больше полюбится царю, та и становится царицею. Отъ Елены у Василія Ивановича было два сына: *Иванъ* и *Юрій* Когда родился первый сынъ, Иванъ, великій князь черезъ десять дней отвезъ его въ Троицкій монастырь и положилъ на раку св. Сергія, да благословитъ его угодникъ Божій; потомъ роздалъ богатую милостыню: выпустилъ многихъ изъ тюрьмы, особенно тѣхъ, которые прежде недоброжелательствовали его второму браку; для мощей угодниковъ Петра и Алексѣя заказалъ великій князь раки золотую и серебряную. Вся Москва радовалась рожденію наслѣдника и изъ дальныхъ мѣстъ приходили благословить его отшельники.

Между тѣмъ казанскій царь прислалъ своихъ пословъ увѣрить великаго князя въ томъ, что онъ останется смиренъ. Повѣрилъ ему Василій Ивановичъ и послалъ въ Казань своего посла; но въ Нижнемъ посолъ этотъ узналъ, что царь казанскій замышляетъ недоброе и вернулся назадъ. Василій Ивановичъ

послалъ тогда на Казань свою рать, съ которою пошелъ и князь Глинскій, выпущенный изъ тюрьмы по просьбѣ племянницы своей. Рать пошла подъ Казань и разбила царя Сафа-Гирея; тогда казанцы смирились и послы ихъ поѣхали въ Москву. Послы въ Москвѣ снова поклялись, что будутъ смирны; а изъ Казани извѣщали, что царь не отпускаетъ плѣнныхъ, да еще требуетъ, чтобы прежде возвратили казанцевъ, привезенныхъ въ Москву. Великій князь велѣлъ сказать посламъ казанскимъ: «Вы клялись, что царь и вся земля Казанская будутъ намъ во всемъ послушны, а теперь вотъ какое ихъ послушаніе». Заклялись послы, а потомъ сказали на прямикъ: «Видимъ сами, что царь непрямъ, клятву свою преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ: какому отъ него добру быть. А царя, какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ». И стали просить дать имъ опять Шахъ-Али. Велѣлъ спросить ихъ государь: «есть-ли у нихъ порученіе отъ Земли просить этого царя?»—отвѣчали они, что порученія нѣтъ. Тогда государь послалъ въ Казань разспросить тамошныхъ мурзъ, какъ они думаютъ. Когда въ Казани получили эту вѣсть, Сафа-Гирея выгнали и стали просить не Шахъ-Али—его они не любили, а младшаго его брата *Енали*. Послалъ имъ государь этого царя (1531 г.). Сафа-Гирей ушелъ въ Крымъ и подстрекалъ дядю своего, царя крымскаго, напасть на Россію. Тотъ послушался и дошелъ до Рязанской области, гдѣ и побили крымцевъ наши воеводы.

Въ концѣ 1534 года Василій Ивановичъ пошелъ съ великою княгинею и съ дѣтьми помолиться въ

Троицкую обитель: онъ былъ очень богомоленъ и часто ѣздилъ въ разные монастыри, особенно въ Троицкій. Съ богомолья поѣхалъ онъ на охоту и въ селѣ *Озерецкомъ*, (Московской губерніи) сдѣлалась у него болячка на стегнѣ. Василій Ивановичъ былъ еще не старъ (ему было только 52 года) и силенъ, и не думалъ о болѣзни, переѣзжая изъ мѣсто въ мѣсто; въ Волоколамскѣ былъ на пиру у Шигоны, своего дворецкаго тверскаго и волоцкаго. Дворецкій начальствовалъ всѣми дворцовыми дѣлами и дворцовыми крестьянами; у Шигоны были, стало быть, въ управленіи всѣ имѣнія бывшихъ тверскихъ и волоцкихъ князей. Плохо царю моглось; но все-таки на другой день онъ поѣхалъ на охоту. Проѣхавши верхомъ 50 верстъ, онъ уже не могъ дальше ѣхать, пріѣхалъ въ *Колпъ* и за столомъ уже не могъ сидѣть. Стали его лечить: лекаря были плохіе, и ему все становилось хуже и хуже. Въ Волоколамскъ его уже понесли на носилкахъ. Отсюда онъ послалъ въ Москву за духовными завѣщаніями отца и дѣда, чтобы по ихъ образцу написать и свое; только не велѣлъ ничего сказывать ни митрополиту, ни боярамъ. Когда граматы были привезены, онъ написалъ вмѣстѣ съ боярами, бывшими при немъ, свою духовную. Тѣмъ временемъ почувствовалъ онъ нѣкоторое облегченіе и задумалъ ѣхать въ Москву; его положили въ каптану (старинная карета), а на дорогѣ другіе должны были поворачивать его съ боку на бокъ. Такъ доѣхалъ онъ до Іосифова Волоколамскаго монастыря. Въ церковь его привели подъ руки; помолился онъ немного и вынесли его на паперть, гдѣ

приготовленъ былъ для него одръ. Изъ монастыря поѣхалъ онъ въ Москву; ѣхалъ медленно потому, что часто останавливался. Когда подъѣхали они къ городу, рѣка уже становилась, и потому прорубили ледъ и построили мостъ; но мостъ этотъ обвалился, когда готовилась вступить на него каптана. Потомъ мостъ опять переслали. Когда пріѣхалъ великій князь въ Москву, сталъ онъ готовиться постричься, и велѣлъ сдѣлать себѣ монашеское платье. Въ то время рѣдкій князь умиралъ, не постригшись въ монахи; думали, что отъ этого скорѣе душа попадетъ въ рай. Тогда же позвалъ онъ къ себѣ бояръ своихъ и братьевъ и сказалъ имъ: «Приказываю сына моего Ивана, Богу и Пречистой Богородицѣ и даю ему свое государство, которымъ благословилъ меня отецъ мой, великій князь Иванъ Васильевичъ. А вы, братья мои, стойте крѣпко на своемъ крестномъ цѣлованіи и старайтесь о земскомъ строеніи, ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ нашихъ, чтобъ высока была рука православныхъ христіанъ надъ бусурманами и латинами. А вы, бояре, служите сыну моему, какъ мнѣ служили. Мы вамъ государи прирожденные, а вы намъ извѣчные бояре. Вы же, братья, стойте крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на своей землѣ государемъ, и чтобъ была въ землѣ правда». Такъ прошло еще десять дней, и сказалъ государь своему лекарю нѣмцу: «Пришелъ ты ко мнѣ изъ земли твоей и видѣлъ пока великую милость къ себѣ; можешь ты сдѣлать, чтобы мнѣ было легче?»—«Государь!—отвѣчалъ лекарь,—помню я твою милость и хлѣбъ, и соль: да нельзя мнѣ оживить мертваго: я не Богъ».

Обратился тогда великій князь къ своимъ боярамъ и сказалъ имъ «Братья! увѣдалъ Николай (такъ звали лекаря), что я не вашъ».—Горько заплакали всѣ. Сталъ онъ потомъ говорить по одиночкѣ съ боярами своими, съ митрополитомъ—все объ сынѣ. Долго не хотѣлъ онъ, чтобы принесли къ нему сына: «Сынъ мой малъ, а я лежу въ великой немощи и можетъ сынъ мой испугаться меня». И стали просить его братья: «Пошли за сыномъ и благослови его». Принесли сына, и со слезами благословилъ его великій князь. Пришла и великая княгиня; двое держали ее подъ руки, и горько плакала она; едва могъ уговорить ее великій князь: «Жена—говорилъ онъ—не плачь; мнѣ, слава Богу, лучше».—«На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» спрашивала Елена.—«Сына твоего—отвѣчалъ великій князь—я благословилъ государствомъ; а о тебѣ наказалъ въ духовной, какъ водилось прежде у нашихъ прародителей». И сталъ онъ послѣ постригаться, постригъ его митрополитъ и назвалъ Варлаамомъ: а уже у него языкъ пересталъ служить, и скончался онъ въ ночь на 4-е декабря 1534 года. Великая княгиня еще не знала объ его преставленіи и стали унимать народъ, чтобы не слишкомъ плакали: не дали бы знать о несчастіи. Поутру митрополитъ и бояре пошли къ великой княгинѣ: увидала она ихъ приходъ; поняла зачѣмъ они пришли, упала на полъ и пролежала часа два, какъ мертвая. На погребеніи ее несли: идти она не могла.

Тогда началъ царствовать Иванъ Васильевичъ. Три года правила за него мать. Она была женщина

умная: при ней построена другая крѣпость въ Москвѣ—Китай-городъ (гдѣ гостинный дворъ, который и теперь зовутъ городомъ). Въ народѣ ходило много фальшивыхъ денегъ. Елена велѣла казнить дѣлателей фальшивой монеты: имъ заливали тогда горло оловомъ; братьевъ великаго князя, недовольныхъ ея правленіемъ, посадили въ тюрьму; посадила она также и своего дядю Михаила Глинскаго. Съ Литвою вела счастливую войну и кончила миромъ на пять лѣтъ, по которому сохранилось все то, что взято было Иваномъ Васильевичемъ и Васильемъ Ивановичемъ. Когда въ Казани убили царя Дженъ-Али, казанцы выбрали опять Сафа-Гирея; Елена освободила Шахъ-Али, котораго за крамолу заключилъ-было Василій Ивановичъ, и готовилась послать въ Казань, да не успѣла: она скончалась неожиданно 3-го апрѣля 1538 года, и въ тотъ же день похоронили ее въ Вознесенскомъ монастырѣ, построенномъ *Евдокіею*, супругою Димитрія Донскаго, гдѣ похоронили всѣхъ великихъ княгинь и гдѣ жили невѣсты государя до брака.

Едва умерла Елена, какъ правленіемъ завладѣли бояре. Тогда самыми сильными изъ бояръ были князья Шуйскіе и князья Бѣльскіе; Елена же особенно отличала молодаго князя *Оболенскаго*, изъ семьи *Телепневыхъ* (нѣкоторые многолюдные княжескіе роды дѣлились еще на семьи: такъ были *Шуйскіе-Скопины* и просто Шуйскіе; *Ростовскіе-Лобановы*, Бахтеяровы, Голубые и т. д.). Сестра Оболенскаго была мамкою великаго князя. Шуйскіе, между которыми старшимъ былъ Василій Васильевичъ, тотъ самый,

что, бывши смоленскимъ намѣстникомъ, удержалъ Смоленскъ, захватили Оболенскаго и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ, а сестру его сослали. Шуйскіе стали править и злобствовали противъ бояръ, имъ недружелюбныхъ: Бѣльскаго посадили въ тюрьму, кого сослали, кого казнили, даже самого митрополита свели съ престола и посадили новаго. Но митрополитъ Іосифъ догадался, что и съ нимъ можетъ быть то же, и потому умолилъ государя выпустить изъ тюрьмы Бѣльскаго. Разсердился на это *Иванъ Васильевичъ Шуйскій* (Василій Васильевичъ уже умеръ тогда) и пересталъ ѣздить въ совѣтъ государевъ. Править началъ Бѣльскій. Во время этихъ смутъ, о воспитаніи молодаго великаго князя никто не думалъ. Шуйскіе думали только о томъ, какъ бы ограбить казну: изъ посуды великаго князя они надѣлали посуды себѣ; придетъ князь Шуйскій къ великому князю сидѣть въ спальню и ночью обопрется объ его кровать. И началъ съ дѣтства Иванъ Васильевичъ нелюбить бояръ. Противъ недруговъ русскихъ ничего не дѣлали Шуйскіе: казанцы опустошали области, смежныя съ Казанью. «Хуже было, чѣмъ при Батыѣ — говоритъ современникъ — онъ одинъ разъ прошелся по Русской Землѣ, какъ молнія, пожигая города, и посѣкая мечемъ христіанъ; казанцы же не выходили изъ Русской Земли, входя вмѣстѣ съ царемъ своимъ и посѣкая людей какъ пшеницу; ни на часъ не давали они покоя христіанамъ, и ни одинъ воевода не могъ устоять противъ нихъ. Страхъ отъ варваровъ напалъ на всѣхъ христіанъ: укрывались отъ нихъ въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ пустыняхъ съ

женами и дѣтьми. Города были сожжены, или до того опустѣли, что заросли мхомъ; церкви и монастыри были сожжены и осквернены; изъ священныхъ сосудовъ пили нечестивые, какъ изъ простыхъ; ризы съ иконъ обдирали и дѣлали монисты и серьги женамъ и дочерямъ, и украшали свои ермолки. Надъ монахами ругались; православныхъ отводили въ плѣнъ; и надъ стариками и больными ругались: инымъ отсѣкутъ руки и ноги и бросятъ какъ камень на дорогѣ; другимъ рубили головы, вѣшали за ребра, сажали на колъ; младенцевъ же оторвавши отъ груди матери, давили за горло, или, взявъ за ноги, разбивали о камень. Многихъ заставляли принимать свою вѣру; а кто не принималъ ихъ вѣры, того продавали въ рабство въ дальнія страны». Въ 1540 году однако прогнали Сафа-Гирея отъ Мурома. Тогда пріѣхало изъ Казани посольство къ великому князю, и сказали послы: «Государь! отдай намъ вины и пошли своихъ воеводъ съ людьми, а мы тѣмъ послужимъ тебѣ, что убьемъ своего царя или выдадимъ его твоимъ воеводамъ. Отъ царя намъ сильно тяжко: у многихъ князей онъ подати поотнималъ, да крымцамъ поотдавалъ: а земскимъ людямъ великое разореніе: копитъ казну, да въ Крымъ посылаетъ.»

Тогда посланы были воеводы, и главнымъ надъ ними сдѣланъ князь Иванъ Шуйскій и велѣно имъ стоять во Владимірѣ и ссылаться съ Казанью. Узналъ объ этомъ Сапигъ-Гирей, тогда ставшій царемъ въ Крыму, сталъ собирать рать на Москву и повелъ съ собою всю орду; остались дома только старъ, да малъ. Съ ними шли и нагайцы, и астраханцы, и

люди турецкаго султана съ пушками и пищалями. Люди, посланные въ степь развѣдать о томъ, какъ велика татарская сила, пріѣхали и сказали, что по сакмамъ (слѣдамъ конскихъ копытъ) идетъ должно быть тысячь до ста и по тѣмъ вѣстямъ послана изъ Москвы большая рать къ Окѣ съ воеводою княземъ *Дмитріемъ Бѣльскимъ*. Въ іюлѣ подошелъ царь къ городу Остру (Черниговской губерніи). Когда узнали о томъ въ Москвѣ, пошелъ великій князь молиться въ Чудовскій соборъ и, поклонясь гробу св. Петра чудотворца, сказалъ: «Остались мы съ братомъ малолѣтніе послѣ отца; пришла на насъ великая скорбь отъ бусурмановъ. Тебѣ, чудотворче, подобаетъ о насъ молиться. Поставилъ тебя Богъ стражемъ рода нашего и всего православнаго христіанства.» Изъ собора пошелъ онъ въ совѣтъ боярскій. Стали разсуждать бояре: ѣхать-ли великому князю изъ Москвы или остаться въ городѣ? Многіе говорили, что надо уѣхать, другіе совѣтовали остаться, потому что великій князь малолѣтенъ и ѣхать скоро не можетъ, и потому если будетъ погоня, можетъ случиться худо. А митрополитъ сказалъ притомъ: «что города, въ которые прежде уѣзжали великіе князья: Кострома и др., теперь съ Казанью не смирны, а въ Новгородъ и Псковъ государи не ѣзжали: оттуда близки литовскій и нѣмецкій рубежи». Рѣшили бояре, что государь изъ Москвы не выѣдетъ и стали укрѣплять городъ и разставлять ратныхъ людей.

Когда узнали, что царь готовится перейдти черезъ Оку, то послана къ войску грамата отъ имени

государя. Въ граматѣ было сказано: «Крѣпко стойте за святыя церкви и за православное христіанство; а я за то буду жаловать не только васъ, но и дѣтей вашихъ; кого убьютъ, записать имя его на вѣчныя времена въ поминаніе, а жену и дѣтей буду жаловать.» Съ умиленіемъ прочли воеводы эту грамату, помирились и тѣ, которые были въ ссорѣ между собою. А тогда воеводы часто ссорились: былъ обычай, если отецъ одного былъ на службѣ выше другаго, то и сынъ долженъ быть выше, а иначе внуки не могутъ уже занимать высшихъ мѣстъ. Этотъ счетъ мѣстами назывался *мѣстничествомъ*. Такой обычай велся еще долго послѣ, и не одинъ разъ иноземцы разбивали русскія войска только потому, что воеводы мѣстничали.

Тѣмъ временемъ царь пришелъ къ Окѣ и сталъ готовить паромы, чтобы переѣхать черезъ рѣку. Воеводы послали противъ него передовой полкъ. Татары, думая, что тутъ все войско, перестали переправляться и осыпали передовой полкъ стрѣлами; передовой полкъ дрогнулъ. Тогда на помощь къ нему подоспѣли остальные. И удивился царь такому множеству людей. Позвалъ онъ своихъ князей и сказалъ имъ: «Какъ же мнѣ говорили, что русское войско все пошло къ Казани и встрѣчи мнѣ не будетъ; а я никогда не видалъ столькихъ хорошо вооруженныхъ людей въ одномъ мѣстѣ; да и старые татары, бывавшіе въ походахъ, не видывали.» И отбили русскіе татаръ отъ берега; а по утру привезли еще въ русское войско пушекъ. Услыхалъ объ этомъ царь и убѣжалъ отъ Оки, за нимъ погнались воеводы. Но

тутъ сказалъ царь своимъ князьямъ: «Получилъ я большое безчестіе, привелъ съ собою много ордъ, и Русской Землѣ ничего не сдѣлалъ». Чтобы сдѣлать что-нибудь, онъ пошелъ къ городу *Пронску* (Рязанской губерніи). Цѣлый день приступали татары къ городу; къ вечеру послали сказать воеводѣ: «Сдай городъ, царь милость покажетъ; а не сдашь, царь возьметъ городъ: не взявши городъ, не пойдетъ прочь.» — «Божіимъ велѣніемъ — отвѣчалъ воевода — городъ ставится, а безъ Божьяго велѣнія кто можетъ взять городъ: пусть подождетъ царь немного: за вами идутъ вслѣдъ наши воеводы!» И въ самомъ дѣлѣ, воеводы подходили, царь узналъ объ этомъ и пошелъ на-спѣхъ назадъ.

Вскорѣ послѣ этого, бояре, пріятели Шуйскихъ, недовольные тѣмъ, что всѣмъ правилъ Бѣльскій, посадили его подъ стражу, позвали въ Москву изъ Владиміра князя Ивана Шуйскаго. Все это дѣлалось, не спросясь государя, которому тогда было только 12-ть лѣтъ. Бояре ворвались даже въ комнаты государя, искали тамъ митрополита и не нашли, пошли потомъ въ келью, кидали каменьями въ окна. Едва оставили его въ живыхъ, но свели съ престола и отослали въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь; а Бѣльскаго сослали въ Бѣлоозеро, гдѣ черезъ три мѣсяца онъ былъ убитъ. Править начали опять Шуйскіе. Они такъ возгордились, что (черезъ два года) взяли изъ комнатъ государевыхъ его любимца *Воронцова*, стали бить его и едва не убили. Самъ великій князь просилъ за него, и тогда они пощадили; но все-таки выслали изъ Москвы. Ивану Васильевичу

было уже 14 лѣтъ. Надоѣло ему своеволіе боярское и велѣлъ онъ разъ своимъ псарямъ схватить *Андрея Шуйскаго* и вести въ тюрьму; на дорогѣ Шуйскаго убили. Другіе ихъ пріятели были разосланы по разнымъ городамъ. Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ началъ править самъ; но такъ какъ онъ все-таки былъ еще молодъ, то многое дѣлали за него его дядья, князья *Глинскіе*. Въ 1547 году вѣнчался Иванъ Васильевичъ на царство и сталъ съ тѣхъ поръ называться *царемъ и великимъ княземъ*. Чрезъ двѣ недѣли послѣ царскаго вѣнчанія вступилъ онъ въ бракъ съ *Анастасіею Романовною*, изъ рода *Захарьиныхъ*. Царицу Анастасію любила вся Россія за ея доброту къ бѣднымъ и кротость, и когда наступило потомъ безгосударное время и обуяли Русь иноплеменники и свои разбойники и крамольники, вспомнилъ народъ о кроткой царицѣ и въ память ея выбралъ на престолъ *Михаила Ѳедоровича Романова*, сына ея племянника, митрополита *Филарета*. Съ тѣхъ поръ началъ царствовать въ Россіи домъ Романовыхъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы начались сильные пожары въ Москвѣ; горѣло и въ Кремлѣ; сгорѣлъ и царскій дворецъ; митрополитъ едва вышелъ изъ храма Успенскаго съ иконою письма Петра чудотворца, и охватило его дымомъ и жаромъ; когда онъ тайникомъ сходилъ къ Москвѣ-рѣкѣ веревка оборвалась и его едва живаго привели въ село *Новое*. Въ Кремлѣ сгорѣли монастыри, сгорѣли деревянныя крыши на стѣнѣ кремлевской; башню, гдѣ лежалъ порохъ, взорвало; въ Китаѣ-городѣ сгорѣли всѣ лавки; сгорѣлъ и посадъ. Людей сгорѣло 1,700 человѣкъ. Царь съ

царицею уѣхали за Москву рѣку въ село *Воробьево*; а въ Москвѣ недобрые люди стали сваливать пожаръ на князей Глинскихъ. Народъ взволновался; князь Юрій Глинскій спрятался въ церквѣ; его вытащили и убили; перебили также много людей Глинскихъ; приходили съ крикомъ въ Воробьево и говорили, что во дворцѣ пряталась княгиня Глинская, о которой увѣряли, что она колдовствомъ зажгла Москву. Государь велѣлъ казнить бунтовщиковъ.

Когда во время пожара царь былъ въ Воробьевѣ, къ нему пришелъ священникъ Благовѣщенскаго собора *Сильвестръ* (въ Благовѣщенскомъ соборѣ вѣнчали царскія свадьбы, и старшій протоіерей благовѣщенскій былъ царскій духовникъ). Онъ сталъ говорить царю, какъ много зла надѣлалось въ его малолѣтствѣ и какъ ему самому слѣдуетъ управлять. Сталъ каяться царь Иванъ Васильевичъ и полюбилъ особенно Сильвестра, съ которымъ послѣ совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ.

Прошло три года, царь уже возмужалъ, было ему 20 лѣтъ; видѣлъ онъ, какъ много неправды и крамолъ и ссоръ, и посовѣтовался съ митрополитомъ, какъ все это прекратить, и по совѣту его созвалъ въ Москву изъ городовъ людей выборныхъ. Въ первое воскресенье, когда съѣхались выборные люди, вышелъ царь и митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ и со святыми крестами и иконами. Взошелъ царь на *Лобное Мѣсто* и сказалъ митрополиту: «Молю тебя, святой владыка, будь намъ помощникъ; я знаю, что ты желаешь всякаго блага. Остался я послѣ отца своего четырехъ, а послѣ матери восьми лѣтъ;

сильные мои бояре обо мнѣ не радѣли, были самовластны, сами себѣ почести похищали моимъ именемъ и занимались хищеніемъ, и обидами, и корыстью. Лихоимцы и хищники! Какой отвѣтъ дадите теперь? а я же чистъ отъ крови. Ожидайте отъ меня воздаяніе.» Потомъ, оборотясь къ народу, сказалъ: «Люди намъ дарованные Богомъ! молю васъ, вѣрьте Богу, а насъ любите. Нынѣ обидъ и разореній, какія вы понесли отъ нашей лѣности и безпомощства и отъ неправды бояръ нашихъ, всѣхъ исправить нельзя; а теперь я самъ буду судья и оборона, и стану неправду разорять и похищенное возвращать!» Потомъ подозвалъ къ себѣ *Алексѣя Адашева* и сказалъ ему: «Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ потому, что слышалъ о добротѣ души твоей. Принимай челобитныя у бѣдныхъ и обиженныхъ, и разсматривай ихъ. Не бойся сильныхъ и славныхъ; все разсматривай съ испытаніемъ и намъ доноси: бойся только Бога».

Вслѣдъ затѣмъ царь поручилъ своимъ боярамъ составить новый *Судебникъ*, въ которомъ были бы дополнены правила о судѣ, изданныя дѣдомъ его. Послѣ составленія *Судебника* созвалъ царь духовенство и на соборѣ задалъ сто вопросовъ о томъ, какъ бы исправить разные непорядки въ тогдашней духовной жизни. Изъ отвѣтовъ на эти вопросы составилась книга *Стоглавъ*.

Тѣмъ временемъ въ Казани умеръ Сафа-Гирей; послѣ него осталась вдова царица *Сююнбека* и двухлѣтній сынъ *Утемышъ-Гирей*. Этого-то мальчика казанцы объявили своимъ царемъ; были однако и та-

кіе, которые послали просить царя въ Крымъ. Не могъ допустить въ Казани новаго царя изъ крымцевъ царь Иванъ Васильевичъ, и самъ собрался войною на Казань; онъ ходилъ къ Казани годъ тому назадъ, но за разливомъ Волги долженъ былъ вернуться; а воеводы его воевали казанцевъ безъ успѣха. Теперь же царь двинулся зимою (4 ноября 1549 года). Зима была морозная; люди и лошади мерзли; но царь все терпѣлъ. Подъ Казанью сошлось 60,000 войска. Казалось Казань должна быть взята: царь былъ малолѣтенъ; мурзы многіе перешли на службу къ царю русскому; но казанцы храбро отстаивали свой городъ: бой тянулся цѣлый день и кончился ничѣмъ; а тамъ пошли оттепели: пушки перестали стрѣлять; потомъ ледъ разломало, дороги испортились, перестали подвозить припасы. Пришлось идти назадъ. По дорогѣ зашелъ царь на Круглую гору у рѣки Свіяги. Понравилось ему это мѣсто и сказалъ онъ: «Здѣсь будетъ городъ христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ намъ и ее въ руки». На другой годъ на этомъ мѣстѣ стали строить новый городъ — *Свіяжскъ*, куда посланъ былъ царь *Шахъ-Али*. Деревянныя стѣны и церкви для новаго города рубили въ *Угличѣ* и по Волгѣ сплавляли до Свіяги. Пока еще городъ не былъ заложенъ, здѣсь собралась новая рать, посланная къ Казани съ княземъ *Серебряннымъ*. Серебрянный сдѣлалъ набѣгъ на Казань и, возвратясь, принялся строить городъ; воины его принялись рубить лѣсъ, который покрывалъ гору; очистивши мѣсто, размѣрили его, окропили святою водою и начали постройку. Въ четыре недѣли выст-

роили городъ. Жители нагорной стороны Волги: чуваши, мордва, черемисы, увидя новый городъ, спѣшили покориться русскому царю; ихъ приписывали къ Свіяжску, брали съ нихъ дань, заставляли ходить въ Казань; за то царь ихъ ласкалъ; ихъ старшины ѣздили въ Москву, гдѣ ихъ кормили, поили и дарили. Такъ началось русское господство въ той странѣ; недалеко уже было и до покоренія Казани.

Въ Казани тѣмъ временемъ началась рознь: крымцы, которые пришли туда съ бывшими царями и оставались при молодомъ царѣ Утемышѣ, стали надоѣдать казанцамъ и начали казанцы переходить къ русскимъ. Когда въ походѣ къ Вяткѣ, ихъ побили русскіе, казанцы послали просить у царя Ивана Васильевича дать имъ царя Шахъ-Али, а Утемыша съ матерью взять къ себѣ. Такъ и было сдѣлано: въ Свіяжскъ посланъ былъ Алексѣй Адашевъ сказать Шахъ-Али, что государь жалуетъ его царствомъ казанскимъ, только съ тѣмъ, чтобы горная черемиса (которая живетъ по горной сторонѣ Волги) отошла отъ Казани къ Свіяжску, и чтобы русскіе плѣнные, которыхъ насчиталось до 60,000 были выпущены. Не хотѣлось новому царю уступать черемису; зналъ онъ, что казанцамъ будетъ это противно; попробовалъ-было попросить, да бояре отвѣтили ему, что государь не уступитъ. Дѣлать нечего, надо было согласиться. Такъ Шахъ-Али выѣхалъ въ Казань.

При царѣ Шахъ-Али (чтобы казанцы не сдѣлали ему зла) были татары, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Касимова, гдѣ онъ прежде былъ царемъ, да стрѣль-

цы русскіе, и жили всѣ они въ его дворѣ. Пріѣхавши въ Казань, замѣтилъ царь Шахъ-Али, что ему не будетъ спокойно: казанцы никакъ не хотѣли уступить Россіи черемисы и сталъ онъ посылать къ государю просить отдать назадъ эту черемису. Государь отказывалъ ему; отдать, значило опять позволить казанцамъ грабить русскія мѣста и дать усилиться этому разбойничьему гнѣзду; не было бы покоя во всѣхъ городахъ волжскихъ. Въ Казани же оттого было неспокойно, что мурзы казанскіе выпустили не всѣхъ русскихъ и которыхъ оставили у себя, тѣхъ сажали въ ямы; царь Шахъ-Али не унималъ ихъ, говорилъ: «боюсь бунта». Да и поблажкою ничего не сдѣлалъ; мурзы, которымъ онъ и потому былъ противенъ, что уступилъ черемису, стали ссылаться съ ногайскими татарами, кочевавшими за р. Яикомъ (теперь Уралъ) и звать ихъ на своего царя. Узналъ объ этомъ Шахъ-Али, зазвалъ тѣхъ мурзъ къ себѣ на пиръ и тамъ перебилъ ихъ всѣхъ.

Когда услыхалъ объ этомъ царь Иванъ Васильевичь, то подумалъ, что пришла пора взять Казань совсѣмъ за себя и послалъ сказать казанскому царю: «Видишь ты какъ лгутъ казанцы; они и брата твоего *Джанъ-Али* убили и тебя не разъ выгоняли; введи къ себѣ въ Казань русскія войска.»— «Самъ знаю — отвѣчалъ царь — что въ Казани мнѣ прожить нельзя, — если государь отдастъ горную черемису, то жить будетъ можно и будетъ при мнѣ Казань крѣпка государю.» Отвѣчали ему на то воеводы, что этого сдѣлать нельзя, что тогда не удержаться Свіяжску; а Свіяжскъ нуженъ какъ охрана отъ

разбоевъ. На то Шахъ-Али отвѣтилъ: «Тогда придется мнѣ бѣжать къ государю.» — «А коли такъ, — сказали послы — отчего не введешь русскихъ ратныхъ людей въ Казань?» — «Я бусурманъ — отвѣчалъ Шахъ-Али — и противъ своей вѣры не пойду, да и государю измѣнить не хочу; все, что̀ могу сдѣлать: извести злыхъ людей, которые противъ государя.» Съ тѣмъ послы и уѣхали.

Рознь въ Казани не переставала: одни пришли къ царю Ивану Васильевичу и просили его свести царя Шахъ-Али, а имъ дать своего намѣстника; другіе послали къ ногайцамъ просить у нихъ царя. Шахъ-Али никто не хотѣлъ: его не любили и за то, что мурзъ избилъ и за то, что поступился такою большою частью царства. Царь Иванъ Васильевичъ послалъ въ Казань Адашева сказать царю Шахъ-Али, чтобы онъ выѣхалъ. Царь Али, когда ему повѣстили волю государеву, отвѣтилъ: «Самъ отдать вамъ бусурманскаго города не хочу; а жить мнѣ здѣсь нельзя: казанцы убьютъ; да и ѣхать прямо нельзя, а надо бѣжать» — и уѣхалъ будто бы рыбу ловить и такъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ.

Когда царь ушелъ, казанцы поклялись принять русскихъ воеводъ, но лишь только пришли къ городу воеводы, то затворили городъ, а сами послали къ ногайцамъ за княземъ *Ядигаромъ*, котораго хотѣли взять къ себѣ въ цари. Стали тогда въ Казани собираться татары со всѣхъ сторонъ: чуяли всѣ, что когда царь Иванъ Васильевичъ возьметъ Казань, никогда уже не вставать больше татарской власти и

за Казанью придетъ чередъ Астрахани, а тамъ когда нибудь доберутся и до Крыма.

Готовились казанцы, готовился и царь къ походу. Въ апрѣлѣ 1552 года собралъ царь на совѣтъ братьевъ своихъ: роднаго *Юрія* и двоюроднаго Володиміра Андреевича, митрополита и бояръ. На совѣтѣ говорили о томъ, идти-ли самому царю въ походъ на Казань или остаться, потому что можетъ придти крымскій царь. Много говорили. Наконецъ самъ царь сказалъ: «Никакъ не могу видѣть гибели людей, преданныхъ мнѣ самимъ Богомъ; кàкъ скажу Богу: се азъ и люди, а что до другихъ нашихъ недруговъ, то уповаю на того же милосердаго Бога; увидитъ нашу вѣру неотложную и избавитъ всѣхъ насъ.» Тогда положено было, что въ Свіяжскъ посланы будутъ на судахъ пушки и всякіе запасы съ судовою ратью; а потомъ самъ царь пойдетъ сухопутьемъ на Муромъ и въ Муромъ велѣно было собираться ратнымъ людямъ изо всѣхъ городовъ. На Каму посланы были другіе воеводы съ Вятки. Они должны были мѣшать Ядигару пройдти въ Казань: но Ядигаръ перебрался тайно съ немногими людьми и сѣлъ на царство. Когда прибыли въ Свіяжскъ воеводы, они нашли, что черемиса бунтуетъ и пристаетъ къ казанцамъ. Въ самомъ Свіяжскѣ начались болѣзни, особенно цынга. Воины упали духомъ; въ Москвѣ митрополитъ торжественно совершаетъ молебенъ съ водосвятіемъ и чтобы духовно утѣшить унывшихъ, посылаетъ имъ святой воды при своемъ поучительномъ посланіи.

Въ маѣ началъ собираться въ походъ самъ царь.

Распредѣлилъ онъ воеводъ, призвалъ къ себѣ изъ Касимова царя Шахъ-Али и сталъ царь Шахъ-Али совѣтовать помедлить походомъ до зимы, потому что лѣтомъ трудно воевать казанскую землю, гдѣ много озеръ и болотъ. «Я уже отпустилъ воеводъ въ судахъ — отвѣчалъ царь Иванъ Васильевичъ — послано много людей и пушекъ и запаса; а что до дороги, то надѣюсь на помощь Божію: онъ и непроходимыя мѣста проходимыми сотворитъ.» Положено было, что царь пойдетъ на Коломну; а царю Шахъ-Али велѣно было ѣхать на судахъ. Около 16-го іюля вышелъ Иванъ Васильевичъ изъ Москвы. Сталъ онъ прощаться съ царицею и просить ее часто молиться за него, за себя, за всѣхъ православныхъ. Молча слушала его слова царица; потомъ отъ великой скорби едва не упала безъ чувствъ на землю, если бы не поддержалъ ее царь. Долго не могла она ничего сказать, а потомъ сквозь слезы промолвила: «Свѣтъ очей моихъ! ты хочешь душу свою положить за православную вѣру, какъ же мнѣ не горевать?» Поручивъ и царицу и городъ молитвамъ митрополита, благословился у него царь Иванъ Васильевичъ. Еще не дойдя до Коломны узналъ государь, что къ Окѣ идетъ крымская рать. По этимъ вѣстямъ остановился царь въ Коломнѣ, чтобы дать отпоръ крымцамъ. Здѣсь узналъ онъ, что татары пришли къ Тулѣ, и тогда же послалъ къ Тулѣ воеводу своего князя Андрея Курбскаго, а самъ пошелъ къ Каширѣ. Когда пришелъ Курбскій, татары испугались, стали разбѣгаться: они думали, что пришелъ самъ царь; когда же узнали, что русскихъ только 150,000, всту-

пили съ ними въ бой; бились полтора часа и побѣжали татары.

Тогда царь воротился въ Коломну и отсюда послалъ въ Москву пушки и верблюдовъ, которые отняты были у крымскаго царя. Изъ Коломны черезъ Владиміръ пошелъ царь въ Муромъ и пришелъ туда іюля 13-го; 20-го іюля вышелъ изъ Мурома и пошелъ степью (по тогдашнему полемъ); на дорогѣ узналъ онъ, что черемиса опять покорилась. 13-го августа пришелъ царь въ Свіяжскъ. Такимъ образомъ съ Москвы до Свіяжска шли почти два мѣсяца. Въ Свіяжскѣ было положено идти на Казань, но съ пути послать граматы къ царю казанскому и къ казанцамъ, и звать ихъ покориться; на эти граматы царь казанскій отвѣчалъ, что готовъ биться; русскіе уже двигались къ Казани. Изъ самихъ татаръ были такіе, которые на пути приставали къ русскимъ.

Отъ бѣглецовъ узнали, что царь Ядигаръ хочетъ биться до послѣдняго истощенія и что крѣпкую надежду кладутъ казанцы на нѣкоего Япанчу, которому поручено съ выборными ратниками сѣсть въ *Арской засѣкѣ* (отъ крѣпости казанской до города Арска на шестьдесятъ верстъ идетъ Арское поле; на немъ-то и была эта засѣка въ десяти верстахъ отъ города Казани). Въ самой Казани у царя было 30,000 человѣкъ войска. Казань показалась нашимъ воинамъ сильною крѣпостью. Ее обтекаютъ двѣ рѣки: Казанка и Булакъ, очень тинистый и трудный для перехода; городъ былъ построенъ на крутой горѣ и кромѣ рѣкъ былъ еще глубокій ровъ; здѣсь

же на горѣ стояли каменныя палаты царскія и мечети.

Подходя къ городу, царь велѣлъ войску остановиться на царскомъ лугу, развернуть ту хоругвь, которая нѣкогда была съ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ и служить молебенъ. Послѣ молебна созвавъ къ себѣ и воеводъ, и воиновъ, сталъ говорить имъ: «Пришло время нашему подвигу; потщитесь пострадать единодушно за святую вѣру, за нашу братью православныхъ христіанъ, что полонены много лѣтъ тому назадъ и злостраждутъ отъ казанцевъ. Не пощадимъ головъ своихъ; это не смерть, а животъ: умереть все-таки придется, не теперь, такъ послѣ. На то я съ вами и пришелъ; лучше я хочу умереть, чѣмъ видѣть за грѣхи свои поруганіе Христа и мученіе людей, которые мнѣ ввѣрены. Господь пошлетъ намъ, можетъ быть, свою милость; да будетъ воля Его. Я же готовъ жаловать васъ; а кто пострадаетъ, того семейство буду жаловать». — «Видимъ, государь! — отвѣчали со слезами воины — что ты твердъ въ законѣ и за православіе не щадишь себя, да и насъ утверждаешь; должно намъ единодушно померетъ, сражаясь съ агарянами.» Тогда, помолясь, царь сѣлъ на аргамака (коня), распорядился, гдѣ стоять воеводамъ и пошелъ къ городу. Это было 23-го августа.

Пока подходили русскіе, въ городѣ было тихо: многіе люди, небывшіе въ бою, думали, что царь казанскій бѣжалъ со страха, люди бывалые поняли, что тутъ-то и должно опасаться. Въ самомъ дѣлѣ, едва только 7,000 стрѣльцовъ перешли по мосту

черезъ Булакъ, какъ 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, напали на нихъ: у нашихъ конницы не было; но они отстояли грудью. Казанцы ушли въ городъ. На другой день послѣ того, какъ наши стали у города, поднялась сильная буря, снесла шатры царскіе и, что̀ всего хуже, разбила на Волгѣ нѣсколько судовъ съ запасами. Воины встревожились; спокоенъ остался только царь: онъ распорядился о присылкѣ припасовъ изъ Москвы.

Съ тѣхъ поръ дня не проходило безъ боя, особенно тревожилъ русскихъ Япанча изъ своей арской засѣки: онъ то нападалъ на войска, то мѣшалъ кормовщикамъ добыть въ окрестности припасы, потому что послѣ несчастія съ судами люди питались только сухимъ хлѣбомъ. Когда хотѣли въ Казани, чтобы Япанча напалъ на русскихъ, то ставили знамя па башнѣ; увидитъ это знамя Япанча и дѣлаетъ набѣгъ. Не истребивъ его, нельзя было взять Казани и потому царь отрядилъ князя *Александра Горбатаго* уничтожить Япанчу. Вышелъ князь Александръ съ 45,000 человѣкъ конной и пѣшей рати. Спряталъ онъ свое войско за горою, и послалъ въ лѣсъ небольшіе отряды; Япанча кинулся на нихъ; они побѣжали, отманили его отъ лѣсу и тогда русскіе разбили ихъ и забрали много плѣнныхъ, которыхъ и подвели къ стѣнамъ Казани. Привязали ихъ къ кольямъ и стали уговаривать казанцевъ сдаться, а то грозили побить плѣнныхъ. Казанцы вмѣсто отвѣта стали стрѣлять по плѣннымъ: «Лучше—говорили они — видѣть васъ мертвыми отъ руки мусульманской, чѣмъ убитыми отъ необрѣзанныхъ».

Думали взять городъ недостаткомъ воды и отрѣзали его отъ Казанки. Казалось бы воды у нихъ не было, а казанцы все держатся. Удивило это царя и спросилъ онъ о томъ у выѣзжихъ и плѣнныхъ казанцевъ; тѣ сказали ему, что ходятъ казанцы подземельемъ къ рѣкѣ. Велѣлъ царь нѣмцу инженеру (по старинному *размыслу*) подконаться подъ тотъ тайникъ; копали десять дней и, наконецъ, услыхали надъ собою голоса татарскіе: доложили государю; государь приказалъ подложить въ подкопъ 11 бочекъ пороху. Рано утромъ, когда царь объѣзжалъ войско, подкопъ взорвало: полетѣли на воздухъ люди, взорвало и стѣну городскую; наши ворвались въ проломъ и избили много татаръ; но татары заставили ихъ выдти и починили стѣну. Воды однако все-таки у нихъ не было. Началась рознь: одни думали сдаться; другіе стали копать воду и докопались до смраднаго источника, изъ котораго и брали воду до взятія города.

Передъ воротами *царскими*, главными въ городѣ, велѣлъ царь Иванъ Васильевичъ поставить большую башню, съ которой стрѣльцы наши стрѣляли изъ пищалей по улицамъ городскимъ; стали казанцы прятаться въ ямахъ, вырытыхъ подъ стѣнами, воротами и *тарасами* (деревянными башнями, поставленными за рвомъ передъ каждыми воротами) и, поочередно вылѣзая изъ этихъ ямъ, бились съ русскими.

Царь приказалъ *князю Воротынскому* подкатить *туры* (плетушки, набитыя землею) ко рву, окружавшему городъ, потому что изъ-за нихъ легче было

стрѣлять. Это было сдѣлано въ нѣсколько дней; изъ за туровъ наши бились успѣшно. Однажды, когда, утомившись, пошли отдыхать и сѣли обѣдать, десять тысячъ казанцевъ вылѣзли изъ своихъ ямъ, подошли къ турамъ, прогнали тѣхъ, которые тутъ оставались и завладѣли пушками. Наши вышли и стали отбивать: много воеводъ нашихъ было ранено; раненъ былъ и Воротынскій, и если бы не подоспѣли муромцы, не отбить бы казанцевъ. Муромцы погнали ихъ до рва; казанцы побѣжали такъ, что давили другъ друга. Государь навѣстилъ раненыхъ воеводъ и благодарилъ всѣхъ за службу.

30-го сентября подложили пороху подъ тарасы: и землянки казанцевъ у Арскихъ воротъ полетѣли на воздухъ. Пока казанцы еще не оправились отъ испуга, наши подкатили туры къ самымъ воротамъ. Опомнились казанцы и высыпали изъ города: сильно бились съ ними наши воины; самъ царь выѣхалъ къ городу. Увидали его русскія войска и еще сильнѣе стали биться: стрѣльцы стрѣляли изъ пищалей; безпрестанно летѣли въ городъ огненныя ядра. Бились и рукопашно, и взошли уже русскіе на городскую стѣну (то была деревянная стѣна дубовая, внутри засыпанная землею; а внутри былъ еще кремль каменный) и взяли башню у Арскихъ воротъ. Князь Воротынскій просилъ государя назначить въ этотъ день приступъ; да другіе полки еще не были готовы и приступъ былъ отложенъ до другаго дня. Государь велѣлъ выѣхать своимъ людямъ изъ стѣнъ казанскихъ (осталась за нами арская

башня); велѣно зажигать и стѣну, и мосты. Шли съ ропотомъ; а мосты и стѣны зажгли и горѣло всю ночь.

На другой день 1-го октября въ воскресенье назначено быть приступу. Велѣлъ государь засыпать ровъ лѣсомъ и землею. Хотѣлось еще царю миновать кровопролитія и послалъ сказать казанцамъ: «Бейте челомъ царю; выдайте измѣнниковъ и государь оставитъ свой гнѣвъ на васъ и не сдѣлаетъ вамъ зла». — «Не бьемъ челомъ!—отвѣчали въ одинъ голосъ казанцы — на стѣнахъ и въ башнѣ русь, а мы иную стѣну поставимъ, и всѣ умремъ, или отсидимся». Послѣ этого отвѣта надо было готовиться къ приступу: царь распредѣлилъ гдѣ кому стоять изъ воеводъ; велѣлъ вести подкопъ подъ стѣну. Ночь всю проговорилъ онъ съ своимъ духовникомъ, поутру надѣлъ *юмшанъ* (стальная кольчатая рубашка) и пошелъ къ обѣднѣ, ожидая когда взорветъ подкопъ.

Обѣдня началась рано; взошло солнце; діаконъ читалъ евангеліе и только прочелъ онъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», послышался какъ-будто громъ и потряслася земля. Царь подошелъ къ двери и увидалъ, что стѣну взорвало; летѣли бревна и люди. Царь опять взошелъ въ церковь и во время ектеніи, при словахъ: «еще молимся Господу Богу нашему помиловати государя нашего царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи, и подати ему державы, крѣпости, побѣды пребыванія; о еже Господу Богу нашему наипаче поспѣшити, и направити его во всемъ, и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и сопостата», грянулъ второй ударъ, еще страшнѣе перваго.

И пошло тогда царское войско со всѣхъ сторонъ на городъ, призывая Бога на помощь; татары же бились отчаянно: «Умремъ всѣ за свой городъ!» Царь стоялъ въ церкви и молился со слезами за свою рать. Тогда пришелъ къ нему одинъ бояринъ и сказалъ: «Государь! время тебѣ ѣхать: бьются твои воины крѣпко».—«Подожду до конца обѣдни—отвѣчалъ царь — получу совершенную милость отъ Христа.» За первымъ бояриномъ пришелъ второй и сказалъ: «Время царю ѣхать; увидя царя, воины укрѣпятся». Тогда царь, помолясь Богу и приложась къ образу чудотворца Сергія, пошелъ къ войску и увидалъ, что знамена русскія уже на стѣнѣ городской. Пріѣхалъ царь, воины еще больше ободрились и бились и на стѣнахъ городскихъ и въ улицахъ. Заперлись татары въ своей мечети и оттуда выбили ихъ русскіе. Другіе заперлись въ царскомъ домѣ вмѣстѣ съ царемъ своимъ *Ядигаромъ*. Тѣмъ временемъ тѣ, кто остался въ царевѣ дворцѣ, увидѣли, что не отстоять имъ Казани, вывели царя своего на высокую башню и сказали: «Пока была у насъ столица, бились мы за землю свою до конца; теперь отдаемъ вамъ царя нашего, а сами идемъ въ поле пить съ вами послѣднюю чашу» и отдали царя, а сами вышли изъ дворца, хотѣли пройти черезъ рѣчку *Казанку*, сквозъ станъ Курбскаго. Здѣсь начали стрѣлять по нимъ изъ пушекъ и повернули они внизъ по берегу и стали раздѣваться, чтобы переплыть рѣку, въ этомъ мѣстѣ мелкую. Курбскій перегородилъ имъ дорогу. Хотя остальныя войска наши, стоявшія на горѣ крутой и высокой, не могли придти на по-

мощь и самъ Курбскій былъ тяжело раненъ, все-таки татары дрогнули и побѣжали. Догонять ихъ царь послалъ своихъ воеводъ и немного казанцевъ осталось въ-живыхъ.

Когда привели царя казанскаго къ царю Ивану Васильевичу, онъ принялъ плѣннаго милостиво, но велѣлъ брать въ плѣнъ только женъ и дѣтей, а мужчинъ избивать за измѣну ихъ. Въ городѣ накопилось столько убитыхъ, что ходить можно было только по трупамъ; рвы были полны мертвыхъ тѣлъ, а тамъ, гдѣ сильнѣе бились, трупы лежали одинъ на другомъ вровень со стѣнами городскими.

Такъ взята была Казань. Царь Иванъ Васильевичъ прежде всего спѣшилъ благодарить Бога: «Слава Тебѣ Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! — сказалъ онъ, поднявши руки къ небу:—Ты далъ намъ побѣду на враговъ, чемъ заплачу Тебѣ, Господи, за то, что Ты даровалъ мнѣ»? Потомъ велѣлъ по полкамъ пѣть молебны, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло во время битвы царское знамя, водрузилъ животворящій крестъ и на томъ мѣстѣ приказалъ строить церковь. Затѣмъ пришли къ царю воеводы и поздравили его съ завоеваніемъ царства казанскаго. Велѣлъ тогда царь очистить отъ труповъ улицу до царева двора. Здѣсь снова всѣ славили Бога: «Благодаримъ Тебя, Христе Боже, что сдѣлалъ надъ нами чудо: въ мѣстѣ темномъ далъ возсіять свѣту истины; вмѣсто Магомета воздвигъ Свой Крестъ животворящій и въ единъ часъ погубилъ невѣрный родъ и съ царемъ ихъ.» Потомъ велѣлъ царь гасить тѣ мѣста, гдѣ еще былъ пожаръ. Добычу и плѣнниковъ все отдалъ онъ свое-

му войску, а себѣ взялъ только плѣннаго царя, да знамена и пушки городскія.

Затѣмъ покорилась царю русскому вся земля Казанская. Послалъ онъ съ вѣстью о томъ въ Москву. 4-го октября очистили весь городъ отъ мертвыхъ тѣлъ и государь поѣхалъ по городу; по серединѣ Казани выбралъ онъ мѣсто для соборной церкви, а потомъ пошелъ по стѣнамъ съ крестами и святой водой и освятили стѣны городскія. Заложивъ церковь и поставивъ воеводу въ Казани, царь отправился назадъ въ Москву октября 11-го. До Нижняго ѣхалъ онъ на судахъ и остановился въ Свіяжскѣ; и въ Свіяжскѣ и въ Нижнемъ встрѣчали его съ радостью и торжествомъ. Изъ Нижняго ѣхалъ царь на Владиміръ, Суздаль и Юрьевъ, гдѣ тоже радостно встрѣчали его. Не доѣзжая Москвы, ночевалъ онъ въ своемъ селѣ Тайницкомъ; здѣсь поздравлялъ царя *князь Юрій*, братъ его. Въ Москвѣ встрѣтило его такъ много народа, что едва помѣщались по обѣ стороны пути и весь народъ кричалъ: «Многа лѣта царю благочестивому, побѣдителю варварскому, избавителю христіанскому!» У Срѣтенскаго монастыря встрѣтилъ его митрополитъ со всѣмъ духовнымъ чиномъ. Послѣ этой встрѣчи переодѣлся царь въ царское одѣяніе: надѣлъ на голову вѣнецъ Мономаховъ, на шею животворящій крестъ, на плечи *бармы* и во всемъ своемъ царскомъ нарядѣ пошелъ въ церковь Успенія и со слезами благодарилъ Бога за Его великія милости. Оттуда пошелъ къ своей царицѣ, которая еще не оправилась послѣ рожденія сына *Дмитрія*. Радостную вѣсть о рожденіи наслѣдника

узналъ царь на дорогѣ. Свѣтелъ и радостенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ послѣ побѣдныхъ подвиговъ; дарилъ онъ всѣхъ богатыми дарами: шубами, иноземными кубками и дорогими ковшами. Три дня свѣтло праздновали въ его палатахъ, и въ эти три дня роздано подарковъ на *сорокъ тысячъ* рублей (на нынѣшнія деньги около полмиліона); кромѣ того всѣмъ воинамъ были увеличены помѣстья. Въ память казанскаго взятія построенъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, который называется въ просторѣчіи церковью *Василія Блаженнаго*, потому что на кладбищѣ, бывшемъ здѣсь прежде, погребенъ былъ этотъ Блаженный, скончавшійся незадолго до того времени.

Изъ Москвы царь поѣхалъ къ Троицѣ, гдѣ крестилъ своего новорожденнаго сына; возвратясь же, занемогъ горячкою. Болѣзнь была такъ сильна, что онъ составилъ духовное завѣщаніе. По завѣщанію царство онъ отдавалъ сыну своему; сынъ былъ еще малъ и бояре, а особенно князь Володиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ царя, могли бы крамольничать. Потому и стали говорить царю, чтобы онъ взялъ присягу съ князя Володиміра. Присягать князь Володиміръ не захотѣлъ и когда *князь Воротынскій* (что такъ сильно бился подъ Казанью) началъ его уговаривать, онъ сказалъ Воротынскому: «Ты бы со мною не бранился и мнѣ не указывалъ».— «Я клялся, отвѣтилъ Воротынскій, всею душею служить царю и царевичу; велятъ онѣ, я готовъ не только браниться, но и биться съ тобою».

Смотря на князя Володиміра, и другіе бояре замыслили ослушаться царя: были такіе, которые по-

мнили, что̀ было въ малолѣтствѣ царя Ивана и задумывали царемъ взять Володиміра. Сильно спорили и шумѣли. Услыхалъ шумъ больной царь и сказалъ имъ: «Если не хотите цѣловать крестъ сыну, стало быть у васъ есть другой государь; а вы мнѣ не однажды обѣщали не искать другаго государя. Я хочу, чтобы вы цѣловали крестъ моему сыну и Захарьинымъ (родные царицы Анастасіи). Не могу много говорить съ вами; скажу только, что кто не хочетъ служить государю въ пелёнкахъ, тотъ не будетъ служить и взрослому. Если мы вамъ ненадобны, пусть все падетъ на вашу душу.» И стали тогда бояре отговариваться, чѣмъ каждый умѣлъ: «Вѣдаетъ Богъ, да ты, государь — сказалъ Ѳедоръ Адашевъ, отецъ Алексѣя,—что мы готовы цѣловать крестъ твоему сыну, только не хотимъ служить Захарьинымъ: много мы видѣли бѣды отъ бояръ въ твое малолѣтство.»

Послѣ толковъ и криковъ стали главные бояре одинъ за однимъ присягать. Тогда написали присяжный листъ и поднесли его князю Володиміру; Володиміръ отказался присягать. «Не хочешь крестъ цѣловать — сказалъ царь — пусть падетъ на твою душу что̀ случится, мнѣ до того дѣла нѣтъ.» Такъ и ушелъ изъ дворца, а вечеромъ созвалъ своихъ служивыхъ людей и сталъ дарить ихъ деньгами. Показалось это сомнительнымъ вѣрнымъ боярамъ и перестали они пускать князя Володиміра къ царю. На другой день собралъ царь всѣхъ вѣрныхъ бояръ и сказалъ имъ: «Бояре! вы клялись служить мнѣ и сыну моему. Если Богу будетъ угодно призвать ме-

ня къ себѣ, то помните свою клятву, не дайте боярамъ извести моего сына, а если будетъ нужно, бѣгите съ нимъ въ чужую землю. А вы, Захарьины! неужели вы думаете, что бояре васъ пощадятъ? они убьютъ васъ первыхъ: такъ постойте до смерти за моего сына и его мать; не дайте жены моей на поруганіе боярамъ.» Замѣтили и остальные бояре твердость государя; подумали, что худо имъ будетъ, если царь выздоровѣетъ, и стали присягать. Такъ кончилась эта смута. Запомнилъ ее царь Иванъ Васильевичъ, только молчалъ до перваго случая и когда выздоровѣлъ, никому не показалъ немилости. Послѣ выздоровленія поѣхалъ онъ молиться по монастырямъ, доѣхалъ до Кириллова Бѣлоезерскаго, а на возвратномъ пути умеръ царевичъ Димитрій. Скоро однако родился у царя другой сынъ, царевичъ Иванъ.

Въ 1557 г. почти даромъ досталось Россіи другое татарское царство — *Астраханское*, гдѣ укрылись послѣдніе потомки царей Золотой орды Сарайской. Астрахань, которая стоитъ у моря и богатѣетъ отъ торговли, была мѣстомъ привольнымъ; вблизи отъ нея со всѣхъ сторонъ степи, приволье для кочевыхъ татаръ; а за *Ураломъ* рѣкою (прежній Яикъ) кочевали татары ногайскіе, храбрые и дикіе, которые когда-то съ Эдигеемъ приходили на Москву и завладѣли Сараемъ. Однимъ только не могло держаться Астраханское царство: татарскіе князья ссорились другъ съ другомъ и одинъ другаго прогонялъ изъ Астрахани. Оттого тамъ цари и держались не долго. Что погубило Казань, то погубило и Астрахань. Въ то время, когда взята была Казань, въ Астрахани

царствовалъ *Ямгурчей.* Этотъ царь сначала хотѣлъ было покориться Россіи, но во время казанской войны его сбили царь крымскій и ногайскій мирза, отецъ казанской царицы *Сююнбеки.* Когда все кончилось, царь Иванъ Васильевичъ задумалъ наказать Ямгурчея и посадить на его мѣсто преждебывшаго царя *Дербыша* и потому въ 1554 г. послалъ на Астрахань свою рать подъ начальствомъ *князя Пронскаго.* Передовой русскій отрядъ разбилъ астраханцевъ; отъ плѣнныхъ узнали, что царь Ямгурчей ждетъ русскихъ въ пяти верстахъ отъ Астрахани; пришли, а Ямгурчей уже бѣжалъ. Въ Астрахани посадили Дербыша, который обѣщалъ быть вѣрнымъ царю русскому и платить ему въ годъ 40,000 алтынъ (въ алтынѣ 3 копѣйки) и 3,000 рыбъ; русскіе могли ловить въ морѣ рыбу безданно. Недолго и Дербышъ былъ вѣренъ; онъ сталъ переписываться съ Крымомъ; противъ него послали въ 1557 г. стрѣлецкаго голову *Черемисинова.* До тѣхъ поръ не было у насъ постояннаго войска, а набирали въ случаѣ войны. Царь Иванъ Васильевичъ завелъ стрѣльцовъ, которые и поселены были слободами при городахъ: ихъ дѣло было постоянно быть готовыми къ войнѣ; они жили подъ начальствомъ своихъ головъ и въ мирное время имѣли разныя льготы по торговлѣ; это было войско пѣшее. Черемисиновъ разбилъ Дербыша и взялъ Астрахань. Съ тѣхъ поръ не было уже больше астраханскихъ царей и Астрахань стала русскимъ городомъ, куда начали селиться русскіе люди.

Тѣмъ временемъ царь русскій далъ знать всю свою силу и третьему татарскому царству, Крыму. Въ

1555 году, когда, по крымскому наущенію, царь Дербышъ отказался покоряться русскимъ, крымскій царь Девлетъ-Гирей собрался на Москву, и чтобы застать Россію въ расплохъ, распустилъ слухъ, что идетъ на черкесовъ, которые не задолго передъ тѣмъ искали покровительства царя русскаго (между черкесами въ то время были христіане). Чтобы защитить черкесовъ, царь послалъ на Крымъ *Шереметева*. По дорогѣ Шереметевъ узналъ, что царь крымскій идетъ на Тулу, далъ знать объ этомъ въ Москву. Самъ царь вышелъ въ поле на татаръ; крымцы повернули назадъ; Шереметевъ пошелъ за ними слѣдомъ, отбивалъ обозъ и въ 150-ти верстахъ отъ Тулы вступилъ съ татарами въ бой. Бились день и татары потеряли много людей, но все-таки не ушли. Насталъ другой день, опять началась битва: Шереметеву помощи не было ни откуда; а татары отъ плѣнныхъ узнали, что людей у него мало и сильно стали напирать на него; въ бою онъ былъ раненъ и татары смяли русскихъ. Узналъ объ этомъ царь и поспѣшилъ на выручку Шереметева, но узналъ тѣмъ временемъ, что татары идутъ назадъ и идутъ такъ скоро, что не догнать ихъ.

Въ слѣдующемъ году, по слуху о татарахъ, царь послалъ *Ржевскаго* изъ Путивля на Днѣпръ, чтобы онъ вышелъ этою рѣкою къ крымскимъ предѣламъ: на Нижнемъ Днѣпрѣ стоялъ татарскій городъ *Исламъ-Кермель*. Самъ царь собрался идти въ Тулу. По дорогѣ къ Ржевскому пристали малороссійскіе казаки и съ ними вмѣстѣ онъ доходилъ до *Очакова*,

при устьѣ Днѣпра. Тогда это былъ городъ турецкій. Ржевскій благополучно возвратился въ Москву.

Послѣ этого похода начальникъ казацкій (*гетманъ*, какъ они его называли) прислалъ просить царя принять его въ свое подданство. Казаки были люди русскіе, нашей православной вѣры. На Днѣпрѣ, близъ самой степи, откуда татары такъ часто ходили на русскія земли, бывшія тогда подъ властію литовскою, стали селиться удальцы, которыхъ главное дѣло было воевать съ татарами: они принимали къ себѣ всякаго, лишь бы только былъ онъ православной вѣры. Многіе изъ нихъ поселились на острову днѣпровскомъ, ниже пороговъ и жили сообща артелью. Эти назывались *Запорожцами*. Другіе были казаки женатые и жили въ селахъ и городахъ, и только ходили въ походъ или отбивали татаръ, когда заслышатъ объ ихъ приходѣ. Они не подчинялись тогда еще ни Россіи, ни Польшѣ, и сами выбирали своихъ начальниковъ, которыхъ смѣняли когда вздумается. Такіе же казаки появились въ сторонѣ *Рязанской*, откуда ходили татары на области, близкія къ Москвѣ, а потомъ и въ самой степи на Дону. Въ легкихъ лодкахъ спускались они по Днѣпру до Очакова и даже выходили въ Черное море, а по Дону ходили до Азова. Татары ихъ боялись; не всегда впрочемъ они щадили и своихъ, и въ шайкахъ волжскихъ разбойниковъ бывали донскіе казаки. Надъ этими-то казаками гетманомъ былъ кн. *Вишневецкій*, богатый помѣщикъ на Руси, православной вѣры, человѣкъ храбрый. Онъ служилъ прежде польскому королю, а теперь, увидѣвши, что Россія такъ

сильна, что посылаетъ рать на Крымъ, объявилъ, что хочетъ служить Россіи, а самъ тѣмъ временемъ взялъ Исламъ-Кермель и пушки оттуда увезъ на свой *Хортицкій островъ* на Днѣпрѣ (на этомъ-то островѣ жили запорожцы). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялъ города литовскіе; царь, нехотѣвшій разрывать мира съ королемъ потому, что затѣялъ въ то время войну съ Ливоніею, вызвалъ *Вишневецкаго* въ Москву. Отсюда, въ 1559 году, царь послалъ его и Адашева на Крымъ. Вишневецкій по Дону пошелъ къ Азову, гдѣ и разбилъ татаръ, пробиравшихся къ Казани. Адашевъ же вышелъ въ море Днѣпромъ, захватилъ два турецкіе корабля, пришелъ въ Крымъ и освободилъ русскихъ плѣнныхъ. Татары перепугались; царь крымскій едва успѣлъ собрать ихъ и потому не удалось ему догнать Адашева. Когда Адашевъ возвратился, татары пришли просить мира. Бояре совѣтовали царю покончить съ Крымомъ, но царь не согласился на это: онъ понялъ, что завладѣть Крымомъ еще не пришла пора, потому что между Крымомъ и Россіей степь и держать Крымъ будетъ трудно; это не то что Астрахань и Казань, куда легко посылать рать по Волгѣ. Къ тому же за Крымъ вступился бы султанъ турецкій, а намъ съ турками еще рано было начинать войну: турки тогда были еще очень сильны. Больше же всего хотѣлось царю Ивану Васильевичу смирить ливонскихъ нѣмцевъ, которые тогда очень ослабѣли и завладѣли берегомъ моря. Хоть то мѣсто, гдѣ теперь Петербургъ, и было тогда въ русской власти, да сосѣди: съ одной стороны шведы (въ Финляндіи), съ другой нѣмцы, не по-

зволили бы приставать сюда какимъ нибудь кораблямъ.

За берегъ моря—мы знаемъ это—еще новгородцы бились со шведами; во время Ивана Васильевича намъ тѣмъ нужнѣе было владѣть этимъ берегомъ, что ливонцы мѣшали намъ сноситься съ другими землями. Когда въ 1527 г. царь послалъ въ *Германію* нѣмца Шлитте набирать разныхъ ремесленниковъ: пушкарей, рудознатцевъ, а также лекарей и аптекарей, ливонцы уговаривали другихъ нѣмцевъ не пускать никого въ Россію; они боялись, чтобы русскіе не покорили ихъ. Самъ Шлитте былъ посаженъ въ тюрьму, а другой нѣмецъ, пробиравшійся въ Россію, казненъ смертію.

Только одно море и было тогда въ полномъ владѣніи Россіи—Бѣлое; моря этого, впрочемъ, до тѣхъ поръ не знали другіе народы, кромѣ шведовъ и норвежцевъ, и никто не ходилъ въ него. Особеннымъ случаемъ узнали эту дорогу англичане и съ тѣхъ поръ завели съ нами торговлю. Англичане тогда вовсе не были такъ сильны и богаты какъ теперь; были другіе народы и сильнѣе, и богаче ихъ. Потому и стали они отъискивать новыхъ торговыхъ путей, на которыхъ бы другіе народы не мѣшали имъ. Составилась компанія, собрали деньги, купили три корабля и отправили ихъ въ сѣверныя моря искать, нельзя ли тамъ завести торговлю. Король далъ начальникамъ этихъ кораблей свою грамату ко всѣмъ государямъ, которые встрѣтятся имъ на пути. Въ 1553 г. корабли поплыли; буря разнесла ихъ и одинъ изъ кораблей, которымъ командовалъ

Ченслеръ, присталъ къ Норвегіи, дожидалъ здѣсь своего товарища, не дождался его и поплылъ далѣе. Потомъ узналъ, что его корабли затерты льдомъ и всѣ люди погибли отъ холода и голода. Скоро приплылъ онъ въ большой заливъ, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ; удивились туземцы невиданному прежде большому судну и разбѣжались въ страхѣ. Ихъ догнали, привели къ капитану, который обласкалъ ихъ. Начались разспросы и англичане узнали, что они въ великой землѣ, которую звали Россіей и гдѣ правитъ царь Иванъ Васильевичъ. Тогда и они сказали, что хотятъ завести торговлю и что у нихъ грамата отъ короля. Начальство холмогорское донесло объ этомъ царю (тогда Архангельска еще не было: онъ построенъ, когда усилилась торговля съ англичанами). Царь велѣлъ Ченслеру пріѣхать къ себѣ въ Москву; принялъ его милостиво. Ченслеръ воротился въ Англію, откуда пріѣхалъ посломъ отъ новой королевы *Маріи* и тогда условились о томъ, какъ впредь вести торговлю. Англичанамъ дано много льготъ: для нихъ повсюду открытъ свободный путь; они могли торговать безпошлинно; судъ у нихъ былъ свой и подчинялись они только своему главному управителю. Къ англичанамъ царь Иванъ Васильевичъ былъ всегда благосклоненъ, особенно когда вмѣсто Маріи воцарилась умная сестра ея, *Елизавета*. Съ тѣхъ поръ начинается торговля англичанъ съ Россіею.

Если такъ выгодно было далекое море, покрытое льдомъ, и путь къ которому не былъ безопасенъ, то какъ же было бы выгодно море Балтійское, сноше-

ніе по которому было бы ближе и удобнѣе и по берегамъ котораго жили народы, уже издавна торговавшіе съ Новгородомъ. Все это вспомнилъ царь, вспомнилъ и то, какъ мѣшали ливонцы всякимъ сношеніямъ нашимъ съ другими народами и потому задумалъ покончить съ Ливоніею. Тогда это казалось дѣломъ нетруднымъ: между нѣмцами не было никакого ладу и порядка: епископъ рижскій, который когда-то призвалъ себѣ на помощь рыцарей, считалъ себя государемъ Ливоніи; а гроссмейстеръ (начальникъ рыцарей, выбиравшійся пожизненно) не хотѣлъ ему уступить. Рыцари теперь оставались безъ дѣла, потому что уже не оставалось болѣе язычниковъ, которыхъ они могли бы обращать, а воевать съ сосѣдними государствами, польскимъ и русскимъ, они боялись; другаго же дѣла кромѣ войны они не знали и потому ссорились между собою, корились и съ гроссмейстеромъ; подчиниться ему они не хотѣли. Каждый изъ нихъ, живя въ своемъ зàмкѣ, привыкъ къ самоволію: онъ могъ дѣлать съ бѣдными латышами, обращенными въ рабы, все чтó угодно: хоть убивать; за это никто не взыскивалъ. Немудрено, что они привыкли къ самоуправству и часто гроссмейстеру приходилось силою усмирять рыцарей и брать приступомъ ихъ крѣпкіе зàмки. Дóма рыцари только и дѣлали, что пьянствовали и развратничали. Жители городовъ, тоже нѣмцы, боялись рыцарей, которые готовы были ихъ грабить и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣли ихъ, да и гроссмейстера мало слушали: у нихъ были свои льготы и за эти льготы они готовы были стоять. Незадолго до того времени прибавилась

еще причина ссоры: въ Ливоніи появилось *лютеранство*, тогда еще новая вѣра, которая очень понравилась въ Германіи, гдѣ не любили власти папы, а лютеранство прежде всего учило, что ненужно слушать папы. Многіе рыцари сдѣлались лютеранами; другіе остались католиками. Начались ссоры и попреки изъ-за вѣры. Время начать войну было самое удобное.

Въ 1554 г. магистръ предложилъ возобновить миръ, которому вышелъ уже срокъ. Начались переговоры. Русскіе потребовали, чтобы притомъ помянули о дани съ *Дерпта* (древняго русскаго Юрьева), которая нѣкогда платилась русскимъ и на которую согласились нѣмцы при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, дядѣ царя. Нѣмцы замѣтили, что русскіе стоятъ на своемъ, рѣшились обмануть: обѣщать дань на письмѣ, и когда придется платить, сказать русскимъ, что платить запретилъ имъ императоръ нѣмецкій, котораго они по имени считали своимъ государемъ. Такъ и сдѣлали: въ 1557 г. пріѣхали въ Москву послы, а дани не привезли. Когда ихъ спросили: «привезли ли дань?» они отвѣтили: «не привезли»; тогда съ ними прекратили всякіе переговоры. Изъ Москвы послали приказъ купцамъ русскимъ остановить торговыя дѣла съ Ливоніею, и начали готовить войско. Узналъ магистръ и заключилъ миръ съ Польшею; но попробовалъ еще разъ обмануть русскихъ: посланы были послы съ обѣщаніемъ дани; но дани не привезли опять. Говорятъ, что царь позвалъ ихъ обѣдать и когда сняли крышки съ блюдъ, послы увидали, что блюда пустыя. Съ тѣмъ послы и уѣхали. Ливонцы не ждали скораго нападенія русскихъ и

все важное дворянство пировало на свадьбѣ какого-то ревельскаго горожанина, когда пронеслась вѣсть, что царскія войска уже вступили въ Ливонію, несмотря на то, что время было зимнее. Войска эти не брали крѣпостей, но жгли, грабили и убивали по пути. Тогда всѣ вели такъ войну; только недавно поняли, что должно сражаться съ непріятелемъ, а безоружныхъ слѣдуетъ щадить. Непріятели тогда не встрѣтили наши войска и спокойно ушли *въ Иванъ-городъ* (рѣка Нарова была тогда границею, на одномъ берегу ея стоялъ нѣмецкій городъ *Нарва*, а на другомъ — русскій *Иванъ-городъ*). Когда писали они нѣмцамъ, чтобы спѣшили покаяться; послушались нѣмцы и послали просить мира. На время остановилась война; но въ самый великій четвергъ нѣмцы съ-пьяна начали стрѣлять изъ Нарвы по Иванъ-городу. Царь велѣлъ наказать за то нѣмцевъ: явилось войско и сожгло нѣсколько селеній. Нѣмцы опять начали стрѣлять, имъ отвѣтили съ Иванъ-города; Нарва загорѣлась и тогда нѣмцы послали въ Москву съ повинною. Царь потребовалъ, чтобы Нарву отдали русскимъ: послы согласились; но когда вернулись назадъ, въ городѣ зашумѣли; къ нимъ пришла подмога изъ Ревеля. Нарва нечаянно загорѣлась; русскіе ворвались въ нее и царь объявилъ городъ русскимъ. Когда магистръ прислалъ сказать, что дерптская дань готова, царь отвѣчалъ ему, что теперь дерптской дани мало и что онъ потребуетъ дани со всей Ливоніи, и война началась еще сильнѣе.

28-го мая русскія войска вступили въ Ливонію и шли съ воеводами *Петромъ Шереметевымъ* и кня-

земъ *Курбскимъ* къ Дерпту. Войско ливонское (всего до 8,000 чел.) не могло успѣшно биться съ русскими и только и надежды было у рыцарей что на города, но и въ городахъ было не лучше. Въ Дерптѣ ливонцы продолжали свои ссоры и тѣ самые, которые кричали, что скорѣе дадутъ 100 талеровъ на войну, чѣмъ одинъ талеръ для мира, не давали ни копѣйки. Лишь только русскіе взяли первый пограничный городъ, самъ магистръ ушелъ отъ войска и за старостью отказался отъ своего званія; выбрали новаго магистра—*Кетлера*, которому пришлось быть послѣднимъ магистромъ ордена ливонскихъ рыцарей.

Тѣмъ временемъ Шереметевъ осадилъ Дерптъ, жители съ отчаянія послали просить помощи у магистра; магистръ отвѣтилъ имъ, что хвалитъ ихъ храбрость, а помочь не можетъ, потому что у самого нѣтъ войска. Послали тогда дерптцы бить челомъ воеводамъ; имъ обѣщаны были разныя льготы. Кто хотѣлъ выѣхать, тѣхъ выпустили и дали караулъ, чтобы съ ними не случилось чего-нибудь дурнаго. Вошедши въ городъ, Шереметевъ повѣстилъ, чтобы ратные люди подъ страхомъ жестокаго наказанія не смѣли обижать горожанъ, а жители не смѣли продавать имъ вина. За порядкомъ смотрѣли строго; каждую ночь караульные объѣзжали городъ, забирали пьяныхъ и буяновъ изъ своихъ. Жителямъ воевода велѣлъ сказать, что готовъ выслушать всѣхъ, кто придетъ жаловаться на ратныхъ людей. Узнавъ о такомъ милостивомъ обращеніи русскихъ, 20 городовъ сдались Шереметеву. Наступила зима и воеводы,

оставивъ только немного людей по городамъ, со всѣмъ своимъ войскомъ возвратились по домамъ.

Узналъ Кетлеръ, что русскихъ людей осталось мало и задумалъ ихъ выгнать. Передъ тѣмъ онъ хотѣлъ было мириться и послалъ просить мира у царя. «Пусть самъ придетъ въ Москву,—отвѣчалъ царь—сколько будетъ покоренъ, столько и милости окажу».—«Лучше смерть, чѣмъ стыдъ!» сказалъ Кетлеръ и сталъ собирать войско. Собралъ до 10,000 чел. и осадилъ *Рингенъ* (близъ Дерпта) и взялъ его, когда у русскихъ недостало зарядовъ, чтобы отразить. Посылалъ свой отрядъ и за границу грабить русскія мѣста, но большихъ городовъ не осаждалъ: такъ мало у него было войска, да и самый Рингенъ скоро оставилъ, убивши съ досады 400 человѣкъ русскихъ. Въ январѣ 1559 г. русскіе опять пришли въ Ливонію: ихъ было 130,000 чел., они разбили магистра и цѣлый мѣсяцъ пустошили Ливонію. Попробовали было ливонцы обратиться за помощью къ королямъ датскому и шведскому; но оба эти короля, уже старики, не хотѣли начинать войны съ Россіею, а только просили царя пощадить Ливонію; царь отвѣчалъ имъ, конечно, что это не ихъ дѣло, они и отступили. Тогда Кетлеръ обратился къ королю польскому *Сигизмунду-Августу*, сыну короля Сигизмунда, послѣднему изъ потомковъ *Ягайлы*.

Между польскимъ королемъ и русскимъ царемъ не было прочнаго мира: въ Польшѣ помнили, что вся Русь западная, которая—какъ мы знаемъ—была тогда во власти великаго князя литовскаго, а великій князь литовскій былъ и польскимъ королемъ,

вся эта Русь, какъ единовѣрная той Руси, которая была подъ властью своего роднаго царя, захочетъ рано или поздно соединиться съ государствомъ этого царя, а не подчиняться власти католиковъ. Тѣмъ только и держалась польская власть въ той странѣ, что русскимъ панамъ было лучше быть заодно съ Польшею, гдѣ паны дѣлали что̀ хотѣли, а въ Москвѣ приходилось слушаться воли государя. Чѣмъ сильнѣе становился царь русскій, тѣмъ больше боялись его въ Польшѣ, гдѣ не могли еще забыть, какъ отецъ тогдашняго царя отнялъ Смоленскъ. Знали, что ему хочется и Кіева и всѣхъ русскихъ городовъ, да и теперь еще русскія войска ходили по Днѣпру на Крымъ и русскій царь принялъ на службу свою казацкаго гетмана. Казаки жили на земляхъ, которыя считались принадлежащими Руси литовской и потому должны бы подчиняться великому князю литовскому. Больше же всего не нравилось полякамъ то, что литовскій государь могъ быть отдѣльнымъ: бывали примѣры, что литвины выбирали себѣ особаго государя. Что̀ если выберутъ они себѣ царя русскаго!—думали поляки и хлопотали всѣми силами, чтобы соединить неразрывно оба государства, чего и достигли немного позже на *сеймѣ люблинскомъ* (1569). По всему этому поляки не могли желать добра Россіи: они даже не хотѣли называть русскаго государя царемъ, чтобы не возвысить его даже именемъ, (объ этомъ велись длинные споры). Какъ же обрадовались въ Польшѣ, когда Кетлеръ явился просить помощи.

Сигизмундъ-Августъ обѣщалъ ему помощь и Кетлеръ поспѣшилъ въ Ливонію.

Пока король собирался начать войну, Кетлеръ вернулся въ Ливонію и спѣшилъ идти къ Дерпту. Въ городѣ засѣлъ князь *Катыревъ-Ростовскій*, который рѣшился обороняться; Кетлеру не удалось взять города страхомъ, а долго стоять подъ городомъ было нельзя: начались холода, ненастье, пронесся слухъ, что идетъ русское войско. Пришлось Кетлеру со стыдомъ отступить. А русское войско шло: оно опустошило Ливонію, взяло крѣпкій *Маріенбургъ*, построенный на озерѣ; озеро замерзло и рать русская подошла къ городу по льду. Весною пришли новые воеводы, въ ихъ числѣ были *князь Курбскій*, такъ храбро бившійся подъ Казанью, и самъ *Алексѣй Адашевъ*, любимецъ царскій. Они разбили старика *Фюрстенберга*, бывшаго магистра, лучшаго изъ всѣхъ воиновъ нѣмецкихъ: вышелъ Фюрстенбергъ изъ *Феллина* и сталъ за болотами. Онъ думалъ, что русскіе не пойдутъ чрезъ болото и ошибся: русскіе перешли черезъ болото; *Курбскій* заманилъ Фюрстенберга къ тому мѣсту, гдѣ стояла засада и старикъ едва успѣлъ бѣжать въ *Феллинъ*. Вслѣдъ за тѣмъ 60,000 чел. русскихъ пошли къ *Феллину*. То былъ городъ крѣпкій, его защищали три каменныя крѣпости и глубокіе рвы; въ немъ было 450 пушекъ и множество запасовъ. Когда же подошли русскіе къ городу, они начали стрѣлять: въ городѣ загорѣлось. Перепугались нѣмцы и попросили мира, воеводы наши согласились и обѣщали всѣмъ свободу, требовали только выдачи Фюрстенберга. Его повезли плѣнни-

комъ въ Москву. Кетлеръ былъ въ бѣшенствѣ, перевѣшалъ многихъ изъ воиновъ, которые не могли отстоять разныхъ городовъ отъ русскихъ, но горю не помогъ: города сдавались безъ боя и русскіе били не только нѣмцевъ, но и поляковъ, пришедшихъ на помощь нѣмцевъ. Кетлеръ сталъ уже думать не о томъ, какъ защитить орденъ, а объ томъ, кому бы его выгоднѣе продать. Сосѣди готовились вступить въ Ливонію, чтобы заранѣе захватить богатую добычу. Шведы захватили Ревель. Кетлеръ поторопился отдать свою землю королю польскому въ полное владѣніе и только выговорилъ себѣ въ полное владѣніе Курляндію (1561 г.). Такъ кончился орденъ и Россіи пришлось воевать уже съ Польшею и со Швеціею.

Въ Москвѣ тѣмъ временемъ сдѣлалась важная перемѣна: царь Иванъ Васильевичъ сдѣлался грознымъ къ своимъ боярамъ. Началось съ того, что осенью 1569 г. возвращался онъ съ царицею съ богомолья; въ Можайскѣ она захворала. Сдѣлалась безпутица: ѣхать было дальше нельзя. Въ болѣзни царица сказала боярамъ нетерпѣливое слово: бояре обидѣлись. Узналъ объ этомъ царь и разсердился: онъ все еще не могъ забыть, какъ у его постели, когда онъ умиралъ, крамольничали бояре и не хотѣли признавать царемъ его сына. Зналъ онъ, что и главные его совѣтники, *Сильвестръ* и *Адашевъ*, не любятъ царицы. Тогда-то, раздосадованный, онъ послалъ Адашева воеводою въ Ливонію; а Сильвестръ самъ выпросился на покой въ Кириловъ монастырь. Когда ушли отъ царя прежніе его совѣтники, появились у него новые. Эти новые стали ему наговари-

вать на прежнихъ, и недовольный царь охотно вѣрилъ новымъ совѣтникамъ. Тѣмъ временемъ Анастасія, поправилась-было, но въ іюлѣ 1560 г. сдѣлался въ Москвѣ пожаръ: загорѣлось на Арбатѣ. Поднялся вѣтеръ и пошелъ дальше по деревяннымъ и тѣснымъ улицамъ, горѣли Арбатъ, Чертолье (теперь Пречистенка), Новинское. Пожаръ испугалъ царицу; царь, еще живую, отвезъ ее въ *Коломенское*, а самъ пошелъ тушить пожаръ. Въ этотъ день потушили, а чрезъ два дня пожары возобновились. Царицѣ, которую привезли въ Кремль, становилось все хуже и хуже, и, наконецъ, 7-го августа она скончалась. Неутѣшно плакалъ по ней царь: его должны были поддерживать подъ руки. Плакала вся Москва, провожая ее въ Вознесенскій монастырь, гдѣ тогда хоронили царицъ. Говорили, что даже нищіе пришли не за милостынею, которую тогда щедро раздавали, а для того, чтобы оплакать свою кормилицу и поилицу.

Тогда новые совѣтники царскіе стали увѣрять царя, что царицу извели Сильвестръ, Адашевъ и друзья ихъ. Повѣрилъ царь, собралъ во дворцѣ своемъ бояръ, митрополита и другихъ архіереевъ, и приказалъ имъ судить тѣхъ, кого называли измѣнниками. «Позовите ихъ — сказалъ митрополитъ — мы выслушаемъ, что они скажутъ.» — «Развѣ не знаешь — стали кричать совѣтники царскіе — что колдуютъ силою дьявольскою? они заворожили царя, заворожатъ и насъ». Тогда всѣ вѣрили въ колдовство и митрополитъ замолчалъ. Сильвестра и Адашева осудили за глаза: Сильвестра сослали въ Соловки; Адаше-

ва посадили въ тюрьму въ Дерптѣ, гдѣ онъ и умеръ. Всѣхъ друзей ихъ разослали въ ссылку. Потомъ иные изъ нихъ были казнены. Царь началъ подозрѣвать всѣхъ, а совѣтники еще прибавляли къ его подозрѣніямъ и старались наговаривать на кого могли; царя веселили пирами, да травлями. Когда умеръ Адашевъ, они не постыдились сказать: «Вотъ твой измѣнникъ самъ отравилъ себя!» Тогда-то Вишневецкій, который такъ много помогъ въ Крымскомъ походѣ, спѣшилъ опять уѣхать изъ Москвы. Такъ почти па сто лѣтъ потеряна была возможность взять подъ царскую руку казаковъ днѣпровскихъ; только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ гетманъ Хмельницкій подчинился Россіи.

Тѣмъ временемъ поляки вошли въ Ливонію; но сначала дѣло проходило въ неважныхъ сшибкахъ; поляки даже начинали переговоры и хотѣли добиться Ливоніи. Паны просили митрополита помочь имъ: «Незнаю мірскихъ дѣлъ» — отвѣчалъ Макарій; царь же отвѣчалъ прямо: «Не отдаю Ливонію; пусть знаетъ король польскій, что и Литва — моя вотчипа, пусть исправится, пока есть время, или ждетъ себѣ наказанія.»

Переговоры кончились. Въ декабрѣ 1562 г. самъ царь собралъ большое войско: у него было — говорятъ — 80,000 конницы, болѣе 200,000 пѣхоты и 200 пушекъ; при войскѣ было три бывшихъ царя казанскихъ, четыре царевича татарскихъ и князь Володиміръ Андреевичъ. Царь шелъ на крѣпкій *Полоцкъ* (Витебской губерніи). Король испугался; любимецъ его князь Радзивилъ пошелъ на выручку города; но

*

пока онъ шелъ, царь занялъ уже часть города. Въ городѣ открылся голодъ, потому что изъ окрестностей всѣ сбѣжались въ его крѣпкія стѣны; оттого припасовъ недостало; а подвозу и быть не могло: русскіе со всѣхъ сторонъ окружили городъ. Воевода городской *Довойна* думалъ-думалъ, что дѣлать, и придумалъ выслать изъ города всѣхъ лишнихъ; такъ прогнано было 20,000 человѣкъ. Въ городѣ поднялся ропотъ, царь принялъ всѣхъ высланныхъ ляховъ, велѣлъ ихъ кормить и одѣть; въ городъ послалъ сказать: «Отвôрите добровольно, ждите милости; не отвôрите — буду казнить». Тогда полочане потребовали отъ своего начальника, чтобы онъ сдалъ городъ; послушался Довойна и впустилъ русскихъ. Воевода былъ отосланъ въ Москву; всѣ деньги казенныя были взяты на царя: много серебра и золота; войску, которое стояло въ Полоцкѣ, позволено было или уйдти, или остаться на службѣ царской; кто уходилъ, тѣмъ не дѣлали вреда. Въ Полоцкѣ царь оставилъ воеводою *князя Петра Ивановича Шуйскаго*, и далъ ему наказъ: городъ укрѣпить нà-спѣхъ; въ крѣпость никого безъ нужды не пускать; горожанъ не притѣснять, а судить ихъ по ихъ старымъ обычаямъ. Такъ Радзивилъ ничего не сдѣлалъ противъ русскихъ.

Устроивъ все въ Полоцкѣ, царь поѣхалъ въ Москву. По дорогѣ народъ весело сбѣгался ему на встрѣчу. У Москвы тоже далеко за городомъ встрѣтилъ его народъ; митрополитъ ожидалъ его у церкви *Бориса и Глѣба* (на Арбатѣ). Отсюда царь пошелъ пѣшкомъ въ соборы. Съ Польшею заключено было

перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Завязались переговоры. Поляки воспользовались этимъ временемъ и собрались съ силами: въ началѣ 1564 г. *Радзивилъ* разбилъ у Орши князя Шуйскаго. Русскіе побѣжали; поляки разграбили область Дерптскую. Около того же времени царь узналъ другую горькую новость: одинъ изъ лучшихъ его воеводъ *князь Андрей Курбскій*, другъ Адашева, котораго царь щадилъ за его храбрость, вдругъ ушелъ въ Польшу и получилъ разныя милости отъ короля: король былъ радъ такому знатному измѣннику. Скоро Курбскій затѣялъ дерзкую переписку съ царемъ: писалъ ему укоры; царь отвѣчалъ на его письма тоже укорами и тѣмъ больше опалялся противъ бояръ. Если Курбскій (думалъ царь) бѣжалъ отъ одного гнѣвнаго слова, которое сказалъ царь два года тому назадъ, когда его разбили поляки, то чего-же ждать отъ другихъ? И сталъ думать царь, какъ бы сдѣлать, чтобы избавиться измѣны: онъ никому больше не вѣрилъ. Думалъ онъ долго и, наконецъ, придумалъ.

3-го декабря 1564 г. приказалъ царь уложить въ сани все свое золото, серебро, посуду, одежду, кресты и образа, велѣлъ боярамъ и духовенству придти въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ служилъ обѣдню. Послѣ обѣдни царь простился со всѣми, сѣлъ въ сани съ царевичами и царицею (тогда онъ былъ женатъ во второй разъ на горской княжнѣ *Маріѣ Темрюковнѣ*), велѣлъ ѣхать за собою нѣкоторымъ своимъ любимцамъ и отряду конницы. Въ Москвѣ не знали, куда онъ уѣхалъ, только черезъ мѣсяцъ провѣдали, что онъ живетъ въ *Александровской слободѣ* (теперь го-

родъ Александровъ, Владимірской губерніи); узнали потому, что отъ царя пріѣхалъ гонецъ и привезъ двѣ граматы митрополиту и горожанамъ. Къ митрополиту царь писалъ о томъ, какъ много мятежей и неправдъ видѣлъ онъ прежде отъ бояръ. «И теперь они таковы же» — писалъ царь — «воеводы не хотятъ служить отечеству и выдаютъ его врагамъ; когда же я по правдѣ разгнѣваюсь на нихъ, то митрополитъ и духовенство начинаютъ просить за виноватыхъ, и тѣмъ досаждаютъ царю и огорчаютъ его. Не хочу больше сносить этого; оставляю царство и поселюсь, гдѣ Богъ укажетъ». Къ горожанамъ писалъ царь, что къ нимъ онъ милостивъ и на народъ не гнѣвается. Граматы были прочитаны вслухъ. Народъ взволновался. Приступили къ митрополиту, стали просить его, чтобы онъ умилостивилъ царя; говорили, что сами готовы растерзать царскихъ измѣнниковъ. Духовенство и бояре поѣхали въ слободу. Иванъ Васильевичъ допустилъ ихъ къ себѣ и, послѣ долгихъ просьбъ, сказалъ, что для митрополита и архіереевъ принимаетъ опять державу.

2-го февраля царь опять пріѣхалъ въ Москву, собралъ всѣ чины, духовные и свѣтскіе, и объявилъ имъ свою волю: онъ опять принимаетъ державу, но только съ тѣмъ, чтобъ не мѣшали ему наказывать измѣнниковъ и ослушниковъ воли царской, казнить ихъ, отбирать имѣніе и дѣлать, что̀ ему угодно. Не вѣрилъ онъ прежнимъ своимъ слугамъ и потому набралъ 1,000 человѣкъ, съ которыхъ взялъ присягу, что они готовы жертвовать царю всѣмъ и жизнью, и друзьями, и родными. Этихъ людей онъ на-

звалъ *опричниками*; а на содержаніе себя и опричины назначилъ около 30 городовъ съ ихъ уѣздами. Въ Москвѣ отдѣлилъ себѣ нѣсколько улицъ и даже велѣлъ заложить новый дворецъ между *Арбатомъ* и *Никитскою*. Все остальное государство поручилъ въ управленіе боярамъ, которыхъ назвалъ земскими. Всѣ важныя дѣла эти бояре должны были докладывать царю.

Устроивъ опричину, царь казнилъ тѣхъ изъ бояръ, которымъ вѣрилъ меньше другихъ. Тяжелы стали опричники землѣ: они дѣлали, что̀ хотѣли; царь не вѣрилъ, когда ему жаловались на опричниковъ, а опричникамъ всегда вѣрилъ. Они тѣшились надъ всякимъ, и никто слова противъ нихъ не могъ сказать. Въ Москвѣ царь жилъ мало, а больше въ слободѣ, гдѣ дворецъ былъ какъ крѣпость. Часто нападало на него раздумье и онъ долго и много молился Богу; а потомъ опять или подбивали его, или самъ пугался чего нибудь и грознымъ пріѣзжалъ въ Москву.

Тѣмъ временемъ съ Польшею начались переговоры: поляки отдавали Полоцкъ, хотѣли только Ливоніи. Ливонія нужна имъ потому, что здѣсь было много крѣпостей и отличныя гавани для судовъ. Царь не хотѣлъ отдать Ливоніи: не даромъ такъ много лѣтъ думалъ объ ней; за нее онъ готовъ былъ отдать безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ, готовъ былъ заплатить выкупъ за русскихъ плѣнныхъ. Поляки спорили. Тогда царь задумалъ собрать выборныхъ со всей Русской Земли и спросить ихъ: отдать ли Ливонію Польшѣ? Выборные съѣхались 2-го іюля 1566 г. и въ

одинъ голосъ сказали, что отступить отъ Риги и другихъ городовъ нельзя: тогда поляки всегда будутъ грозить Новгороду и Пскову: «Пусть будетъ миръ или война, какъ угодно государю, задумаетъ воевать, мы благословляемъ такую мысль» (сказали духовные). «Мы холопы государевы и если къ его дѣлу годны, то готовы головы класть» — сказали служилые люди. «Мы люди не служилые—говорили купцы:—службы не знаемъ, вѣдаетъ дѣла Богъ, да государь; за животы же свои не стоимъ, готовы и головы сложить, только чтобы была государева рука вездѣ высока и побѣдительна».

Затѣмъ стали готовиться къ войнѣ: строить крѣпости, собирать войска. Самъ царь вышелъ изъ Москвы (въ 1667 г.), да вернулся съ дороги: онъ услыхалъ, что въ Ливоніи язва. Все дѣло кончилось тѣмъ, что русскіе жгли и пустошили земли ливонскія; поляки—русскія; настоящей войны не было. А скоро (1570 г.) заключено было перемиріе на три года: паны представили царю, что по смерти Сигизмунда выберутъ въ короли его самого, или одного изъ царевичей. Въ Польшѣ короли выбирались: умиралъ король, сходилось все дворянство (шляхта) и выбирали короля, на котораго всѣ соглашались. Пока были несогласные, короля не считали королемъ, оттого нерѣдко дѣло доходило до драки: тѣ, которыхъ было больше, заставляли остальныхъ силою признать своего короля. До сихъ поръ выбирали изъ одного рода ягайлова; но у Сигизмунда дѣтей не было и съ нимъ родъ королевскій кончился.

Тѣмъ временемъ нашелся еще новый врагъ —

турки. Турецкому султану Сулейману (который завоевалъ много земель и при которомъ турки были такъ сильны, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ) обидно было видѣть, что христіанскій царь завладѣлъ мусульманскими царствами, Казанью и Астраханью. Султанъ считалъ себя главою всѣхъ мусульманъ (т. е. вѣрующихъ въ Магомета, что у насъ называется *бусурманъ*) и хотѣлъ, чтобы и эти царства покорялись ему, какъ покорялся ему царь крымскій. Оттого онъ и затѣялъ послать на Астрахань крымскаго царя и свои войска. Крымскій царь принялся за это дѣло неохотно: онъ хотѣлъ бы покорить самому себѣ всѣ татарскія царства, а не туркамъ, и потому тянулъ дѣло и даже писалъ о томъ въ Москву. Сулейманъ умеръ, но сынъ его *Селимъ* не бросилъ отцовскаго дѣла и велѣлъ хану Девлетъ-Гирею готовиться къ походу, велѣлъ также выступить и кафинскому пашѣ (теперь Ѳеодосія въ Крыму; Кафа-городъ тогда принадлежалъ туркамъ). Всѣхъ войскъ у нихъ было около 100,000 человѣкъ и идти они должны были Дономъ, при устьяхъ котораго стоитъ городъ *Азовъ*, тогда турецкій. На Дону турки не встрѣтили никакого препятствія: царь зналъ самъ, какъ труденъ походъ въ этихъ мѣстахъ и потому почти не думалъ обороняться. Турки, когда дошли до того мѣста, гдѣ Донъ подходитъ близко къ Волгѣ, затѣяли копать каналъ, чтобы имъ перевести суда изъ одной рѣки въ другую; но дѣло было трудное и потому бросили его, только даромъ потративши время, и пошли сухопутьемъ въ Волгу. На походѣ къ Астрахани, когда паша, боясь идти на городъ, задумалъ строить

зимовье, турки взбунтовались, къ нимъ пристали и татары: хану походъ этотъ былъ противенъ. Ктому же паша узналъ, что идетъ сильная рать русская на помощь городу; тогда онъ рѣшился идти назадъ. Ханъ повелъ его безводною степью. Много турокъ погибло по пути и только одна треть возвратилась домой. Пашѣ было бы плохо, если бы онъ не догадался послать подарки султанскимъ любимцамъ; у турокъ и теперь еще за деньги можно отъ всего откупиться. Больше турки не безпокоили Россіи, потому что начали войну съ венеціанцами: торговый городъ Венеція въ Италіи, тогда былъ богатъ и силенъ; у него были большія владѣнія въ сосѣдствѣ съ турками и много кораблей.

Подвести турокъ и не дать имъ завладѣть бывшимъ татарскимъ царствомъ, было пріятно хану крымскому; но также пріятно было ему грабить и жечь Россію и потому въ 1571 г. онъ вышелъ въ походъ, распуская слухъ, что идетъ на Астрахань, а самъ шелъ къ Москвѣ. Царь сталъ-было въ Серпуховѣ защищать берега Оки, но скоро уѣхалъ къ себѣ въ слободу, а оттуда въ Ярославль; воеводы не успѣли сберечь переправы и ханъ шелъ уже къ столицѣ. Тогда воеводы спѣшили перегнать его и заслонить городъ. Татары разсудили, что сжечь предмѣстіе лучше, чѣмъ приступать къ стѣнамъ или биться. Отъ предмѣстія пожаръ перекинуло въ Кремль: церкви разсѣдались отъ пожара; люди, которые были въ церквахъ или каменныхъ погребахъ, задыхались: такъ задохся въ своемъ погребѣ раненый князь Бѣльскій; въ кремлевскихъ палатахъ толстыя желѣзныя связи

перегорѣли и изломались отъ жара. Ханъ не пошелъ въ это пламя, а остановился въ селѣ Коломенскомъ. Потомъ, возвращаясь назадъ, послалъ грамату, въ которой требовалъ отдачи Астрахани и Казани. Царь, чтобы выиграть время, обѣщался вступить въ переговоры объ Астрахани.

Не надѣялся ханъ на обѣщаніе царское и лѣтомъ 1572 г. собралъ 120,000 войска и опять пошелъ къ Москвѣ. У Оки ждалъ его воевода *князь Воротынскій*. Ханъ отобралъ 20,000 войска, и послалъ ихъ къ Москвѣ, а остальнымъ велѣлъ перестрѣливаться съ русскими; русскіе отстрѣливались до вечера, а къ ночи самъ ханъ переправился черезъ Оку. Воротынскій узналъ это и погнался за нимъ. Онъ догналъ его па берегу рѣки *Лопасни*, въ 50-ти верстахъ отъ Москвы. Было нѣсколько сшибокъ; много татаръ убито. Увидѣлъ ханъ, что не пробраться ему къ Москвѣ и бѣжалъ ночью. Болѣе онъ уже не тревожилъ Россіи при Иванѣ Васильевичѣ.

Царь этимъ временемъ все оставлялъ опричину и много зла она надѣлала Россіи: много людей подпало черезъ нее царскому гнѣву, подпалъ и митрополитъ Филиппъ.

Изъ рода бояръ *Колычевыхъ*, Филиппъ, рано возлюбилъ постническую жизнь и 30-ти лѣтъ отъ роду въ 1537 г. постригся въ строгомъ монастырѣ Соловецкомъ. Своимъ постничествомъ, умомъ и строгою жизнью онъ заставилъ братью полюбить себя; его выбрали въ игумены. Сталъ онъ тогда наблюдать, чтобы монахи жили честно; завелъ во всемъ порядокъ; устроилъ богатыя вотчины монастырскія и поряд-

комъ, который завелъ, увеличилъ съ нихъ доходъ; поправилъ монастырскія строенія, завелъ разныя ремесла. Тогда былъ обычай, чтобы игумены монастырей пріѣзжали къ царю въ Москву и царь давалъ имъ подаянія. Филиппъ также ѣздилъ въ Москву; узнали его бояре, узналъ и царь, и всѣ полюбили святаго инока. Умеръ митрополитъ Макарій. *Аѳанасій*, выбранный на его мѣсто, отпросился на покой. Царь хотѣлъ сдѣлать митрополитомъ *Германа*, владыку казанскаго. Германъ сталъ поучать царя какъ ему жить; не понравилось это царю, а любимцы нашептали ему, что Германъ хочетъ быть вторымъ Сильвестромъ. Тогда царь вспомнилъ о Филиппѣ и вызвалъ его.

Филиппъ пріѣхалъ и объявилъ, что только тогда приметъ паству, когда царь уничтожитъ опричину. Прогнѣвался царь. «Я не искалъ великаго сана — сказалъ Филиппъ — да позволитъ мнѣ царь удалиться.» Стали духовные уговаривать Филиппа. Онъ послушался, обѣщался «не вступаться въ опричину и домашній царскій обиходъ», и поставленъ въ митрополиты.

Вскорѣ донесли царю, что самые важные бояре и князь Володиміръ Андреевичъ затѣваютъ пристать къ Польшѣ. Царь задумалъ испытать своихъ бояръ и велѣлъ тайно передать имъ письмо, какъ будто отъ польскаго короля. Бояре отвѣчали на это письмо бранью; но не повѣрилъ царь: показалось ему, будто они догадались, откуда пришли письма и началъ онъ опять казнить. Бояре просили митрополита заступиться; но святой отецъ вспомнилъ свой

обѣтъ и хоть съ горемъ, но промолчалъ. Все-таки опричники не могли ему простить, что онъ хотѣлъ уничтожить опричину и не переставали клеветать на него.

Разъ, 28-го іюля 1568 г., Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ были царь и бояре. Митрополитъ шелъ крестнымъ ходомъ по стѣнѣ и сбирался читать евангеліе: оглянувшись назадъ, видитъ онъ одного опричника въ тафьѣ (шапочка, какую носятъ татары, брѣющіе голову). «Державный царь! — сказалъ митрополитъ — долженъ ли благочестивый слѣдовать магометанской вѣрѣ?» — «Какъ!» сказалъ царь. — «Посмотри на служителя своего: онъ точно изъ лика сатанинскаго.» А опричникъ успѣлъ уже спрятать тафью. Государь, которому уже прежде наговорили на Филиппа, подумалъ, что онъ все выдумалъ и началъ его укорять. За тѣмъ ушелъ и нарядилъ судъ. На судѣ стали говорить противъ Филиппа не только опричники, но и многіе духовные, даже соловецкій игуменъ *Паисій*, назначенный на его мѣсто. «Что посѣешь, то и пожнешь», сказалъ Филиппъ Паисію, а царю сказалъ онъ: «Умру такъ же честно, какъ жилъ и готовъ лучше умереть, чѣмъ оставаться митрополитомъ и терпѣть всякія беззаконія.»

Прошло нѣсколько недѣль. Филиппа не трогали. Разъ, 8-го ноября, служилъ онъ въ Успенскомъ соборѣ; въ церковь пришелъ одинъ изъ царскихъ любимцевъ *Алексѣй Басмановъ*, съ бумагою въ рукѣ; за нимъ толпа опричниковъ; митрополита схватили, совлекли съ него ризы святительскія, одѣли въ

платье простаго монаха и вывезли въ одинъ изъ московскихъ монастырей; оттуда отправили въ *Отрочъ монастырь*. Народъ бѣжалъ за святымъ мученикомъ, плакалъ и рыдалъ. «Молитесь, молитесь!»—говорилъ старецъ, благословляя народъ.

Въ 1569 г. какой-то волынецъ *Петръ* донесъ царю, что новгородцы написали грамату къ королю польскому; его послали на слѣдствіе въ Новгородъ и онъ привезъ оттуда грамату, которую нашелъ будто бы за образомъ въ Софійскомъ соборѣ. Царь разгнѣвался, послалъ впередъ себя войско занять монастыри около Новгорода и заставить всѣ пути, а за войскомъ вслѣдъ поѣхалъ и самъ. По дорогѣ послалъ просить благословенія у Филиппа. «Я благословляю только добрыхъ и на доброе» — отвѣтилъ св. мученикъ и тутъ же царскій посланный *Малюта Скуратовъ* задушилъ его.

Въ крещенье пріѣхалъ царь въ Новгородъ. На мосту встрѣтилъ его съ крестомъ архіепископъ: «Злочестивый! — сказалъ ему царь — ты держишь въ рукахъ не крестъ, а оружіе. Ты со своими единодумцами замыслилъ предаться польскому королю». Вечеромъ велѣлъ онъ схватить его. На другой день вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ поѣхалъ царь на *Городище* (близъ Новгорода); сюда приводили къ нимъ людей, которыхъ царь судилъ и приказывалъ казнить: больше топили въ проруби въ Волховѣ. Такъ продолжалось до 13-го февраля. Тогда царь позвалъ къ себѣ выборныхъ по человѣку съ улицы и сказалъ имъ: «Судитъ Богъ общему нашему измѣннику, владыкѣ Пимену: вся та кровь взыщется на

немъ и на его совѣтникахъ, а вы теперь живите, не печальтесь.»

Изъ Новгорода царь поѣхалъ во Псковъ; но здѣсь никого не казнилъ; говорятъ, что сердце его смягчилъ блаженный *Никола Салосъ*, который разъѣзжалъ на палочкѣ и говорилъ царю: «Покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови».

Чтó же было тогда въ Ливоніи? Слухъ о казняхъ въ Москвѣ дошелъ и до Ливоніи, и боялись ливонцы покориться грозному царю. Тогда двое плѣнныхъ, *Таубе* и *Крузе*, предложили Ивану Васильевичу поискать такого князя, котораго можно было сдѣлать подъ своею рукою государемъ Ливоніи. Говорили они царю, что такой князь есть: братъ датскаго короля, Магнусъ, живетъ на островѣ *Эзелѣ* (у береговъ Ливоніи, теперь въ Лифляндской губерніи) и что того Магнуса можно уговорить сдѣлаться королемъ ливонскимъ подъ рукою великаго государя. Ливонцамъ обѣщали сохранить ихъ права и льготы, не порочить ихъ вѣры, даже давать, когда нужно, помощь, только чтобы Магнусъ помогалъ царю, когда потребуется и не задерживалъ тѣхъ, которые ѣдутъ въ Россію. Магнусъ пріѣхалъ въ Москву; царь обѣщалъ отдать за него племянницу свою, дочь Володиміра Андреевича и отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ шелъ добывать *Ревель*, которымъ завладѣли Шведы. Осада не удалась. Шведы подвезли запасы къ городу моремъ, а въ русской рати, бывшей съ Магнусомъ, показалась зараза. Магнусъ остался однако до зимы, но все-таки долженъ былъ уйти, ничего не сдѣлавши. Таубе и Крузе, боясь царскаго

гнѣва, рѣшились перебѣжать къ шведамъ или полякамъ; но чтобы ихъ лучше приняли, задумали завладѣть Дерптомъ. Они вошли въ городъ со своимъ полкомъ и начали избивать русскихъ; но русскіе разбили ихъ и прогнали. Тогда и Магнусъ подумалъ, что можно и его заподозрить, и ушелъ опять на островъ *Эзель*. Царь спѣшилъ его успокоить и обѣщалъ самъ придти къ нему на помощь. Магнусъ опять ободрился.

Въ 1572 г. умеръ король польскій *Сигизмундъ-Августъ*. Въ Польшѣ и Литвѣ начались смуты: каждый почти панъ хотѣлъ своего государя; особенно ссорились литовцы съ поляками; литовцамъ сильно не правилось то соединеніе Польши съ Литвою, которое сдѣлано было въ концѣ царствованія Сигизмунда насильно и съ хитростями; литовцы знали, что оно выгодно для поляковъ. Поляки теперь надѣялись захватить себѣ всѣ должности въ Литвѣ и накупить здѣсь земель; ктому же, какъ католики, поляки думали обратить въ латинство и Литву, гдѣ почти весь народъ и много пановъ были православными. Православные и хотѣли выбрать королемъ польскимъ царевича Ѳеодора. Но царь хотѣлъ, чтобы выбрали его самого, если не королемъ, то по крайней мѣрѣ великимъ княземъ литовскимъ; только онъ забылъ дарить пановъ, а это было всего нужнѣе; оттого и вспомнили, что онъ и въ Москвѣ казнилъ много бояръ; вспомнили, что онъ и туркамъ врагъ, (а турокъ боялись въ Польшѣ) и королемъ выбрали *Генриха*, брата французскаго короля Карла. Карлъ скоро умеръ и Генрихъ послѣ него остался наслѣд-

никомъ; ему пріятнѣе было царствовать въ своей землѣ. Тогда онъ бѣжалъ изъ Польши. Опять начались ссоры между панами и выбрали наконецъ въ 1576 г. королемъ *Стефана Баторія*, подручника турокъ князя *Седьмиградскаго* (теперь Трансильванія, область австрійская).

Пока въ Польшѣ шли споры, царь самъ пошелъ въ Ливонію на шведовъ и взялъ съ собою Магнуса. Въ декабрѣ 1572 г. осадилъ онъ крѣпость *Виттенштейнъ* (въ Эстляндіи); при осадѣ былъ убитъ его любимецъ Малюта. За то, когда крѣпость была взята, царь велѣлъ сжечь плѣнниковъ, самъ же вернулся въ Новгородъ; а шведы пришли и разбили Магнуса. Царь послалъ переговариваться о мирѣ; а Магнуса позвалъ въ Новгородъ и здѣсь отпраздновалъ его свадьбу.

Въ разныхъ переговорахъ и мелкихъ сшибкахъ тянулось все время, пока Баторій не укрѣпился на престолѣ. Иванъ Васильевичъ не считалъ его врагомъ опаснымъ и видя, что отъ поляковъ ему ждать нечего, напалъ (въ 1577 г.) на ту часть Ливоніи, которую заняли поляки. Магнусъ тоже занялъ нѣкоторые города и заставилъ ихъ присягать себѣ, какъ ливонскому королю.

Царь былъ разсерженъ тѣмъ, какъ смѣлъ Магнусъ это сдѣлать безъ его позволенія и пошелъ отнимать тѣ города, которые онъ занялъ. Самъ Магнусъ былъ въ *Венденѣ* и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Царь подошелъ къ Вендену; потребовалъ къ себѣ Магнуса, тотъ пришелъ и поклонился царю въ землю. Царь велѣлъ запереть его въ какую-то хижину,

но городъ не сдался: «Умремъ и не отдадимся на муки — говорили начальники города:—умремъ, если Богъ не сотворитъ для насъ чуда». Три дня осаждали городъ и, наконецъ, ворвались. Воины, сидѣвшіе въ крѣпости, ушли въ домъ бывшихъ магистровъ: здѣсь пріобщились; потомъ подожгли порохъ, заранѣе положенный подъ домъ, и взлетѣли на воздухъ. Царь взялъ еще нѣсколько городовъ и, возвращаясь въ Россію, отпустилъ къ Стефану одного плѣннаго поляка, приказывая сказать королю: «Видишь ли мое величіе? мирись, если не хочешь погибнуть!»

Едва ушелъ царь изъ Ливоніи, его воеводы не могли стоять противъ поляковъ, соединившихся со шведами, и города начали сдаваться одинъ за другимъ. Самъ Магнусъ, котораго царь отпустилъ въ Ливонію, перешелъ къ полякамъ. Въ 1579 году въ Москвѣ узнали, что король польскій выступаетъ въ походъ самъ и идетъ къ Полоцку. Полоцкіе воеводы больше трехъ недѣль держались въ дубовой крѣпости и оборонялись храбро: когда загоралось гдѣ-нибудь, жители, даже женщины и старики, тушили пожаръ, спускались со стѣны по веревкамъ за водою; многихъ убивали, тогда другіе становились на ихъ мѣсто. Тяжело было и рати короля польскаго: трудно было добывать припасы въ краю лѣсномъ, гдѣ людей мало и гдѣ еще недавно велась война. Король придумалъ зажечь городъ съ разныхъ сторонъ; сдѣлался пожаръ; жители гасили цѣлый день и ждали помощи; помощи не приходило; пришлось сдаваться. Послѣ Полоцка Баторій взялъ *Соколъ*, гдѣ

перерѣзано было до 4,000 русскихъ, и потомъ воротился въ свою землю.

Въ 1580 году Баторій опять выступилъ въ походъ. Долго онъ собирался, потому что поляки не давали денегъ: по ихъ обычаю, чтобы собрать деньги, надо было созвать выборныхъ изъ дворянства (шляхты). Деньги Баторію нужны были и по тому-что войско у него было наемное: тогда были такіе люди, которые нанимались на военное время; это были люди привычные къ войнѣ, а то войско, которое собиралось на военное время, а на мирное распускалось, было и своевольнѣе, и меньше привычное. Такъ польская шляхта не хотѣла служить у Баторія въ пѣхотѣ; по ихъ обычаю конная служба была почетнѣе пѣхотной: въ старинные годы все дворянство служило на коняхъ, оттого воинъ и назывался по-нѣмецки *рыцарь* (конникъ). Справился Баторій съ своими поляками и пошелъ на Русь; взялъ нѣсколько городовъ, опустошилъ землю и вернулся назадъ.

На третій годъ Баторій занялъ денегъ и вытребовалъ отъ своей шляхты, чтобы она собрала деньги за два года впередъ, потому что неудобно всякій разъ останавливать войну и просить денегъ. На этотъ разъ Баторій пошелъ ко Пскову. Псковъ былъ крѣпость сильная, потому что псковичи, которымъ такъ часто приходилось драться съ ливонцами, только и думали о томъ, какъ бы укрѣпить свой городъ. Воеводою въ городѣ былъ князь *Иванъ Петровичъ Шуйскій*; войска сидѣло въ городѣ до 12,000 человѣкъ; но у Баторія было до 100,000 человѣкъ. Когда король подступилъ къ крѣпости, то увидѣлъ,

что крѣпость эта сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ, и что у него мало военныхъ запасовъ, но дѣлать ужъ было нечего. 1-го сентября начали осаду, а 8-го пробили стѣну и пошли на приступъ: непріятели ворвались въ проломъ и взяли двѣ башни. Русскіе начали было отступать, тогда князь *Шуйскій* сталъ уговаривать ихъ стоять крѣпко. Пришелъ печерскій игуменъ со крестомъ и ратные люди прогнали войска польскія; одну башню взорвали, изъ другой прогнали венгровъ, служившихъ у Баторія. Послѣ этой неудачи, король долго не могъ ничего дѣлать: у него не было пороху; послалъ онъ за нимъ къ Кетлеру. Привезли порохъ, стали еще дѣлать приступы, подкапывать подкопы; но все напрасно: приступы отбивали; узнавали гдѣ подкопы, пробирались туда, и рѣзали непріятелей. Когда подходили польскія войска, то стали ихъ убивать изъ оконъ, прорѣзанныхъ въ стѣнѣ; обливали со стѣнъ горячею смолою и кипяткомъ. Въ войскѣ польскомъ начался ропотъ, потому что припасы къ нимъ не шли, а чтобы городъ сдался, этого и надѣяться скоро было нельзя: сколько ни посылалъ Баторій граматъ во Псковъ, сколько ни обѣщалъ льготъ, воеводы и слышать не хотѣли о сдачѣ. Королю надо было ѣхать на *сеймъ* (шляхетское собраніе), но у него правою рукою были *Замойскій*. Замойскій остался подо Псковомъ и строгостью успѣлъ заставить замолчать тѣхъ, которые роптали; онъ былъ справедливъ: одинаково наказывалъ и знатныхъ, и незнатныхъ. Полякамъ оставалось только стоять: они не взяли не только Пскова, но и Печерскаго монастыря. Пока русскіе

храбро отстаивали Псковъ, шведы вели войну въ Ливоніи. Ихъ воевода *Делагарди* взялъ *Гапсаль*, потомъ *Нарву*, *Иванъ-городъ*, даже старые русскіе города *Ямъ* (теперь *Ямбургъ*) и *Копорье*.

Тяжела была двойная война царю: онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ помириться съ Польшею. Всѣ попытки, которыя онъ дѣлалъ, до сихъ поръ были неуспѣшны: Баторій требовалъ всей Ливоніи и не могъ забыть, что въ началѣ царь не хотѣлъ назвать его «братомъ» (государи обыкновенно зовутъ другъ друга братьями), а называлъ сосѣдомъ. Онъ писалъ царю обидныя письма. Но теперь царь захотѣлъ мириться и сталъ искать посредника: Баторій былъ католикъ, долженъ былъ послушаться папы. Вспомнилъ это царь и написалъ папѣ, что готовъ воевать съ турками, только бы освободилъ его отъ войны польской. Обрадовался этому случаю папа и послалъ въ Москву ученаго монаха *Антонія Посевина*, которому поручилъ и посредникомъ быть, и объ соединеніи церквей говорить (а соединеніе церквей у папы значило подчиненіе ему). Начались эти переговоры еще до псковской осады. Посевинъ пріѣхалъ въ Москву и началъ говорить о вѣрѣ; царь отвѣтилъ ему, что прежде надо заключить миръ. Сошлись послы въ *Запольскомъ Ямѣ* (Псковской губерніи, порховскаго уѣзда). Посламъ нашимъ *князю Елецкому* и *Алферьеву* велѣно было стоять за Ливонію до послѣдней крайности; но въ переговорахъ Посевинъ больше стоялъ за поляковъ: ему казалось выгоднѣе, чтобы Ливонія была за польскимъ королемъ католикомъ; потому онъ и говорилъ царю, что

несмотря на неудачу, Баторій до тѣхъ поръ будетъ стоять подо Псковомъ, пока не возьметъ городъ; а Баторію такъ или иначе приходилось кончить войну: поляки на отрѣзъ отказали давать и денегъ, и людей. Царь, когда Посевинъ обманулъ его, велѣлъ посламъ быть уступчивѣе, оттого Посевинъ грубилъ имъ на каждомъ шагу, когда они говорили не по немъ: князя Елецкаго онъ взялъ за воротникъ шубы, перевернулъ его, пуговицы оборвалъ и кричалъ: «Подите отъ меня изъ избы вонъ! я съ вами не стану ничего говорить!» Такъ велись переговоры и кончились тѣмъ, что 6-го января 1582 года заключили перемиріе на десять лѣтъ: царь уступалъ Полоцкъ и Ливонію, а король все, что онъ взялъ во Псковской области. Когда Посевинъ вернулся въ Москву, онъ опять заговорилъ о вѣрѣ, но царь долго не хотѣлъ говорить съ нимъ, а потомъ заспорилъ. «Папа не Христосъ — сказалъ онъ ему — престолъ, на которомъ носятъ его — не облака, а тѣ, кто носятъ — не ангелы. Если папа живетъ не по ученію христову, то онъ волкъ, а не пастырь!» — «Если папа - волкъ (сказалъ Посевинъ): такъ что ужь мнѣ и говорить!»

Зимою 1582 г. противъ шведовъ посланъ былъ *Мстиславскій*, который и разбилъ ихъ. Самъ *Делагарди* пошелъ къ *Орѣшку* (теперь Шлиссельбургъ), узналъ, что идетъ Мстиславскій и поворотилъ отъ города. Вдругъ царь велѣлъ переговаривать о мирѣ и заключено было перемиріе на три года, по которому царь уступалъ Иванъ-Городъ, Ямъ, Копорье.

Около этого же времени обрадованъ былъ царь вѣстью о покореніи третьяго татарскаго царства —

Сибирскаго. Случилось это такъ: въ Пермскомъ краю издавна поселились промышленники Строгоновы, завели соляныя варницы и получили отъ государей граматы па пустыя земли, которыхъ въ томъ краю было много. Сюда стали сходиться люди со всѣхъ сторонъ Россіи, и край началъ заселяться. Богаты были Строгоновы и отъ соли, и отъ торговли пушнымъ товаромъ; не разъ они своимъ богатствомъ служили государямъ русскимъ: такъ дали денегъ на выкупъ Василія Васильевича изъ татарскаго плѣна. Богатство ихъ завидно было разнымъ народцамъ, жившимъ въ окрестностяхъ: вогуламъ, татарамъ, киргизамъ, которые только и жили, что грабежомъ. Чтобы оборониться отъ нихъ, Строгоновымъ дано было позволеніе собирать ратныхъ людей и строить крѣпости. Самый опасный ихъ врагъ былъ царь *сибирскій*. Его царство, которое называлось *Сибирскимъ* отъ города Сибири (въ нынѣшней Тобольской губерніи), не было такъ велико, какъ то, что мы называемъ Сибирью: у него была только одна Тобольская губернія; но другіе народы были еще слабѣе и царь сибирскій былъ опасенъ тѣмъ, что часто нападалъ и тревожилъ. Задумали Строгоновы начать войну за Ураломъ въ самой землѣ Сибирской и выпросили на то царское разрѣшеніе. Стали они для этого дѣла искать ратныхъ людей и подумали, что по Волгѣ ходятъ казаки и грабятъ, что этихъ грабителей можно обратить на доброе. Задумали и послали на Волгу переговариваться съ казаками. Посланный Строгоновыхъ нашелъ на Волгѣ атамана *Ермака Тимофѣева*, кото-

рый и пришелъ въ Чердынь къ Строгоновымъ съ 540 чел. казаковъ. Это было въ 1579 году. Этихъ-то казаковъ Строгоновы снарядили для похода въ Сибирь; прибавили къ нимъ еще 300 чел. своихъ ратныхъ людей, дали жалованье, одежду, пушки, пищали, проводниковъ.

Узналъ царь, что Строгоновы наняли разбойниковъ казаковъ, прислалъ къ нимъ гнѣвную грамату, грозилъ Строгоновымъ опалою и велѣлъ воротить казаковъ; но ихъ воротить уже было нельзя: они уплыли далеко. Ермакъ переходилъ изъ рѣки въ рѣку и вступилъ въ *Туру*, гдѣ начиналась Сибирская Земля. Нѣсколько татарскихъ городковъ сожгли казаки и захватили плѣнныхъ. Одинъ изъ плѣнныхъ былъ приближеннымъ сибирскаго царя Кучума. Ермакъ отпустилъ его домой. Этотъ плѣнный въ страхѣ сказалъ своему царю: «Русскіе воины сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ, стрѣлъ не видать, а уязвляютъ разными ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ ничѣмъ нельзя: все на вылетъ пробиваютъ». Это онъ говорилъ о ружьяхъ; татары тогда знали только луки. Испугался Кучумъ, послалъ царевича Маметкула на встрѣчу русскимъ, а самъ укрѣпился надъ рѣкою *Иртышомъ*. Ермакъ разбилъ Маметкула и шёлъ на царя. Задумались казаки и хотѣли бѣжать; нашлись храбрые и сказали имъ: «Братцы! куда намъ бѣжать? время осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ; а будемъ надѣяться на Бога: онъ и безпомощнымъ по-

можетъ». Тогда и другіе ободрились, пошли на ханское укрѣпленіе и взяли его. Царь бѣжалъ въ свой городъ, забралъ сокровища и бѣжалъ дальше. Казаки взяли Сибирь; но богатырь Маметкулъ былъ еще на свободѣ: онъ тревожилъ казаковъ. Его разбили на рѣкѣ Вагаѣ и взяли въ плѣнъ. Въ 1582 г. Ермакъ извѣстилъ Строгонова о своемъ счастьѣ и послалъ своего товарища *Ивана Кольцо* (когда-то осужденнаго на смерть за грабежи на Волгѣ, но бѣжавшаго) съ вѣстью къ царю, что «онъ, Ермакъ, счастіемъ великаго государя Ивана Васильевича, Сибирское царство завоевалъ». Государь допустилъ къ себѣ *Кольцо,* простилъ его и милостиво принялъ; велѣлъ служить молебны въ соборѣ и раздавать милостыни нищимъ. Казаковъ, пока они жили въ Москвѣ, содержали на казенный счетъ и дарили деньгами. Къ Ермаку послалъ царь милостивую грамату и богатые дары: два панцыря, серебряный ковшъ, шубу съ своего плеча и велѣлъ править Сибирью, пока не пріѣдетъ воевода.

Царь не дожилъ до погибели Ермака, что̀ случилось при его сынѣ Ѳеодорѣ. Ночью Кучумъ изъ степи напалъ на казаковъ и сонныхъ перебилъ; Ермакъ кинулся въ Иртышъ и утонулъ. Но Сибирь уже осталась за нами; пришли воеводы и утвердили Сибирь за Россіею.

Съ 1581 г. царь началъ уже слабѣть. Зимою 1584 г. онъ совсѣмъ разболѣлся: внутренность его начала гнить и тѣло пухнуть. Иногда ему становилось легче: тогда на креслѣ выносили его въ комнату, гдѣ были царскія сокровища. Наканунѣ смерти ему стало лег-

че отъ теплой ванны; онъ велѣлъ приготовить себѣ ванну и на другой день. Царь просидѣлъ въ ней три часа; потомъ на постели началъ играть въ шашки съ Бѣльскимъ, и упалъ безъ чувствъ. Пришелъ митрополитъ и на-скоро постригъ его.

У него остались два сына: *Өеодоръ*, добрый, набожный, по больной, который послѣ него царствовалъ и былъ послѣднимъ царемъ изъ рода Рюрика, и младенецъ *Дмитрій*, сынъ седьмой жены царской. Мученическая кончина этого Дмитрія много бѣдъ принесла Россіи. Старшаго своего сына, царевича Ивана, царь въ гнѣвѣ ударилъ жезломъ (который и до сихъ поръ стоитъ въ Москвѣ въ Оружейной палатѣ) и царевичъ больше не вставалъ.